

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантастика

№ 1 / 2016



Март-Август

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантастика

*Литературное приложение
к ежемесячному
научно-популярному
и научно-художественному
журналу «ЗНАНИЕ-СИЛА»*

№ 1/2016

№ 1 (22)
Издается с 2006 года

www.znanie-sila.ru

Зарегистрировано 03. 08. 2006 года
Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-25240

Учредители

П. Н. Ртищев
АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»

**Генеральный директор
АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»**

И. Харичев

Журнал издается при участии
Союза писателей XXI века и
холдинговой компании
«Вест-Консалтинг»

Редакция

И. Харичев (шеф-редактор)
Е. Степанов (заместитель шеф-редактора)
Д. Байкалов
Е. Харитонов

Макет

Т. Иваншина
А. Глазов

Обложка

А. Горелова

Компьютерная верстка

И. Ракитина

Подписано к печати 07.02 2016
Формат 60х90/16.
Офсетная печать
Печ. л. 8,25. Усл. печ. л. 10,4.
Уч.-изд. л. 11,9. Усл. кр.-отт.
31,95.
Тираж 100 экз.

Адрес редакции:
115114, г. Москва,
ул. Кожевническая, д. 19,
строение 6

Телефон: (499)235-89-35
Факс: (499)235-02-52
E-mail: zn-sila@ropnet.ru

**Рукописи не рецензируются
и не возвращаются**

Цена свободная

Отпечатано в ООО «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бул.,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Сайт: www.west-consulting.com.ru
E-mail: stepanovev@mail.ru
Тел.: (495)978-62-75
Заказ № 20

СОДЕРЖАНИЕ

КОСМОС

- 3** *В. Бохов*
Встреча

БУДУЩЕЕ

- 9** *С. Гончаров*
Побег от мамочки
- 19** *Я. Хотеев*
Дом Почетных Граждан
- 25** *В. Коркунов*
Missing link
- 30** *К. Берендеев*
Свадебное путешествие

КОНТАКТ

- 34** *А. Марков*
Спасительное неведение
- 40** *М. Кулакова*
Последний
- 43** *Ю. Ковалёв*
Нелюди

ИНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ

- 56** *В. Коперник*
Путь далёк...
- 66** *А. Курамшин*
Парк развлечений

НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

- 78** *Е. Сафронова*
Твори, выдумывай, пробуй! (повесть)
- 109** *Г. Неделько*
Доктор Пауз

ЮМОРКОН

- 112** *Д. Воронин*
Истина рядом
- 119** *А. Чутко*
«Цуцыков, Амфибрахий в вами!»
- 122** *А. Брюханов*
Сплошная иллюзия
- 125** *И. Соколова*
Для тонких ценителей

Валерий Бохов

Встреча

Межпланетный корабль уверенно пронзал тёмную негостеприимную бездну космоса.

Воздушный аппарат был потрёпан. Облезлую краску, ржавчину, следы огня можно было разглядеть на корпусе при озарении корабля случайным лучём холодной звезды. Внешний вид загадочного объекта был ужасен. Нос был смят. Параболическая антенна сбита, солнечная батарея — сплюснута. Синими космами, казалось, висели обрывки страховочных лонжей, привязных фалов и тросов. Воскресший «Летучий голландец» да и только!

Но на корабль-призрак искусственное тело походило ещё и не этим. В освещенном иллюминаторе не было видно жизни. Ни одного движения!

Андрей Зуев уже минут сорок шёл параллельным курсом. Он не будил ребят — пусть поспят. Опасности нет, встреченное творение рук человека идёт в попутном направлении, к Земле. Порученное задание выполнено — в заданном районе шесть раз они садились на «пробегающие» астероиды. Сажались безупречно! И им радостно это было делать! Главное — сравнять скорости, подработать двигателями и всё — сели. Облегчённое родео! Разведку провели! Золото обнаружено! Стопроцентное! Золото белое, красное, жёлтое — на любой вкус! А серебро и медь добыть на астероидах — вообще пустяк! На некоторых астероидах и разработка не нужна — металл плитами лежит на поверхности. Набирай и прыгавай, чтобы не унесло вдаль! В общем — перспективно! Астероидный бум оправдан! В Центр доложили; грузовые спецплатформы уже готовят! Завалим родную Землицу, родную планету блестящим металлом!

Теперь эта загадка, что рядом идёт... Что с ней? По внешнему виду она смахивает на наши модели ранних выпусков. Андрей уже запрашивал корабль. Межгалактическим кодом, международным, на русском языке, на английском, — тишина. Ни звука! Да, точно — там никого! Уверен! Надо подойти, пристыковаться; через переходный модуль проникнуть внутрь. Ну, это когда ребята встанут. Да, и без разрешения Центра — нельзя!

Похоже, что, работая на ключе, Андрей разбудил коллег — ресницы у них затрепетали, как у бабочки крылья. Освещение кубрика позволяло увидеть этот верный признак скорого бодрствования! «Пора будить!» — Андрею не терпелось поделиться новостью с друзьями.

— Товарищи! Разведка! Мы не одни! Прошу просыпаться!

Андрей отключил действовавший на протяжении ночи ароматизатор «Прелой лесной листвы» — его они совместно выбрали.

— Что там — грачи прилетели? — художник, фотограф, механик и врач экспедиции Сумароков Сергей в момент отреагировал. Скинул ноги с кровати, сел. — Где они?

— Гости сильно хуже татарина? — Рифат Сираждинов, штурман и повар, поднял голову. Ведь мы не звали, по-моему, никого! Тем более, раз они хуже меня!

— Вон, глядите на десять часов по циферблату. Светёлка светится. В сотне метров от нас. Идём вместе уже около часа, — пояснил Андрей.

— Они тебе, Андрюха ничего не ответили на твои запросы? — проявил интерес Сергей.

— Ничего! Ни гу-гу! По ряду признаков, мне кажется, корабль пустой, — добавил Зуев.

— Командир! А что это за признаки? — Рифат окончательно проснулся и вопрос этот задал уже стоя.

— На запросы не отвечают. Движения внутри нет. Обрывков много свисает. Вообще вид облезлого кота. Кажется, весь экипаж вылез зачем-то наружу и вдруг что-то нештатное произошло. У меня перед глазами стоят.. кадры из фильма о пришельцах, о монстрах...

— Может, они там спят или болеют? — Сираждинов подошёл к командиру.

— Вряд ли при таком ярком свете кто-то спит. Я смотрел и в бинокль — спящих, да и лежащих людей не видно. Жилой, рабочий и приборный отсеки у них, как и у нас, в одном помещении. Модели кораблей ведь сходны. Значит, и расположение такое же, — делился с коллегами Зуев. — Вроде не спрячешься.

— А вдруг там невидимки живут? — с улыбкой поинтересовался Рифат Сираждинов.

— Ну, не серьёзно, Риф, — заметил ему Зуев.

Сергей Сумароков высказал предположение:

— Не в холодильник же для груза двести они все забрались?

— Нет, конечно. Не должны, — усмехнулся Рифат. — А что, если нам подойти вплотную?

Андрей сказал коллегам, что в таком случае следует обратиться в Центр.

Центр управления полётами, когда с ним связались космонавты, прежде всего попросил сообщить бортовой номер космического тела; подойти к объекту, закрепиться присосками, но не пристыковываться к летательному аппарату переходным модулем, а лишь «присосаться»; описать внутреннюю обстановку, интерьер капсулы, видимые через иллюминатор.

Корабль-разведчик под управлением Зуева А.А. приблизился вплотную к объекту, шедшему параллельным курсом к Земле, «присосался» к нему с помощью шлангов — «щупалец».

— Ну, вот. Акула и прилипла вместе, — подвёл результат операции командир корабля. Сейчас доложу наверх.

— Докладывает «Геолог-17». Номер аппарата виден чрезвычайно плохо. Вроде бы, «КРР 6961». Дополнительные сведения: космический комплекс, на наш взгляд, подвергся интенсивному метеорному дождю. Это видно по

многочисленным следам на обшивке. Наши предположения: плотным метеорным ливнем вся команда, вышедшая наружу, была посечена. Ведь даже страховочные концы жутко измочалены и перебиты.

Центр попросил тайм-аут.

В иллюминаторе корабля, к которому приблизились космонавты-разведчики, можно было разглядеть: трёхъярусную кровать, перед ней велотренажёр, на нижнем спальном месте кровати расставлены шахматы; обеденный стол, подогреватели органической и синтетической пищи; устройства для конденсирования воды и преобразования воды в питьевую, краны с указателями «гор» и «хол»; аквариум с плавающими гуппи; спектрограф для анализа образцов пород; столик штурмана с навигационной системой и принтером, печатающим карты видимого приборами маршрута...

— Аппарат-то у нас построен, без сомнения! — отметил командир корабля.

Увиденные обеденный стол и нагревательная система напомнили Рифату о его обязанностях. Он протёр руки и лицо влажными салфетками. Достал из холодильника три порционных подноса с приготовленными заранее завтраками и поместил их в печь — СВЧ.

— Коллеги! Сегодня в нашей столовой на завтрак рис с сочным шашлыком и гранатовый сок. Включаю ароматизатор «Поджаренное на костре мясо». Кайфуйте! — Рифат водрузил на голову белый колпак кока.

Космонавты успели позавтракать, когда Центр дал о себе знать:

— «Геолог-17»! Андрей! Ребята! В реестре судов борт «КРР 6961» не значится! Мы поговорили с экспертами, и вот их заключение: ваши визави — незаконный копатель. Из тех, возможно, с кем мы воюем. А может быть, он входит во внесударственное объединение. Какая-то частная лавочка у него хозяин... Коммерсант. Как врагов мы таких не воспринимаем, если у них всё законно.

— Да, Центр! Мы тоже так полагаем — это копатель, законный или тайный копатель. У них есть спектрограф. Может быть, они тоже отрабатывали посадку на астероид и предварительную геологоразведку. Или может это разведка в паре с грузовиком? Но грузовых кораблей не видно. — Андрей посмотрел в другой иллюминатор, ещё раз просканировал взглядом окружающее их пространство...

Центр не заставил себя ждать со следующим советом:

— Ребята! Взгляните через бинокль на бумаги, может проявится район, где они работали? Нам важно знать, где они хозяйничают; в известных поясах активности астероидов или астероиды вообще тут не причём? В нашей галактике или иной? Вопросов у учёных может быть много... Да и практикам всё это интересно. Потом мы должны всем заинтересованным лицам сообщить про «КРР 6961»; сообщить как можно информативнее.

Бинокль был в руках у Сумарокова. Сергей тут же отреагировал:

— Ого! Видимые карты, лежащие на столе — контурные. Значит, названия планет и звёзд той области, где они были, неизвестны. По крайней мере, нам. Трудно будет идентифицировать места их промысла. Может карты, лежащие ниже, что-то прояснят? Бортового журнала нигде не видно. Полагаю, что он может быть в сейфе. Или в компьютере. Но компьютера не вижу. Он, скорее всего, на столике командира корабля. Этот

столик скрыт ближайшей к нам оболочкой! Хотелось бы войти туда, во внутрь...

— «Геолог-17»! Описание каюты передайте нам текстом. Ещё такой совет: постучите гаечным ключём по обшивке корабля. Вдруг кто-то отзовётся?

Через пять минут механическая рука вытянулась из шлюза «Геолога», приблизилась к принайтованному кораблю и постучала согнутым пальцем по его побитому корпусу. Бортовым манипулятором управлял Сергей. Ответа не последовало.

Вдруг Центр истерично заверещал женским голосом:

— Экипаж корабля командира Зуева А.А. Внимание! Строго-настрога вам запрещаем проникать внутрь неизвестного корабля. Это прерогатива компетентных органов. Карты, сейфы, отпечатки пальцев и прочие следы — всё это для Вас под запретом! Наружное оборудование также запрещаем трогать! Категорически! Компетентные органы уже открывают соответствующее дело! Убедительная просьба — доставьте встреченный Вами корабль на базу.

— Ребята! Смотрите, карандаш проплыл, а вон за ним салфетка, — комментировал Сираждинов...

— Риф, сколько же в тебе детского восторга? Потом, не «салфетка». Так очень грубо! «Сольфеджио»! — поправил его Сергей.

— Ну, пусть будет «сольфеджио», — согласился Рифат.

— Ребята! Резко не оборачивайтесь! В другом иллюминаторе можно увидеть ещё одного «Мистера Х». Хоть освещены мы не ярко, но он следит именно за нашими действиями, — голос Андрея Зуева был вкрадчив. Корабль небольшой; модель, тоже сходная с нашей...

— Да, друзья, вспомните две тысячи сто десятый — две тысячи сто пятнадцатый годы. Редкая птица могла тогда встретиться в полёте. А тут — глубокий космос и сразу три корабля, считай, в одной точке! — хохотнул Сумароков.

— О возникшей ситуации доложу Центру. Очень жаль, что нам нечем обороняться, если понадобится. Очень уж не ясен этот новый гость. И прояснять его не очень-то охота! — Андрей стал собран и серьёзен.

Центр не стал дожидаться доклада:

— Ребята мы всё слышим! Мы не отключались! наших сил в ближайших к району Вашего пребывания не имеется. Совет: зашторьте свои иллюминаторы, затем уберите внутреннее освещение и постарайтесь незаметно уйти от нового гостя. Это соседство может быть чрезвычайно опасно! Вполне вероятно, что они — охрана Вашего соседа с обшарпанной обшивкой. Разрешаем изменить курс! Сохранность «КРР 6961» не обязательна. Иначе говоря, браконьера, если он браконьер, бросайте. Вы нам дороже!

Через три дня в Центре получили сжатый широкополосный сигнал с корабля-разведчика на частотах, закрытых для иных приёмников, криптографы расшифровали его и получили текстовое письмо Андрея Зуева:

«Докладывает «Геолог-17». Мы идём на базу. Придерживаемся режима радиомолчания. Координаты не сообщаем по соображениям безопасности. Видеть Землю нам позволяет радиоэлектронное оборудование.

Удалось, используя бортовых роботов, закрыть светящиеся иллюминаторы «КРР 6961». Были подведены пластыри из рулона клейкого алюминия. Идём вместе, в паре. Наши двигатели используем как рулевые. Основной движитель — ядерный корабля «КРР 6961».

Преследователя приборы не фиксируют. В случае его обнаружения включим дополнительно торсионный двигатель и свой ядерный; оба без крайней необходимости пока не запускаем».

Через неделю в Центр от «Геолога-17» пришла очередная шифровка, в которой сообщалось, что от преследователя оторвались они солидно. Землю космонавты видят уже благодаря оптической системе. Сообщалось о мерах маскировки маршрута, предпринятых космонавтами: до начала движения вместе с «КРР 6961»: в разные стороны были направлены три беспилотника, в течение семидесяти часов посылавшие сигналы SOS в просторы вселенной. В конце шифровки говорилось «До скорого!»

Прошло полтора месяца. Космический корабль «Геолог-17» отправлялся в новый рейс в сопровождении трёх большегрузов и одного корабля охраны «Карающий луч».

Перед полётом экипаж корабля-разведчика в составе Андрея Зуева, Сергея Сумарокова и Рифата Сираждинова собрался на инструктаж в Центре управления полётами. Представитель оперативного отдела, отвечающего за безопасность полётов, обратился к космонавтам:

— Друзья! Содержание известного вам «КРР 6961» нами изучено. Известны цели последнего прерванного полёта корабля, район действия и его принадлежность. Его экипаж — андроиды.

Ну, начну, пожалуй, с общего.

Есть в нашей глубинке такой городок Стекольный завод. И там существует мощная фирма «Робораб». Фирма градообразующая. Фирма эта частная. У неё сотни андроидов. Они являются продуктом её производства. Фирма имеет право на разработку месторождений цветных и драгоценных металлов. Всё законно и всё правильно — лицензии, сертификаты... По своим показателям добычи металлов фирма опережает многие образования такого же класса и даже некоторые государственные концерны. Фирма «Робораб», иначе говоря, «Робот-рабочий» располагает космодромом. Вот в части грузовых кораблей у них плохо, это их узкое место. У них таких космических кораблей просто нет.

Отмечу — сама фирма нам не враждебна. Более того, с «Робораб» мы давно сотрудничаем в области безопасности. А это нужно, очень нужно и нам. Дела ведь у нас схожие.

Суть нашего пристального внимания в том, что там, в городке с космодромом, завелась гниль. Это человек десять, мы полагаем. Это люди, обращаю ваше внимание. Они нападают на андроидов в полёте, чаще всего, на разработках. Забирают ценные грузы. Избавляются, как правило, от свидетелей. Схватить их — большая проблема. Они очень изворотливы.

И вот, благодаря доставленному вами, уважаемые космонавты, кораблю «КРР 6961», на котором были установлены наши видеокамеры, и поэтому нами намеренно не признанном, мы получили неопровержимые доказательства преступной деятельности банды и портреты троих из её числа.

Андроидов с корабля «КРР 6961» бандиты отправили в открытый космос, а сам корабль с запущенным двигателем столкнули с астероида, предварительно «поработав» со страховочными концами и обстреляв аппарат мощным ручным оружием. Эту тройцу мы уже обезвредили. Оставшихся ловим. Счастливого Вам полёта!

Об авторе

Родился в 1941 году в Москве, где проживает по настоящее время. По образованию инженер-экономист. В 1966 г. окончил Московский инженерно-экономический институт им. С.Орджоникидзе, машиностроительный факультет. Работал в различных НИИ. С 1993 года по 2013 год — в системе ФНС России. С 2014 года на пенсии.

Всю свою зрелую жизнь писал рассказы. Писать прозу для широкого круга читателей начал в 2011 году. Направленность: рассказы для детей; детективы; фантастика; современная проза; юмористические тексты. Начиная с 2013 года работы публикуются в периодических изданиях, альманахах и сборниках. Публикации: «Вблизи звезд» — журнал «Урал», 2015; детектив «Моряки с сухогруза» — «Искатель». № 5, 2013; Сказка — «Мир животных» № 2, 2015, «Операция» — «Наука и жизнь» № 3, 2015, «Се ля ви» — «Техника молодежи», № 1-2, 2015; «Гуманоид» — «Юный техник» № 3, 2015; рассказы — журнал «Флорида» № 6, 2013; рассказы в нескольких номерах журнала «Чаян» за 2015 г.

Сергей Гончаров

Побег от мамочки

Тимур наблюдал за посадкой серебристого модуля. Снег, что лежал повсюду, отражая свет почти потухшей звезды, сильно слепил.

Куполообразный модуль, выставив четыре лапы, сел на посадочную площадку. Взметнулся ураган снега — долго на эту площадку никто не садился.

Четыре часа назад Тимур получил сообщение следующего содержания: «Узнал, что ты застрял на этой проклятой планете. Иду выручать».

Конечно же, это оказался старший брат. Тимур ни секунды не сомневался в этом. Лишь он, да покойная мать могли так выражаться. Мать до последнего вздоха называла его «маленьким пингвинчиком». Брат после смерти матери принял на себя роль защитника. И где бы ни оказался Тимур, всегда приходил Данил и вытаскивал младшего. В этом нет ничего плохого, думал Тимур, не будь брат настолько дотошным, что старался знать каждый шаг младшего, чтоб сейчас же вмешаться и помочь. И неважно, нужна ли помощь.

Серебристый модуль громко пшикнул, выпуская отработанный пар. Дверь пассажирского отсека медленно поползла вниз. Она успела опуститься лишь наполовину, а Тимур уже видел счастливую улыбку высокого мужчины крепкого телосложения. На лысой голове Тимур заметил три шрама. Один, достаточно глубокий, прорезал правую щеку. Данил жизнерадостно помахал рукой. Тимур вяло ответил. Он не питал к брату таких же восторженных чувств. За что себя, впрочем, винил.

Не успела дверь до конца открыться, как Данил, не спуская лестницы, прыгнул на снег. Тимур всегда поражался энергичности старшего брата. В школе он был лучший во всех видах спорта. В армии никому ни в чем не уступал. И когда его ровесники сидели с толстым пузом, обсуждая очередной футбольный матч, Данил мог, не затрудняясь, пробежать сорокакилометровый кросс хоть в двух снаряжениях, убить быка одним ударом, а в пьяном состоянии даже на медведя с голыми руками изредка ходил.

Наверно потому и работал в дивизии разведчиков — искал новые миры.

Тимур не пошел за братом. Он не был первым в школе по физической подготовке. Больше того, одноклассники издевались над ним — ведь грех не пошутить над маленьким и слабым. К тому же он ничего не говорил брату, а если бы сказал, то нашелся бы еще один повод поиздеваться.

Но Тимур преуспел в другом. В то время как брат рвал груши с одного удара, Тимур изучал историю. Постепенно увлечение переросло в манию.

Ему стало казаться, что чем он больше учит, тем меньше знает. И Тимур начал учить еще усерднее. Не закончив школы, он получил место на историческом факультете бюджетного отделения самого престижного вуза Земли. А через два года с отличием окончил. Преподаватели восхищались его знаниями. Предлагали, не откладывая, идти в аспирантуру, но...

Тимур выбрал собственный путь.

Данил со счастливой улыбкой заключил брата в объятия. Тимур чувствовал, что ребра с секунды на секунду превратятся в труху, но не возражал. Ради любви можно все перетерпеть.

— Как ты, братик? — Данил лишь на секунду отстранил Тимура, а в следующее мгновение обнял еще сильнее. — Не загнулся от холода?

— Еще нет, — Тимур с большим трудом освободился из объятий Данила. — А вот ты вполне можешь, если не оденешь это.

Тимур протянул брату термоскафандр.

Планета, где он жил последние семь лет, представляла собой ад. Только наоборот. Днем температура держалась в пределах минус ста пятидесяти по Цельсию, ночью падала до двухсот. Без скафандра обширное обморожение и воспаление легких через несколько минут, а смерть через десять. Но это для неподготовленного человека.

Данил удивленно посмотрел на термоскафандр, затем на брата. Теперь он заметил, что Тимур одет в точно такой же красный комбинезон с прозрачной маской для лица.

— А это обязательно? — поинтересовался Данил.

— Обязательно, — ответил Тимур. — Мне удивительно, что ты еще не заметил здешнего холода.

— Заметил... Немного.

Тимур выискал среди оставшихся комбинезонов самый большой размер. Но теперь, взглянув на брата, засомневался, что Данил сможет его надеть.

Брат быстрыми, выверенными движениями натянул комбинезон. Со стороны могло показаться, что он всю жизнь только и делал, что надевал термоскафандр. Конечно, он ему оказался немного маленьким, но, главное, застегивался плотно.

— Пойдем в машину, — указал рукой Тимур на припорошенный свежим снегом вездеход. — Термоскафандр все равно плохо помогает от здешних морозов.

— Это?! Мороз?! — Данил небрежно махнул рукой. — Мы год назад были кто-его-знает в какой галактике. Так там на одной из планет, вследствие каких-то аномалий, минус тысяча по Цельсию. Нам даже приземляться не разрешили...

Он направился за братом, продолжая рассказывать о галактике кто-его знает.

— Но высаживаться там надо было, ведь сканеры вторично показали на одной из планет огромное наличие... кажется, каменного угля. Ну и что ты думаешь? Скрепя сердце, командир отправляет наш батальон на высадку, сразу предупредив, что вернуться могут не все... Что это за развалина?!

Данил остановился в недоумении. Вездеход действительно выглядел архаично — старая гусеничная машина на солнечных батареях.

— Ты на этом здесь ездешь?!

Казалось, брат всплеснет руками да добавит, как когда-то мать: «Пингвинчик мой, этого нельзя делать!»

— Нормальная машина, — попытался оправдаться Тимур, прекрасно понимая бесполезность усилий. — Она имеет достаточную проходимость для здешних снегов, да и неприхотлива в обслуживании...

— Сколько ей сотен лет?! — брат с непритворным удивлением обошел вокруг вездехода.

— Да если честно, то и не знаю, — ответил Тимур. — Я нашел ее в одном из местных ангаров пять лет назад. Отогрел, отмыл, зарядил и вот... езжу.

Тимур открыл дверь. Сел на водительское место. Данил с огромным трудом протиснулся в узенькую дверь и занял место рядом.

Мотор размеренно загудел. В его рычании чувствовалась мощь. Первобытная, неконтролируемая, даже дурная, но невообразимо сильная. В вездеходе, как подметил Данил, оказалось лишь несколько рычагов, три кнопки да руль больше похожий на штурвал музейных самолетов.

— Ну, а как ездит твоя колымага?

В следующую секунду Тимур нажал педаль газа. Вездеход, взметнув столбы снега, тронулся. Изнутри казалось, что находишься в огромном и свирепом животном, каждое мгновение готовом к битве. Через несколько секунд вездеход набрал скорость девять миль в час — быстрее ездить Тимур не рисковал, ведь снег временами коварнее болота.

Посадочная полоса находилась в часе езды от базы.

— А теперь рассказывай, чего ты тут застрял? — Данил заворожено рассматривал вид за окном.

Рассматривать было что. Умершие цивилизации, сколько на них не смотри, все равно притягивают взгляд. Это как смотреть на собственное чадо в кровати.

Высокие, спрятавшиеся за облаками, громады небоскребов. Переливающиеся всеми цветами радуги обледеневшие стекла. Застывшие на улицах автомобили. И все покрыто снегом.

Казалось, жители покинули эту планету в огромной спешке. Или погибли отчего-то настолько смертоносного, что война по сравнению с этим детская шутка.

— Впечатляет, — на выдохе произнес Данил. — Прямо как классический Нью-Йорк на фотографиях. Я видел сотни погибших цивилизаций, но такой красоты еще не наблюдал. Кошунственно, правда, звучит, но... — Данил не мог оторваться от окна. — Потрясающе красиво! Я теперь понимаю, почему ты не спешишь отсюда убраться.

— Вообще-то не поэтому, — сказал Тимур. — Здесь есть нечто более интересное, чем неизвестно когда погибшая цивилизация.

— Из-за этого «нечта» ты здесь и торчишь седьмой год?

Вездеход продолжал ехать вдоль города, но Данил переключил внимание на брата.

— Честно? — спросил Тимур.

— Желательно.

Тимур резко повернул руль в сторону города. Данилу показалось, что примитивная машина чуть не перевернулась.

— Куда ты? — Данил удивленно взглянул на брата.

— Ты никогда не задумывался, почему мы так быстро уничтожили наш мир? — вопросом на вопрос ответил Тимур.

— Это имеет отношение к делу? — в свою очередь поинтересовался Данил.

— Прости, но придется зайти издалека.

Данил некоторое время смотрел в окно, затем с самым простодушным видом ответил:

— Нет, я никогда не задумывался, почему мы уничтожили Землю.

Вездеход въехал в город и, лавируя между машин, начал углубляться. Стекла нижних этажей слепили глаза, потому Тимур сбросил скорость. Не хватало только врезаться. Патрульно-постовые и скорая на этой планете отсутствовали уже давно.

— А кто здесь вообще жил? — поинтересовался Данил.

— Люди, — ответил Тимур. — Обычные люди, как мы с тобой.

— И выкачали все полезные ископаемые, — завершил мысль Данил.

— Так и было. Мы, когда прилетели, не нашли ничего. Планета пуста. Она словно воздушный шарик — внутри полая.

— Так, а чего ж ты тут тогда остался? — вновь спросил Данил. — Если вы не нашли здесь ничего, то что смог найти ты, раз решил остаться, когда остальные улетали?

— Мы скоро приедем, и я тебе покажу, что я здесь делаю, а пока позволь рассказать.

Данил махнул рукой, мол, рассказывай.

— Если честно, — начал Тимур. — То мне странно, что ты служишь в одной из структур разведки и не обратил внимания на закономерность погибших цивилизаций.

— Я разведчик, а не ученый, — попытался оправдаться Данил. Он со школы питал некую зависть к брату, который хоть и младше, а знаниями обладал большими.

— Не обращал внимания, что везде, где есть погибшие цивилизации, нет больше ничего? Это погибшие планеты, где...

— Что это?! — указал Данил на здание, мимо которого проезжал вездеход.

На третьем этаже отсутствовало одно из стекол. Из дырки, головой вниз, свешивалось тело. Если б не черная шерсть, то Данил мог подумать, что видит человека.

— Местный хищник, — буднично сообщил Тимур.

— Здесь еще кто-то живет?!

Тимур посмотрел на брата. Ему казалось, по меньшей мере, странным, что он, столько повидавший на просторах космоса, еще способен удивляться.

— Это последние, кто был жив на этой планете, — сказал Тимур. — На планете, где есть погибшая цивилизация, нет абсолютно ничего ценного. Это вскоре станет аксиомой.

Данил почесал затылок.

— Ну, — несколько неуверенно начал он. — Я подмечал такое обстоятельство, но это же не означает...

— В том то и дело, что означает, — перебил Тимур. — Планета уничтожена, а населения нет — вот, что это означает.

Данил хотел что-то сказать, но Тимур жестом остановил.

— А что мы сделали с Землей?

— Плохо мы сделали с Землей, — лаконично ответил брат.

— На нашей родной... — Тимур сделал ударение на последнем слове. — ...планете мы выкачали все ресурсы, загадили все что можно и убили все, что можно убить.

— Собственно, это еще в школе проходят, — сказал Данил. — Чего тут удивительного? Или ты мне хочешь доказать, что везде и на всех погибших планетах жили люди?

— Именно.

— А что ты скажешь про землянки размером с остров, где семиметровые скелеты с тремя глазами? Тоже люди? Или про ходы в пол человеческого роста, которыми испещрена вся поверхность Мейтаны? Причем там обнаружено нечто наподобие автомата, только маленького размера. Тоже люди, только карлики? А на Дэкаденсе мы застали и вовсе умирающую цивилизацию. Знаешь, чьими родственниками их признали? — не дожидаясь ответа, Данил сказал. — Медведей.

— Я не буду сейчас с тобой спорить, — сказал Тимур. — Только кое-что расскажу.

Вездеход выехал на площадь, где в центре стоял огромный памятник человеку с бородой и в скафандре наподобие тех, что одевали первые космонавты. Тимур повернул руль направо, и вездеход скрылся в одной из выходящих на площадь улиц.

— И все же, — продолжил Тимур. — Большинство же погибших цивилизаций человеческие?

Данил кивнул.

— Может, помнишь теорию, что человек не с планеты Земля и произошел не от обезьяны?

— Да знаю я эту теорию, — отмахнулся Данил. — Бред сивой кобылы в лунную ночь под барабанную дробь! Давным-давно доказано, что как ни крути, а мы произошли от обезьяны. У нас одинаковый геном, привычки...

— Согласен, — перебил Тимур. — Привычка убивать по пустякам у обезьян сильно развита! Я тебе говорю о том, что у человека изначально имелось много качеств и привычек, которыми земные животные не обладали. Взять хотя бы логическое мышление, волосы, абсолютную неприспособленность к миру. Как мы могли спрыгнуть с дерева и начать ходить в рост? Ведь любой хищник сразу бы задрал такую слабую особь. Как мы могли убить целый вид пещерных медведей каменными ножами?.. А вообще ты посмотришь сейчас на все сам.

Вездеход подъезжал к концу улицы. Впереди виднелась еще одна площадь, только огромного размера. Данил поначалу не поверил глазам, увидев посреди площади порядка тридцати деревянных домиков выстроенные в одну улицу. Во главе стояло трехэтажное деревянное сооружение без окон

и с расходящимися от него проводами. Провода подходили к каждому дому, а от самого здания уходили вверх.

Данил, насколько позволяло окно вездехода, высунулся, чтоб посмотреть, куда же они идут. Оказалось, что на всех близлежащих крышах небоскребов стояло по несколько ветряных электростанций. Их силуэты смутно-смутно проглядывались сквозь пелену облаков.

— Это электростанция? — указал Данил на здание без окон.

— Да. Причем она до сих пор работает, — ответил Тимур.

Все выглядело настолько неестественное, что казалось галлюцинацией.

Тимур повел вездеход вокруг поселка посреди города. Позади домиков стояла деревянная ограда с острыми кольями, через каждые пять метров находились стальные бойницы.

— Что это вообще такое?! — задал, наконец, Данил вертевшийся на языке вопрос.

— Скоро узнаешь.

Впереди показалась брешь в стене. Лишь когда вездеход подъехал ближе Данил увидел, что часть ограды попросту выломана, а ближайшая бойница разорвана.

— Кто-то штурмовал этот поселок? — спросил Данил.

— Сородичи того, что висел из окна, — ответил Тимур.

Он сбавил скорость и медленно проехал в брешь. Внутри царил беспорядок. Повсюду, покрытые слоем снега, лежали разнообразны́е предметы обихода. Двери практически всех домов валялись рядом, вырванные вместе с лутками, хоть и открывались когда-то наружу.

Тимур повел вездеход прямо к центральному строению без окон. В одном из домов, сквозь дыру на месте двери, Данил смог разглядеть скромное убранство. Точнее то, что осталось от оно́го. Какой-то примитивный станок лежал на боку, стол переломлен на две части, кровать поставленная «на попа» в последние мгновение явно выполняла функцию двери. Повсюду валялась припорошенная снегом посуда и прочие мелкие предметы быта.

Вездеход остановился возле единственного входа центрального строения. По тому, как «прилади́ли» дверь, Данил сразу догадался, что ее восстановлением занимался Тимур.

— Выходим, — Тимур выключил вездеход.

Данил еще с большим трудом, чем забирался, выбрался. Размял затекшие конечности, сделал пару упражнений разминки, нанес «двоечку» воображаемому противнику.

— Как можно строить такие маленькие машинки?! — возмутился он.

Тимур выбрался следом, открыл дверь здания, закрытую на обычный крючок.

— Заходи, — пригласил он брата.

Внутри царил мрак. Тимур пропустил брата и запер дверь изнутри на такой же крючок, клацнул тумблер возле входа, и помещение залил яркий белый свет. Оказалось, что здание не трехэтажное. Просто меньшее строение для предмета, что стоял здесь, построить оказалось невозможно. Посреди единственной комнаты находилось нечто странное — большое квадратное сооружение. Его поверхность будто сделана из стекла, а внутри

бурлила светло-зеленая жидкость. Сверху воткнуты провода. Вдоль стен располагались более знакомые вещи — радиаторы странной формы, здоровый пульт с множеством кнопок и большим экраном над ним, да десяток кресел на ножках, что были явно откуда-то вырваны.

— Что это? — указал на квадрат с жидкостью Данил.

— Хотел бы я знать, — вздохнул Тимур. — Мы еще не достигли такого прогресса. Могу лишь сказать, что это нечто наподобие повышающего трансформатора. Те крохи электроэнергии, что поступают внутрь, он усиливает до нескольких сотен тысяч киловатт. Как? — не спрашивай.

Данил обошел странное изобретение вокруг. Нигде ничего хоть отдаленно напоминающего кнопки «вкл/выкл» или регулятора мощности.

— Это явно не человеческое изобретение... — рассеянно пробормотал Данил. — Я нигде ничего подобного не встречал... А ты не пытался взять на пробу этой жидкости? — спросил он брата.

Тимур усмехнулся.

— Еще как пытался! Я тоже вначале подумал, что это стекло, — он взял стоящую возле стены кувалду достаточно внушительных размеров. — Вот, инструмент из местной кузницы. Попробуй стеклышко.

Данил не заставил просить себя дважды. Схватил одной рукой кувалду и что есть сил ударил по квадратному сооружению. В следующую секунду выронил кувалду и затряс рукой от боли.

— А сверлить не пробовал?

— Пробовал, — ответил Тимур. — Я что только не пытался сделать. Пойми, мы еще не достигли такого развития, чтоб создавать подобные вещи.

— Но провода туда как-то ж воткнули? — не унимался Данил.

— Я действовал по точно такой же логике. Ничего не вышло. Подойди сюда, — Тимур присел на одно из кресел возле пульта. — Садись, — указал на соседнее.

Данил еще раз кинул взгляд на квадрат с бурлящей жидкостью, после послушно сел.

— Я долго разбирался в этом оборудовании, — Тимур нажал несколько кнопок, и экран вспыхнул помехами с характерной статикой. — Нашел много интересного, но самый большой интерес представляет вот эта запись.

На экране возник мужчина в рубаше из коричневого меха, с седой бородой и волосами, хоть и не казался старым. Он сидел на том же месте, что и Тимур, за его спиной возвышался тот же бурлящий квадрат, а в комнате та же обстановка.

Человек начал говорить. Данил внимательно слушал около минуты, затем спросил:

— Это что за язык? Со мной служит китаец, постоянно песни свои распевает. Это точно не китайский. Про языки романской группы тут можно и не говорить...

— Можешь не гадать, — перебил Тимур. — Это шумерский.

— Какой?! — Данил посмотрел на брата, как на чокнутого, затем перевел взгляд на экран и больше не отрывал.

Человек минут пять говорил. Постепенно Данил начал улавливать какие-то посторонние звуки. Поначалу подумал, что с улицы, но, вслушав-

шись, понял — с экрана. В паузах между словами мужчины до слуха Данила долетали какие-то возгласы, крики, иногда рычание и что-то напоминающее выстрелы. Крики усиливались. В одно из мгновений начала вопить женщина. Крик как начался, так и оборвался. Слышалось, что звуки приближаются. Дверь за спиной мужчины дрогнула. Он обернулся. Когда повернулся обратно, на его лице без труда читался страх. Он успел сказать несколько фраз, когда дверь вырвали. В комнату ворвались существа. Они перемещались на двух лапах и очень напоминали бы человека, не имей волчьих морд, лап заканчивающихся когтями, да меха коричневого цвета.

Дальнейшее заняло несколько секунд.

Двое, что ворвались первыми, мгновенно оценили обстановку. Опустившись на четыре лапы, они кинулись на мужчину.

Экран зашипел статикой. Некоторое время Данил с Тимуром сидели молча.

Затем Тимур встал, прошел к одному из кресел, где лежал ворох бумаг. Немного покопавшись, выбрал одну и протянул Данилу.

— Не буду вдаваться в подробности, — сказал Тимур. — Начнем с того, что я нашел человека, который владел шумерским. Оказалось, это не тот шумерский, что знают сейчас, а его неизвестная проформа. Несмотря на протесты, что это не до конца изученный, мертвый, да к тому же, отходящий на многие тысячелетия от классического, язык, я все-таки уговорил его перевести. Но он не смог полностью и дословно этого сделать, сказал, что много чего додумывал и логически домывливал.

Тимур замолчал. Данил некоторое время смотрел на брата, словно сомневаясь, стоит ли читать. Потом опустил взгляд.

«Мы потомки тех, кто семьдесят прореев (не смог расшифровать данное выражение, потому привожу его, как есть) назад сбежал с Эйтона (такая же проблема). Невыносимые условия и агрессия эксплуататоров заставили наших отцов и матерей бежать. Они утнали один из пространственных крейсеров (не уверен в дословности перевода, но думаю, что здесь имеется в виду нечто летающее) и только поэтому смогли скрыться. В полете они решили, то надо разбиться на группы. Одну оставили здесь. Вторая группа отправилась на третью планету от вновь зарегистрированной звезды, где, по предположениям, обитали подобные нам существа. Рассчитывали, что они, укрывшись там, спрячутся среди местной фауны, а позже вновь вернуться за оставшейся здесь группой. Если же их найдут, то на этой мертвой планете искать не станут и тогда хоть кто-нибудь выживет. Но эта планета оказалась не пуста... (далее два предложения практически непереводимы, а из отдельных понятных слов общей картинке не получается). В назначенное время крейсер не вернулся и на связь не вышел. Эта планета оказалась еще страшнее, чем мы думали. Когда наши предки установили, что здесь жили люди... (несколько непонятных слов) то опасаться за свою жизнь пришлось вдвойне. Здешние здания заражены. К кораблю в порту вообще нельзя приближаться. Но самое опасное это местные хищники. Они борются за еду. А еда мы. Но самое страшное в том, что и они для нас единственная еда. В этот раз мы, похоже, не выстоим. Они...»

— Не повезло, — подвел итог Данил. — Их попросту кинули умирать. Мне, знаешь, кажется странным, что мертвый язык, который плохо изучен, настолько хорошо переведен.

— Я же говорил, что человек, который переводил, многое домысливал, — повторил Тимур.

— Кажется, он слишком многое присочинил, — усмехнулся Данил. — Удивительно, что они смогли выжить в деревянных домиках при такой температуре!

— Знаешь, сколько этой записи лет? — Тимур не услышал брата. — Она сделана около сорока тысяч лет до нашей эры. В этих условиях все отлично сохраняется. Так отлично, что я даже не смог установить, когда построен город, что вокруг нас. Но я предполагаю, что эта цивилизация погибла незадолго перед прибытием экспедиции, раз на планете оставались живые хищники.

— Это все поистине занимательно, — сказал Данил. — Но неужели ты думаешь, что тебе поверят?

— Я не думаю, а знаю! — возразил Тимур. — Против таких доказательств не попрешь! Я сообщу..

— А ты уверен, что человечество готово к раскрытию тайны? — перебил брат.

— Да ведь это прорыв! — воскликнул Тимур. — Десятки тысячелетий человек гадал, откуда взялся, а здесь такое открытие...

— Брат мой, — вздохнул Данил. — Ты засел на этой покинутой даже микробами планете и думаешь, что облагородишь человечество? Я повторю вопрос. Ты уверен, что человечество готово узнать, откуда оно?

— Но ведь это...

— Ты уверен, что человечество готово узнать, откуда оно? — повысил голос Данил.

— Да! — посмотрел в глаза брату Тимур.

— Хорошо, — согласился Данил. — Ты здесь сидишь и не видишь, что человечество на месте не стоит. Оно активно заселяет другие планеты. Естественно, близлежащие. Как я понял из перевода, наши предки прилетели из далекого далека, где были рабами.

— Не факт, — вставил Тимур, но Данил его и не старался услышать.

— Заселяя другие планеты, люди истребляют местное население, ведь врага за спиной оставлять опасно. На самый крайний случай, под видом помощи превращают в рабов. Нигде не встречают сопротивления, и тут объявляется молодчик, что сбрасывает с человечества нимб и опускает до уровня прислуги. Мы не будем даже вспоминать о людях, что до сих пор считают, что произошли от бога или о тех, кто убежденно верит в силу ветки и вкус бананов. Мы возьмем людей, кто более-менее трезво оценивает свое бытие. И ты думаешь, они готовы узнать, что являются бывшими рабами?

— А что в этом плохого? Человеческая история вся состоит из рабства. — Тимур никак не мог понять, куда клонит брат.

— В том-то и дело... получается, это не наше изобретение. Получается, мы используем чужие достижения. Опять же, на этой планете, как и на

множестве других, жили люди, а потом куда-то делись. Когда вновь объявились, то были уже рабами.

— Я не пойму, куда ты клонишь, — признался Тимур.

— Попробуй объяснить трехлетнему ребенку, что его не аист принес, а мама с папой в прямом смысле слова «сделали». И процесс в подробностях объясни. Думаешь, поймет? Оценит прогрессивность родителей? Так же и с человечеством. Ты попросту угробишь жизнь впустую. Ты мой брат. В твоих жилах течет моя кровь, и я не допущу, чтоб тебя, как Бруно, сожгли на костре за правду. Придет время, человечество повзрослеет и само все поймет, а пока мы еще в трехлетнем возрасте. Повторно убежали от родителей и как истинные дети истребляем все вокруг. Нам все надо потрогать, пощупать, разобрать. Но если придет мама и увидит, что мы наделали... не сносить людям голов за побег от мамочки.

Об авторе

Родился в 1987 году в г. Ростове-на-Дону. Закончил Электротехнический колледж и Литературный институт им. А.М. Горького. Живёт в Москве. Занимается ремонтом контрольно-измерительного оборудования.

Публиковался в журналах «Полдень XXI век», «Юность».

Ярослав Хотеев

Дом Почетных Граждан

Когда Билли сказал собирать вещи, я вовсе не хотел устраивать настоящую ревизию. Однако сейчас, сидя вокруг разбросанногохлама, понимаю: сын вспомнит все рассказы о чудачествах стариков, которые слышал, и лишний раз убедится в своей правоте.

— Папа, в Доме Почетных Граждан о тебе позаботятся! — говорил Билли.

Дом Почетных Граждан... Кто-то посчитал, что дом престарелых звучит слишком неуважительно, вот и придумали новое название. Только сути это не меняет. Не хочу остаток жизни прожить со старыми пердунами, обсуждая уровень пенсии, правительство и пуская ветра в закрытом помещении. Едва приоткроешь форточку, чтобы изгнать старческий смрад, сразу посыпятся скрипучие, словно из заржавелых глоток, голоса: «Дует!». Скорее от свежего воздуха пенсионеры опьянеют и пустятся в пляс.

Признаться, я никогда не доставлял хлопот. Всегда помогал деньгами сыну, пока мог работать. Не роптал, когда Билли с женой переехали в мой дом. Подумаешь, пару раз высказался, что невестка излишне громко чавкает, разве это чудачество?

Что ж, Билли, в дом пердунов, значит? Хорошо, будут вам чудачества.

Из кучи хлама выживаю потертую кепку. Ого! Да это же бейсболка «Нью Эра» с эмблемами команды «Байтс Ред». В моем детстве любой пацан готов был продать душу за такую.

Кепка есть, осталось найти плащ, который буду носить, не снимая, даже в лютую жару. Все это идеально подходит для образа безумного старика, который сидит в кресле-качалке на веранде дома старых пердунов, презрительным взглядом провожая прохожих и сплевывая время от времени вязкую желтую слюну.

Открыв дверь шкафа, роюсь в одежде. Засунув руку между пальто невестки и спортивной курткой Билли, пытаюсь найти плащ. Пальцы нащупывают полированную ручку. Инстинктивно тяну на себя. Сухо трещит перекладина с вешалками, и из шкафа вместе с кучей одежды вываливается увесистый ящик. Это папин чемодан, из буйволиной кожи. Пальцы жадно шупают редкую фактуру: сейчас все производство перешло на пластик.

Щелкнув затворами, открываю верхнюю крышку. Радость, легкая грусть, ворох воспоминаний отражаются в слезе. Помятая упаковка игральные карт, бейсбольный мяч, перчатка — стандартный набор любого мальчугана. Руки с трепетом перебирают детские сокровища. В черной коробочке без

надписей вырезки голых девушек. Помню, отец надавал подзатыльников, когда обнаружил внеплановую цензуру в своих журналах. Аккуратно рассматриваю блокнот на пружинке. Мои первые стихи... Надо признать, в то время рифма давалась удивительно легко. Только жаль, все тексты неприличного содержания с большой долей юношеской похотливости.

Блокнот падает на пол. Трясущимися руками достаю из чемодана то, что лежит на самом дне.

Робот. Мой робот! Да что там робот! Это же Чам!

В моем детстве роботы-няньки были очень популярны. Их заводили люди с достатком, слишком занятые, чтобы смотреть за детьми. Мой отец не относился ни к первым, ни ко вторым. Мама умерла сразу после рождения, и перед отцом встал несложный выбор: либо заниматься воспитанием сына, либо впахивать на трех работах и обеспечивать семью кровом. Как и сказал, выбор несложный.

Я любил своего старика. Несмотря на все трудности, он смог вырастить из меня человека. Да, может в холодильнике не всегда была еда, да, может, я не получил на четырнадцатилетие первый автомобиль и не учился в престижном колледже, но и в алкоголика или бандита не превратился.

Потому робот-нянька Чам для нашей семьи стал необходимой роскошью. Да еще какой! Это был один из первых домашних роботов, которые появились на рынке. Сейчас многие будут воротить нос — робот не подключен к Единой Сети, нет режима настройки голоса и автономная работа лишь 28 часов. Но в то время это было пиком технического прогресса: с видеокамерой, сигнальным маячком и предустановленной образовательной программой на жестком диске.

Дети вырастают из своих игрушек, так и я вырос из робота-няньки. Уехав из дома в колледж, вернулся только после смерти отца. Старик заботливо собрал мои вещи и бережно хранил в своем чемодане все эти годы.

Невольно шмыгаю и придерживаю пальцем слезу.

Матиуш Элрик Хенсон, если бы у тебя было больше мозгов и хоть чуточку здравого смысла, ты бы чаще навещал своего старика. Так что не тебе винить своего сына, что он решил сбегать отца в Дом Почетных Граждан. Тебе там самое место.

Аккуратно ставлю робота на пол — Чам удивительно стойко держится на ногах. Ростом чуть выше метра, сейчас едва достает мне до пояса, а когда-то я считал его гигантом. Голова слегка приплюснута и напоминает мяч для регби. Крупные окуляры закрыты продольной решеткой для лучшей сохранности. А что вы хотите, дети бывают разные. Такой же решеткой прикрыт динамик рта. Вместо шеи — гибкий пластиковый гофр, который гнется в любую сторону как гармошка. На тусклом корпусе туловища установлен небольшой экран для вызова меню и просмотра записей с камеры, встроенной в окуляры. Смешные, длинные руки достают до колен, от чего я в детстве дразнил Чама обезьянкой. Предплечья утолщены, в одно встроен компас, в другое часы. Правда, это особо не помогало, во время игр мы частенько забывали про ужин, и папе приходилось искать нас по маяку. Три пальца на ладони смотрятся довольно хлипко, но я-то помню, как Чам на спор гнул арматуру одной рукой. Ноги короткие,

всего тридцать сантиметров. Разумная мера, иначе ребенку ни за что не успеть за шагами няньки.

Эх, Чам, сколько веселых деньков мы с тобой пережили! Возможно, если бы сын вырос под твоим присмотром, то мне бы не пришлось сейчас собираться в дом престарелых. Но нет, после развода Элизабет забрала Билли к себе, и пацан воспитывался на материнских щах, вспоминая о старике только когда требовались деньги. Не знаю, что наговорила моя бывшая сыну, но тот наотрез отказывался от свиданий со мной. Готов биться об заклад, что и к моему выселению эта ведьма приложила руку.

— Ну что дружище... Мы оба знавали времена получше, — обращаюсь к Чаму и по-братски хлопаю по плечу.

— Мати...

Едва не порчу воздух от испуга.

— Матиуш? Это ты? Ты дома?

Не знаю, что невероятнее: что аккумулятор робота до их пор сохранил крохи заряда, или что Чам узнал в старческом лице бывшего мальчугана?!

Мое лицо изрыто морщинами, неухоженные брови хмуро кустятся над поблекшими глазами. Поредевшие седые волосы аккуратно зачесаны на бок. Шея с отвислой кожей наполовину скрыта клетчатым воротом рубашки, шерстяной свитер, что на несколько размеров больше, мешком висит на костлявом теле. Домашние штаны с пятном от зубной пасты туго затянуты ремнем на поясе. Да я бы сам себя не узнал сорок лет назад.

В спешке роюсь в чемодане в поисках зарядного устройства. Пока Чам неуклюже вертит головой, подключаю кабель к роботу.

Благодаря электричеству Чам заметно оживает.

— Матиуш, давай играть!

Облизываю, покрытые сухой коркой, губы.

— Сейчас друг, поиграем. Ты только потерпи немного. Подзарядим старые аккумуляторы и будем играть.

Чам во всю размахивает руками.

— А пойдем в поход, Мати?

Наблюдая за забавной жестикуляцией робота, сажусь на колени.

— Я слишком стар для походов, Чам. — видя, как робот замирает, поспешно добавляю. — Давай в другой раз.

Не успев огорчиться, робот переключается в режим няньки.

— А ты уже обедал сегодня, Матиуш Элрик Хенсон?

Пристыженно втягиваю голову в плечи. Я успел позабыть, насколько этот голос может быть противным.

Озвучивал роботов-нянек Джо Бьюк — знаменитый в мое время ребенок, успевший сняться в нескольких комедиях. Именно его ставили в пример детям все мамы 21 века.

— Чам, давай лучше поиграем в прятки. — предлагаю я. — Только ты водишь.

Робот неуклюже хлопает в ладоши, затем притворно закрывает окуляры руками и начинает считать.

Зайдя в туалет, достаю из кармана пачку сигарет. Невестка терпеть не может, когда курю в доме, но сейчас мне плевать.

По сути ничего страшного не случилось, наоборот, нашел чемодан с детскими вещами, старого робота — сиди да ностальгируй. Тогда почему так волнуюсь? Не хочу уезжать?

Я вырос в этом доме и помню каждую мелочь: как скрипит дощатый пол, как дует ветер в оконную щель, и как одиноко среди бетонных стен.

Моя комната на втором этаже справа от лестницы. У окна старый стол со слабеньким компьютером, кровать у стенки и радиоприемник на тумбочке — не хитрая планировка. Дальше по коридору ванная комната, совмещенная с туалетом. Именно здесь я сейчас прячусь. На первом этаже аккуратная и скромная кухня с газовой плитой и двухдверным холодильником. Помнится, ночью тайком частенько устраивал пиршества. Напротив кухни широкая гостиная с маленьким телевизором и раскладным диваном, на котором спал отец. Еще есть темная кладовая, куда я до сих пор стараюсь лишний раз не заглядывать, и запущенный задний двор, где когда-то дни напролет играли с Чамом.

Почему я должен уезжать отсюда?

Нервно выдыхая дым, сажусь на унитаз.

Как он сказал: “Мати, ты дома”? Почему меня это так удивляет? Почему его это так удивило?

Скрип двери заставляет прервать размышления.

— Я тебя нашел! — произносит Чам. За спиной робота волочится кабель зарядного устройства.

* * *

— Ну же! — кричу я, кидая мяч. — Лови, Чам, лови! Ты что как старая рухлядь?

Чам, стоя с бейсбольной перчаткой, неловко пытается поймать мяч. Естественно, древние механизмы не рассчитаны на такую реакцию.

— Так не честно, Мати, ты кидаешь слишком сильно, — капризным голосом отвечает робот.

— Сорок лет назад у тебя были такие же отговорки, — смеюсь я.

Чам поднимает мяч с пола и внимательно смотрит на меня.

— Пойдем в поход? — неожиданно спрашивает робот и подкидывает мяч. Ловко поймав, швыряю обратно.

— Не пойдем мы в поход, Чам. — устало объясняю я. — Да мы и не ходили с тобой ни разу, чего ты вдруг вспомнил?

Чам сохраняет молчание, лишь вновь подобрав мяч, кидает.

— Пойдем в поход, Мати, пойдем вместе с нами...

Противные мурашки поднимаются с низа спины и расходятся по телу. Останавливаюсь за секунду до броска.

— С кем это, с нами? — спрашиваю я.

Робот молчит, понуро опускает голову и переминается с ноги на ногу.

— С кем с нами, Чам? — повторяю вопрос чуть громче.

Робот продолжает переминаясь, игнорируя вопрос.

— Чам! Я спросил, с кем ты хочешь пойти в поход?

Чам резко поднимает голову, окуляры робота пугающе светятся.

— С тобой и с папой.

Сжимаю мяч до хруста пальцев.

Примерно раз в месяц, когда на всех трех работах совпадали выходные дни, мы с папой ходили в поход. Это был обычный пикник без ночевки, примерно часа на четыре. Мы выходили рано утром, шли через лес и, забравшись на гору, уплетали сэндвичи с кофе. Отец никогда особо не интересовался, как у меня дела, да и вообще был не разговорчив, но в те моменты этого и не требовалось. В воздухе витал аромат кофе, морозной свежести гор и расплавленного сыра в сэндвичах. В такие моменты нам, достаточно просто быть вместе.

Откуда проклятой жестянке знать про эти походы, если мы не брали его с собой?

Оторопелость и страх сменяются гневом.

— Откуда ты знаешь Чам? — громко спрашиваю я. — Откуда ты знаешь про походы?

— Папа водил меня туда.

— Заткнись! Я спрашиваю, откуда ты заешь?

— Меня водил папа.

Размахнувшись изо всех сил, кидаю мяч в робота. С грохотом Чам падает на пол.

— Это МЕНЯ отец водил в поход, тупая жестянка! — брызгая старческой слюной, кричу я.

Чам молчит. Доносится лишь едва различимый голос. Голос отца...

На коленях подползаю к поверженному роботу.

— Ну что, Чам, правда высоко здесь? — спрашивает отец.

Бейсбольный мяч ударил по кнопке на корпусе робота и на небольшом экране запустилось видео с камеры.

Я вижу гору, на которой мы устраивали пикники. Отец, сильно постаревший, сидит с кружкой кофе на плоском камне. Замшевая зеленая куртка застегнута под горло. Холодный ветер безжалостно треплет седые волосы. Штанины вельветовых брюк заправлены в походные ботинки.

— Вот бы Мати был с нами, да? — подмигивает в камеру отец.

Слезы текут из глаз. Как бы я хотел быть с вами, Пап.

— Ну что, давай собираться домой? — произносит отец, отряхивая брюки.

Видео обрывается и тут же воспроизводится следующее. .

Непривычно мрачная гостиная, на разложенном диване лежит человек с натянутым по горло одеялом. Раздается глухой шум с металлическим оттенком. С ужасом понимаю, что это кашель. Трехпалые руки Чама протягивают тарелку с бульоном, но отец пытается повернуться на другой бок.

— Пожалуйста, папа, тебе нужно поесть, — это голос Чама.

Снова надрывный кашель, но в этот раз отец принимает тарелку.

— Спасибо, Чам, — тепло произносит он.

Я не думал, что отец был так болен. Извещение о смерти получил по почте от нотариуса и приехал лишь на похороны. Почему он не позвонил? Не попросил помощи? А почему не позвонил я, чтобы спросить, как дела? Аккуратно поднимаю Чама на ноги, нежно глажу по овальной голове.

— Что ж, старый друг, ты оказался сыном гораздо лучше, чем я. — шепчу, глядя в потухшие окуляры. — Зря я обижался на Билли. Если подумать, Дом Почетных Граждан всяко лучше, чем смерть в одиночестве, когда робот-нянька оказывается ближе собственного сына.

Внезапно окуляры робота загораются.

— А что такое Дом Почетных Граждан, Мати? — спрашивает он.

Я задумываюсь, подбирая верное определение.

— Это свалка для ненужных людей, Чам.

Чам озадаченно замолкает.

— Не хочу на свалку! — наконец решает робот. — Лучше пойдем в поход, Матиуш!

Я улыбаюсь, утирая слезы.

— Пойдем, Чам, пойдем все вместе.

В кепке «Нью Эра», в джинсовом костюме под плащом и с лыжной палкой в левой руке я стою на пороге отцовского дома. Правой рукой сжимаю трехпалую кисть Чама, от чего приходится слегка согнуться. В рюкзаке за спиной термос с кофе и пара сэндвичей.

Если Билли отнесет это к очередному старческому чудачеству — ерунда. Впереди меня ждет последний поход с лучшим другом. Нет... Со старшим братом.

Об авторе

Родился в г. Набережные Челны в 1989 году. Учился на оператора вычислительной техники и автоматизированных систем. Работает маркетологом-аналитиком в компании по разработке программного обеспечения.

Пишет с 2003 года, но публикаций на данный момент нет. Публиковался на литературных порталах и не задумывался о печатных носителях. И наверняка к лучшему. За это время успел поднять навык, и теперь, по его мнению, не стыдно выйти к читателю на бумажных изданиях.

Владимир Коркунов

Missing link

Шёл тридцатый год эксперимента. Профессор Акулов потерял большую часть волос и жену, а стены рухнувших воздушных замков придавили былую гордость. И только неколебимая уверенность в своих силах удерживала на плаву лодочку мечты. А то, что только внешне напоминало человека, разделанное сотнями операций, изменённое бесчисленными процедурами, то, что лежало перед ним в отсеке, вскоре должно было родиться.

Несколько человек, вполголоса переговариваясь, переходили от прибора к прибору. Акулов ловил обрывки разговоров. Его грузное лицо смягчалось, когда он чувствовал в подчинённых энтузиазм. Значит, успех близок.

А тоненькая девушка в углу, Меделин, держала диктофон и готовилась к новым вопросам.

Акулов усмехнулся. Не ей и не здесь он должен был рассказывать о деле жизни, ради которого пожертвовал родиной, семьёй и счастьем. В 1990-е, когда за каждый не отмытый рубль могла начаться мелкопоместная свара, министерство не раз заворачивало его проект, окатывало холодным душем в ответ на бесчисленные просьбы о гранте и ядовито шурило глаза, когда субтильная фигура Акулова появлялась в дверном проёме. На новой родине было сытнее и чище, но приехал туда другой Акулов, закованный в броню цели и амбициозных надежд.

Меделин тронула его за плечо.

— Так что произошло в 2006-м?

Рассеянно ощупывая взглядом стены, Акулов продолжил рассказ.

— В тот год эмбрион впервые сделал осознанное движение. В биологическом смысле он и предыдущие восемь лет жил, но... Знаете о безусловных рефлексх? Он реагировал на адекватные раздражения рецептивных полей... Не суть. Шёл эксперимент — мы пропускали электрические разряды, следили за реакцией тела. Внезапно он открыл глаза и попытался заслониться. Может, это было инстинктивным или безусловным движением, но... Никак не могу забыть страх, смешанный с непониманием, во взгляде. Как будто он спрашивал: что мы делаем, за что причиняем страдания?

— Это была единственная реакция?

— Он вновь впал в вегетативное состояние. Но случившееся вдохновило. Не то что мы теряли уверенность в успехе, нужен был новый стимул...

— Поняли, что на правильном пути?

— Во всяком случае, получили результат, от которого можно отталкиваться. Мы изучили процедуры, приведшие к реакции, и периодически повторяли, складывали экспериментальные пазлы. Представьте эмбрион, обвешанный капельницами, беспрестанно вливающими соединения веществ и крови...

— Крови?

— Да, обезьяны и человека. Одной группы и резуса. Мы следили, как она усваивается, не вызывает ли отторжения...

— Но... разве это не бесчеловечно?

— Послушайте. Мы создали эмбрион, вырастили его. Эта технология — прорыв в науке, она приоткрывает тайну главного чуда света — нас с вами. Познание изначально переплетено с жестокостью. Лабораторные животные, экспериментальные группы... Жизнь и смерть — звенья одной цепи. Так что нет, это не жестокость.

— В таком случае, что же?

— В случае Майка-23 — удача. Предыдущие эмбрионы не доживали до этой стадии, организм отвергал чужеродные клетки... Коррекция двигательных нейронов, иммунной системы и гормонов не приносила результата. Майк-23 оказался сильнее. Наш Мишка...

— Кто? — переспросила Меделин.

В памяти Акулова всплыли эпизоды бесконечного обивания порогов постперестроечных коридоров, списки предполагаемых имён будущих эмбрионов... Безнадёжность и подступающая паранойя.

— Не обращайтесь внимания. Так о чём я?

— О Майке...

— Да, он оказался сильнее. А два десятка погибших, — Акулов обвёл продолговатые колбы с заспиртованными телами, среди которых встречались и крошечные, в самом деле напоминающие эмбрионы, — вы знаете, для чего мы оставили их здесь?

— Расскажите.

— Они должны напоминать о цели эксперимента. За тридцать лет ориентеры размываются, то, что когда-то вдохновляло, становится рутинной. А мы не можем опустить руки и остановиться. Тогда это будут просто смерти.

Датчики возле отсека с эмбрионом ожили. Пиканье — десятками вскриков тонущих птиц — разрезало тишину лаборатории, вихрь огней, закрученных в безумную гирлянду, пронёсся перед глазами Меделин. Учёные сгрудились около Майка-23. Этот, долговязый, Айван, приехавший с профессором из бывшей Страны советов, что-то записывал в призрачных страницах метаблока. Том Зэйд, сотрудник корпорации, организовавшей интервью, что-то корректируя, делал пассы перед дисплеем. Девушка-лаборант вводила эмбриону раствор зеленоватого цвета...

Акулов потупил глаза.

— Теперь такое почти каждый день. Блокады сердца — до нескольких ударов в минуту, словно он — и так растение — ещё дальше уходит. Мы восстанавливаем ритм, но...

Мигание прекратилось. Люди разошлись, как после чего-то обыденного.

— Как давно это началось? — спросила Меделин.

— Года полтора назад. Мы ускоряли процессы пробуждения, каждый контакт — так мы называем осмысленные реакции — приближал к сегодняшнему дню. Но полтора года назад они прекратились. То ли мы совершили ошибку, то ли Майк перешёл в следующую фазу вызревания. Сейчас он, исключая эти блокады, стабилен. И мы уверены, что сможем пробудить его.

— Вы упомянули контакты. Он пытался общаться?

— Трудно сказать. Один раз дрожь прошла по телу — несколько минут он мелко-мелко дрожал, а пальцы отбивали ритм. Была в нём какая-то логика, я уверен, он хотел что-то передать. Расшифровать не сумели... В другой раз Майк закричал. Вначале это были стоны и мягкие визги, продолговатые «и». Они переходили то в смех, плачущий и кудахчущий одновременно, то в щёлкающие согласные, то... в тихий, но жуткий крик.

— Он пытался разговаривать?

— Казалось, что да. С тех пор мы ежедневно говорим с ним, включаем записи. Подсознательно он запоминает звучание. Может, понимает и смысл...

— То есть, он сможет говорить?

— У него всё для этого есть — гортань, связки... Они менее плотные, чем у человека, но позволяют издавать большинство звуков. Есть сомнения насчёт мозга, но узнать о координации всех систем мы сможем только после пробуждения.

Меделин взглянула на эмбрион, лежащий в центре камеры. Ей было жаль его, укутанного в кокон проводов, окружённого безразличными дисплеями и непонятными диаграммами. Он напоминал сироту. Она тоже, в какой-то мере, была сиротой. Мать бросила отца, ставившего работу выше жены и дочери — второй Акулов! — и они меняли города, шли на перелом кризисов. Каждая нефтяная война кувалдой обрушивалась на семейный бюджет, расплющивая монеты и уродуя купюры, но мать бралась за любую — даже самую невзрачную! — работу, вырывая у судьбы право на мечту Меделин — стать журналистом...

Вопрос возник сам собой:

— Вам его не жалко?

— Жалко? Ну, конечно... Но поймите, человечество имеет право знать о недостающем звене эволюции, связывающем человека и обезьяну. Это цель, оправдывающая средства. Создав Майка, мы решим многовековой ребус. Более того, сами станем природой...

Меделин хотелось связвить про синдром Бога, но журналистская этика не дала чувствам взять верх.

— Значит, эксперимент завершается?

— Если бы, — вздохнул профессор. — Необходим новый цикл. Этот эмбрион, увы, нежизнеспособен. То есть, может продержаться день-два, даже неделю. Но он неполноценен. Мы совершили слишком много ошибок...

— Тогда зачем его оживлять?

— Чтобы показать: мы на правильном пути. Что missing link — недостающее звено — не выдумка безмозглых теоретиков... Чтобы нам дали ещё шанс.

Репортаж должен был вот-вот начаться. По меньшей мере, пять миллиардов землян собралось в T-Net и у экранов стереовизоров.

— Наш генетический прадедушка — миф или реальность? — задавался вопросом ведущий в студии. — В прямом эфире Меделин Смит и её шокирующий репортаж с места событий.

Юлой завертелась заставка, и вскоре Меделин привычно улыбалась в камеру.

— Как функционирует тело человека? Сколько видовых изменений произошло после того, как наш далёкий предок впервые ступил на Землю? Сегодняшний день, 27 августа 2028 года, даёт ответ на вопрос, десятилетия мучающий антропологов — есть ли связующее звено между обезьяной и человеком? Группа учёных под руководством русского эмигранта, доктора биологии Григория Акулова искусственным путём решила поставленную задачу. В течение тридцати лет длился эксперимент по выращиванию эмбриона, сформировавшегося в результате скрещивания яйцеклеток обезьяны и человека. Все системы жизнеобеспечения сбалансированы, физиологические реакции, строение органов — в полном соответствии с научными теориями ведущих биологов мира. Мы находимся в закрытой лаборатории и готовимся к кульминационному моменту — оживлению эмбриона, получившего кодовое имя Майк-23. С днём рождения, Майк!

Камера перенеслась к группе людей, окружавших нечто, находящееся на столе. Крупный план — и до зрителей донёсся удивлённо-пренебрежительный возглас ведущего. (В Аризоне мужчина, откупоривая пиво, бросил в сторону кухни: «Мать, иди сюда. Урода кажут».)

Существо, названное Майком, в две трети нормального человеческого роста, лежало на всеобщем обозрении. Широкие плечи, заканчивающиеся шишкообразными сочленениями, из которых росли руки, крупная голова с выдающимся лбом. Середина тела казалась бесформенной. (В Мадриде учёный-биолог подметил: если бы мышечное развитие позволило Майку встать или даже пойти, его чрезмерная сутулость напоминала бы горб.) Ноздри приплюснутого, глубоко посаженного носа, шумно втягивали воздух. Губы, неестественно большие, словно опухшие, выпяченные уродливо, казалось, что-то пережёвывали или готовились сказать. Выражение лица кривилось, словно по нему проходили невидимые разряды. («Что за дрянь», — промямлил санкт-петербургский школьник, отправляя в рот порцию экологически модифицированных чипсов.) Кисть существа была крючкообразной. Майк судорожно перебирал пальцами, хватаясь за простыню.

А когда открылись глаза — напряжённые нижние веки, мокрые, мечущиеся зрачки, полные непонимания и... мольбы, почти осязаемой, понятной на всех языках — замерли не только учёные и телевизионщики. Затаил дыхание рабочий из Аризоны, не удержал электронный карандаш мадридский учёный, замер с ломтиком чипсов во рту школьник из Санкт-

Петербурга... Все пять миллиардов зрителей вглядывались в экран, инстинктивно считывая поток эмоций, извергавшийся из глаз.

Рука существа дрогнула, приподнялась было, но бессильным пластом опала на простыню. Обнажив ряд кривых зубов, приоткрылись губы, и хриплый голос, по слогам растягивая звуки, вытолкнул слова: — Убейте меня.

Об авторе

Родился в 1984 году в Кимрах (Тверская область). Окончил МГУ приборостроения и информатики и Литературный институт им. А.М. Горького.

Публиковался в журналах «Вопросы литературы», «Знамя», «Дружба народов», «Нева», «Дети Ра», «Интерпоэзия», «Новая Юность», «Арион», «Литучёба», «Волга», «Урал», «Вокзал», «Гвидеон», газетах «Литературная газета», «Литературная Россия», «Независимая газета», «Книжное обозрение», сборниках «Самые смешные рассказы» (М.: Астрель: Олимп, 2010), «Новые писатели» (М.: фонд СЭИП, 2011, 2013) и др. Лауреат премий журналов «Студенческий меридиан», «Дети Ра», «Зинзивер». Шорт- и лонг-лист Волошинского конкурса, шорт-лист премии «Писатель XXI века», лонг-лист премии «Дебют». Лауреат конкурса «Мицыри» (Москва), премии «Молодой Петербург» (Санкт-Петербург), международного конкурса «Приключения приходят сами. Мир без войны и насилия» (Польша). Кандидат филологических наук.

Кирилл Берендеев

Свадебное путешествие

Сидоров наконец-то решился. Свадьбу сыграли скромную, а вот на медовом месяце он экономить не стал. Бухнул чуть ли не все деньги на полет вокруг Луны, а что, все летают, три года как, почему не порадовать любимую. Тем более, турфирма предлагала скидку в тридцать процентов, если отдаст деньги до конца недели, а билетов подождет три месяца. Сидоровских запасов аккуратно на два билета и хватило. Шестнадцать витков вокруг Луны и назад, перед стартом сильно волновались, хотя врач сказал: хоть сейчас обоих в космонавты. Жаль, как начался туристический бум в космос, это понятие осталось в прошлом. Все, кто мог вынести двукратные перегрузки и немножко невесомости, ну и, конечно, имел денег хотя бы на трехчасовой орбитальный полет, мог считать себя покорителем вселенной. Даже корочку соответствующую выдавали.

Сидорову хотелось большего, потому и выбрал Луну. И мечтал с детства походить по поверхности и в телескоп разглядывать, а потом читал первые рецензии о полетах, веря и не веря писавшим. Но решился бухнуть деньги на полет только к свадьбе.

В дороге пили шампанское, целовались, нервно хихикали и летали «посмотреть направо, посмотреть налево»: в огромном ресторане делать это куда интересней, чем в крохотном боксе без иллюминатора, где только кровать, уборная и шкафчик: все встроенное, и ко всему надо пристегиваться.

Через трое суток, как раз, когда организм попривык к состоянию вечно-го парения, а чета Сидоровых научилась с достоинством пристегиваться в ресторане и долетать до него, никого не сшибая по дороге, космоплан перешел на низкую орбиту Луны. Все снова скапливались у огромных окон, разглядывая однообразно серую поверхность, испещренную разломами и кратерами. Сидоров поначалу разочаровался, вроде и ожидал увидеть именно такой пейзаж, и в то же время казалось, что в турфирме его надули.

Когда второй раз пролетали над Заливом Зноя, неожиданно выяснил: так оно и есть: надули! Пассажиров спешно загнали в боксы, а чету Сидоровых пригласили к старпому. Человек бывалый, он без экивоков принялся резать по живому:

— Только что мне передали срочное сообщение: фирма, продавшая вам билеты, сегодня утром обанкротилась. Имущество арестовано, директор в бегах, денег на счетах нет. А я, как бухгалтер космоплана, получил от нее за

вас только первую выплату, ровно половину денег. Если найдете сейчас вторую, считайте разговора не было, не найдете, извините.

— Извините, что? — побледнев, спросил Сидоров, плотнее прижимая к себе супругу. Старпом кивнул на Луну, проносившуюся под ногами.

— Мы вас высадим. Не волнуйтесь, у нас на этот случай скафандры и запас кислорода. На Землю уже передали, за вами со временем прилетят. Вы ведь оформляли страховку? — Сидоровы, бледные до синевы, дружно помотали головами. — Тогда странно, но в Ростуризм я все равно уже сообщил, там пусть решают, кого и как за вами высылать. А скафандры выдать обязан, даже будь вы зайцами. Мы ж не звери.

Через два часа мольбы и истерик, космоплан завис на окраине Океана Бурь. Судя по тому, как быстро их запихали в скафандры, подали небольшую платформу и на лебедке спустили до самой поверхности, технология использовалась не впервые. Сидоров и раньше не один раз слышал о банкротстве турфирм, но на себе подобное не испытывал. Оказывается, вот как это происходит...

— Точка проверенная, — помахал на прощание старпом все еще не верящей в происшедшее чете. — Не выключайте рацию, вас кто-нибудь да подберет. Денег не надо, эти два баллона — подарок нашей фирмы.

И стряхнул обоих с платформы. Через минуту космоплан исчез за кряжем, а через другую его радио затихло в шлемофоне.

Сколько времени они просидели среди серого безмолвия, разглядывая однообразно унылые дали, сказать трудно. Первой очнулась жена. Поднялась, отряхнулась, помогла подняться мужу и быстро схватила того за рамку на груди. Лица в серебре шлема видно не было, но Сидоров и так быстро его вспомнил.

— Ну? Что делать-то будем? Ты так мечтал побывать на Луне, не поглазеть, а именно пройтись, потрогать камешки... Теперь у нас шесть часов на все твои детские радости, развлекайся, — и так резко отодвинулась, что отлетела в сторону. Сидоров подбежал, его оттолкнули.

— Припекает, пойдем в тень, — пробормотал он, беря жену в охапку и ковыляя непослушными после невесомости ногами к нагромождению камней. — Там и подумаем...

— А что думать-то, что думать? — взвилась жена, которую Сидоров нес на руках, прям как в день свадьбы от машины и до самого крыльца. — Ты хоть бы ушами не хлопал, когда деньги давал и подписывал. Вот скажи, ты можешь себе представить, чтоб за нами кто-то прилетел? Можешь? А я сомневаюсь. Черт, холодина тут какая, тащи меня обратно. Из-за тебя ногу вывихнула.

— Но ведь «Ростуризм» не бросит... — произнес он и осекся. Жена, начавшая уже дрожать в продуваемым всеми солнечными ветрами скафандре, нервно стукнула его в шлем, но реакции не дождалась. Посмотрела в ту же сторону, и попыталась вывернуться из объятий, от шока оказавшихся железными.

Из темноты выходили люди: один, другой, потом сразу три. Все в знакомых скафандрах с логотипами этого и других космопланов, летающих «до Луны и обратно». Один так и вовсе с приснопамятного «Икара», первого

коммерческого челнока, который разбился три года назад в местных Альпах.

— Зомби! — взвизгнула жена.

— Дура! — ответил ей скафандр с «Икара». — Депутат Петров. Первый турист на Луне. Ну и первый россиянин. Вы ведь русские, да?

— Конечно, русские, — тут же ответил Сидоров, а что еще скажешь? — Но я не понимаю. Как вы столько лет... и без всего. Мы что, уже умерли?

— Живехоньки. Нам о вас уже сообщили: вы та пара, которую два часа назад выперли из-за банкротства турфирмы? Очень рад знакомству, присоединяйтесь. Мы тут все такие; добро пожаловать в колонию!

Скафандр величаво махнул рукой, приглашая внутрь грота. Что-то нажал, пнул, потом навалился с разбегу. Под ногами задрожала почва, стены заходили ходуном, раздвигаясь перед депутатом, образовывая величественную полость, в которую Петров и зазвал гостей. А когда стены снова сомкнулись, Сидоровы услышали посвист, шум, хруст — внутрь из всех щелей стал подаваться воздух. Тело разом ослабло, почувствовав явно не лунную гравитацию, голова зашумела, ноги стали ватными. Они и так уже были, но сейчас еще и по законам физики. Подождав, пока пыль осядет, депутат снял шлем, обнажив крепкую лысую голову, за ним последовали и другие. Сидоровы нерешительно стали разоблачаться — в здешнем воздухе чувствовался едкий запах пороха и гари. Выходит, так пахнет Луна.

Когда давление нормализовалось, стена отошла, обнажая длинный коридор, уводящий круто вниз, в неведомо какие дали. В ушах гулко зашумели безвестные механизмы, что-то поскрипывало, постукивало, ухало и гудело, словно неисправный пылесос.

— Что это? Где мы? Откуда это? — едва придя в себя, чета засыпала поселенцев вопросами. Слово снова взял депутат, как глава колонии, он не без удовольствия принялся рассказывать, куда они попали.

— А ведь не устрой я дебош на «Икаре», так бы мне и погибнуть вместе со всеми в том рейсе, — довольно начал он, похлопывая по плечу Сидорова и улыбаясь. — Но я все-таки устроил. Скучно, знаете ли, да и не по-русски это три дня сидеть да смотреть, а походить по спутнику никак. Ведь с каких пор это безобразие длится, я не раз говорил на заседаниях. Человечество не должно оставаться вечно на Земле, еще Циолковский... ну ладно, оставим. Выперли меня за дебош, тоже прямо здесь, видно, для всех лишних тут точка сброса. Думали, помирать буду. Как бы не так! Долго бродил вокруг этих валунов, а потом, уж кислород заканчивался, ощутил какой-то шум. Знаете, ноги у меня чувствительные, шерсть или синтетику какую вообще не переносу. Вот и учуял. Решил, галлюцинации начались. Ан нет, пещера. — Коридор вильнул в сторону, расходясь, депутат двинулся влево. Остальные за ним. — Вот так шарил, ничего не соображая, по камням, шарил, пока все это не нашел.

— А что это? И чье?

— Уж точно не наше, наши такого вовек не сделают, — донесся чей-то недовольный голос. На него шикнули.

— Наша оппозиция, — хмыкнул депутат. — Понятия не имею, чье. Да и никто не знает. Но явно не земное. Технологией, видать, века уже, а все

работает как часы, — депутат помахал перед носом Сидорова своим «Лонжином». — И язык такой непонятный, я не представляю, в какую сторону и как его читать. Не то иероглифы, не то буквы, не то вообще не пойми что. И главное, объемные. Да плевать, так разобрались. Разве ж мы не русские люди, чтоб до всего доходить

— «Oui, oui», — слышались голоса.

— Вот и я о том. Русский человек до всего своей головой доходит, особенно когда кислород на исходе. Вот и я. Разобрался ведь, даром что образование в МИФИ получал, а плевать что на факультете богословия, зато вот результат — починил. Ну, пока в некоторые помещения лучше не заходить, из других лучше самому не выбираться, но работает. А пока разбирался, гляжу, новых туристов побросали. Потом еще. А потом вот, — депутат обнажил грудь — под пиджаком, на белоснежной рубашке скрывался значок «Ростуризма». — Месяца не прошло, Земля связалась. Теперь нас снабжает, раз в неделю через космопланы провизию сбрасывает и все необходимое, что запрашиваем. Это ж недорого. А какая от всего этого польза, России, понятно, недорого, «Ростуризм» «Роскосмос» сделал своим филиалом. Всему человечеству прок.

— Какая польза? — брякнул, не подумав Сидоров. На него зашикали. Но депутат лишь по-отечески улыбнулся.

— Нас же не просто за дебош или из-за проштрафившейся компании здесь ссадили. Мы первая колония людей на Луне. Причем, русская колония. Заметьте. И все благодаря великой русской мечте о небе... Ну, и еще извечному нашему взяточничеству и коррупции. А как бы мы здесь свою колонию основали, да еще столько лет поддерживали? — Он смотрел на Сидорова невинными глазами. — Сами подумайте, как?

Об авторе

Родился в 1974 году. Окончил Московский институт радиотехники, электроники и автоматики (МИРЭА) В настоящее время — главный редактор альманаха «Астра Нова» (Санкт-Петербург), редактор-составитель журнала «Edita» (Гельзенкирхен, Германия). Основатель и составитель серии «Созвездие Эдиты».

Публиковаться начал с 1998 года, первая публикация в украинском журнале «Порог». До настоящего времени печатался в журналах: «Континент», «Слово», «Московский вестник», «Наука и жизнь», «Химия и жизнь», «Искатель», «Мир фантастики», «Человек и закон», «Машины и механизмы», «Север», «День и ночь», «Смена», «Урал» и других, менее примечательных. Ряд рассказов КБ переведен на украинский язык. Печатался в сборниках издательств «Альфа-книга», «Шико», «Эксмо», «Северо-запад» и других. В 2009 году в издательском доме «Флюид» вышел фантастический роман автора «Осколки». В 2014-м в минском издательстве «Букмастер» — роман «Архитектор».

Александр Марков

Спасительное неведение

Открыв багажник машины, Крынкин почувствовал запах пива и, еще не достав сумку с бутылками, понял, что на ухабах, как минимум одна из них разбилась. Этой грустной мыслью он и поделился с Ляпуновым. Оставалось проверить — сколько они испортили ценного груза по дороге, которая изобиловала рытвинами и ямами, и впору здесь было устраивать какие-нибудь гонки на выживание, испытывая в трудных условиях продукцию автопрома разных стран.

Оказалось, что бутылка разбилась только одна, а оставшегося вполне хватит, чтобы посмотреть футбольный матч чемпионата Европы, и пополнять запасы в ближайшем магазине, до которого по такой дороге добраться было целым приключением, не нужно.

Собственно, именно из-за этого матча они и приехали на дачу заранее, а всем своим домочадцам сообщили, что на самом-то деле хотят с утра приступить к починке покосившегося крыльца. Маленькая их уловка насчет крыльца, конечно, никого не провела, но жены покорно пообещали приехать на следующий день в районе полудня.

Ляпунов снял с входной двери амбарный замок. Сумку они решили пока что оставить на улице, подвесив её на бельевой веревке, тянувшейся через всё крылечко. Пусть проветрится, а то пропахнет всё в доме пивом, и тогда их хитрость быстро раскроют. Выжившие в поездке бутылки они перенесли внутрь.

Крынкин болел за ЦСКА, Ляпунов — за «Спартак», и порой друзья не злобливо называли друг дружку «конем» и «свиньей». Познакомились они лет двадцать назад после очередного дерби своих любимых команд в обстоятельствах весьма специфических — в ближайшем к стадиону отделении милиции. Туда блюстители законности, после драки фанатов, свозили болельщиков «Спартак», но Крынкин в драке свою экипировку потерял. В результате, его забрали в стан к злейшим врагам, поместив в один с ними обезьянник. Учитывая, что ещё получасом ранее Крынкин воодушевленно волтузил своих оппонентов, казалось, что судьба его ждёт незавидная. Худшие его опасения сразу же начали сбываться. К нему подошел какой-то парень, показал на свой подбитый глаз и сказал:

— Так ведь это ты мне физиономию подпортил.

— Ну, может и я, — сказал Крынкин. Лиц противников он не запоминал.

Но вместо того, чтоб действовать по принципу «зуб за зуб», вернее «синяк за синяк», парень протянул Крынкину руку и представился:

— Ляпунов.

Пожав руки, они довольно скоро поняли, что обсуждать футбольную и около футбольную жизнь в мирной обстановке гораздо интереснее, нежели участвовать в стычках. Вот с той поры и продолжалась их дружба. Они ходили на разные матчи, а потом, когда времени на такие развлечения стало не хватать, потому что они обзавелись семьями и детишками, перезванивались после очередной футбольной баталии и делились впечатлениями.

Хозяином дачи был Ляпунов. В пору всяких спортивных мероприятий международного масштаба сюда наезжал и Крынкин со своим семейством. Пока мужья смотрели матчи, их жены, которым невольно пришлось тоже подружиться, отдыхали в саду, а детишки — играли.

Стемнело. Они расставили бутылки на столе, открыли по первой так и не дождавшись начала матча, как вдруг позади дома — там, где располагался огород, что-то ухнуло и послышался треск ломаемого дерева, будто в забор кто-то тараном заехал.

— Ни хрена себе! — воскликнул Крынкин. — Это еще что такое?

— А я откуда знаю?

Ляпунов встал из-за стола, подошел к окну, приник к нему, вглядываясь в темноту, но ничего там не увидел, кроме своего отражения на стекле.

— Эй, ты бы отошел, а то тебя хорошо видно с улицы. Звезданут еще чем по стеклу, — посоветовал Крынкин.

— Ты чего думаешь, что в сад влезли?

— Не знаю. Пошли — посмотрим, — предложил Крынкин.

— Э-э-э... ну пошли, — согласился Ляпунов. Выходить на улицу ему совсем не хотелось. Он посмотрел на часы. До матча оставалось еще минут двадцать. Вот начнись футбол, ни одна бы сила его от телевизора не оторвала — гори там всё в саду синим пламенем.

— Эй, кто тут есть? — крикнул Крынкин, оказавшись на улице.

— А в ответ тишина, — прокомментировал Ляпунов. — Да и ни черта не видно. Надо фонарь искать.

— Пока его искать будем — много времени потеряем. Ты ж не помнишь, где он?

— Не помню.

— Ну вот. Матч уже начнется. Какой тогда огород?

— Точно.

— Значит, пошли без фонаря. У тебя часом боеприпасов никаких на огороде не завалилось?

— Ага. Времен войны еще. Сейчас кто-то залез картошку тырить и подорвался.

— Отличная идея огород заминировать. Кто позарится — сам будет не рад.

— Первой теща подорвется, — пошутил Ляпунов.

Он двинулся первым — все-таки дорогу он знал лучше, следом за ним брел Крынкин. Добравшись до огорода, Ляпунов в очередной раз пожаловался, что ни черта не видно и ничего они не найдут. Ляпуновская теща высадила здесь несколько грядок картофеля и капусту, которую она особен-

но лелеяла, добавляя в землю всяческие удобрения и золу, остававшуюся после готовки на костре шашлыков.

— Да зачем всё это нужно? — как-то хотел поспорить с ней Ляпунов, потому что в перспективе ему надо было грядки эти опалывать и делать вид, что он очень хороший зять. — В магазине-то и картошка, и капуста копейки стоят.

— Вот помяни моё слово, — не унималась теща с таким видом, будто она министр экономики, — кризис крепчает, как бы на натуральное хозяйство не пришлось перейти.

— Ой, надеюсь, до такого не дойдет, — отмахивался Ляпунов, но спорить прекращал. Дело это совершенно бесплодное.

На огороде было тихо. Никаких непрошенных гостей там, к счастью, не обнаружилось, да и картошку воровать лучше, когда хозяева в отъезде.

— Блин, и чего это было? Грохнуло то близко где-то. Прямо в огороде как будто, — глубокомысленно отмечал Крынкин.

— Ага. Я тоже так подумал. Может, петарду хулиганье какое-то взорвало. Пошли что ль в дом. Чего тут стоять? Звездами что ли любоваться?

— Пошли, а то комары заедят, — сказал Крынкин. Он слышал возле самого лица жужжание кровопийцев, замахал руками и так этим увлекся, что чуть не заехал Ляпунову в глаз. Крынкин хлопнул себя по одной щеке, потом по другой, а следом и по лбу. Он был уверен, что везде припечатал как минимум по одному комару.

— Хошь, помогу? — спросил Ляпунов, замахнувшись рукой с раскрытой пятерней.

— Не. Не надо, — запротестовал Крынкин. — Хочешь мне тот синяк в день нашего знакомства припомнить?

— Да забыл я уж про него давно. Но махались мы тогда воодушевленно.

— Эх, вот ж времена были счастливые. Пошли уж быстрее, матч начинается.

Спать они легли поздно, еще какое-то время после окончания матча слушая комментарии приглашенных в студию специалистов и комментируя уже их выступления, частенько вставляя слова, которые на телевидении просто недопустимы.

Проснулся Крынкин, оттого, что Ляпунов пихал его в бок и обзывал «конем».

— Ой, уйди, свинья, и без тебя тошно, — сказал в отместку Крынкин и демонстративно перевернулся на другой бок — лицом к стенке.

— Блин, ты знаешь, сколько сейчас уже времени? — возмутился Ляпунов. — Уже пол-одиннадцатого. Вставай! Мы ж обещали крыльцо сделать.

Наскоро перекусив бутербродами с вареной колбасой и попив кофе, они отправились на трудовые подвиги. Ляпунов отметил у себя в голове, что надо бы куда-то убрать пустые бутылки, чтоб никто не догадался о том, чем они тут вечером накануне занимались. Но мысль эта покинула его еще до того, как он придумал, куда ж следы просмотра матча деть.

В саду, усевшись на ветки вишни, заливались птички. Ягоды всё ещё оставались зеленоватыми. Птички, попробовав их, пришли к заключению, что пока они в пищу не годятся.

— Хорошо на даче летом! — протянул Ляпунов, втянув свежий воздух, но не стал продолжать это детское четверостишие. В поле он идти не собирался, а вот огород проведать стоило. — Надо бы всё ж пойти посмотреть, что там вчера в огороде шарахнуло, — крикнул он Крынкину, который допивал уж третью чашку кофе. — Чего-то ведь шарахнуло? Ночью не видно было, а сейчас — видно.

В огороде всё было как обычно. Лишь на одном из кочанов капусты обнаружили какие-то маленькие жучки.

— Смотри, гадость какая, — сказал Ляпунов, показывая другу на жучков.

— Угу, — сказал в ответ Крынкин, — какая гадость. Надо их собрать и истребить, а то капусту съедят или погрызут. Теща тебе этого не простит.

— Пойду какую-нибудь миску найду и веник, — сказал Ляпунов, после небольшого раздумья, — Мне эту гадость в руки брать не хочется, а ты костер разведи. Сожжем их, и всё. Дрова около дома сложены. Для шашлыков их готовил.

Жалко было конечно заготовленные дрова на жучков тратить, но что уж тут поделаешь. Можно было опрыскать их какой-нибудь отравой. Тогда они сами с капусты удерут. Но поди разбери, что на них подействует. К тому же, верхние листья кочанов тогда испортятся. Вот отведаешь таких, не дай бог, отравишься.

Ляпунов уже имел некий опыт борьбы с огородными вредителями. Прежде он вел сражения с колорадскими жуками, стряхивал их веником с картофельной ботвы в миску, а потом заливал вредителей кипятком. Такую же тактику он выбрал в борьбе и с этими жучками. Но стоило ему до первого из них дотронуться щетиной веника, как и он и все остальные, свернулись колечками и скатились с кочана. В миску он никого так не поймал.

— Ой, — разозлился Ляпунов.

На кочане ни одного жучка не осталось. Можно было считать, что миссия по спасению капусты выполнена. Однако не исключено, что как только опасность минует, жучки вновь залезут на кочан и начнут его грызть. Надо было их собрать.

Они копошились на земле. Поддеть их веником всё никак не получалось, а брать их пальцами Ляпунов боялся. Посмотрев, как Крынкин разводит костер, он хотел было его попросить проследить за тем, чтобы жучки не разбежались, но потом махнул на это рукой, сбегал на веранду, отыскал там ржавый пинцет и вернулся в огород.

Пока он отлучался, жучки в разные стороны расползлись или в землю зарылись, по крайней мере, нашел он только пятерых. Схватив пинцетом одного из них, Ляпунов поднес пленника поближе к глазам, чтобы повнимательнее рассмотреть.

У жучка было несколько серебристых чешуек с какими-то синими разводами, расположенными в ряд вдоль спины, снизу он весь был серебристым, но брюшко его было мягким, без панциря. По бокам торчали четыре пары одинаковых лапок, но не членистых, а похожих на маленьких гусениц. Из круглой головы высывалось два уса.

Прежде такого жучка Ляпунов никогда не встречал. Но он ведь не ученый. Кто там его знает — редкий это вид или нет. Он подумал, что есть

смысл оставить одного жучка, наколоть его на булавку и спрятать в коробке, а потом показать добычу родным. Но ему было лень искать коробок и иголку, вот он этого и не сделал.

Пойманные жучки в миске вновь свернулись колечками, прикрыв чешуйками свои ничем не защищенные брюшка. Ляпунов осмотрел остальные кочаны. Видимого вреда жучки капусте не нанесли. За это их можно было вовсе отпустить, отнести подальше от огорода и вытряхнуть там из миски. Но вдруг они просто не успели капусту сгрызть? Не стоило рисковать.

Когда он вытряхнул жучков в огонь, пламя полыхнуло особенно сильно, будто в него не насекомых бросили, а подлили жидкости для розжига костра. Ляпунов и Крынкин невольно отвернулись, вот и не увидел никто из них, что как только жучки в огонь упали, вокруг них возникло голубое мерцание. Жар никакого вреда им не причинил, а потом они провалились между поленьями, и их стало совсем не видно.

Чуть позже рядом с забором, неподалеку от капустной грядки, Крынкин нашёл железный диск, похожий на две сплавленных между собой сковородки без ручек. Их давно не мыли и не скребли, и от этого они покрылись толстым слоем нагара и копоти.

— О, чего в огород забросили, — сказал Крынкин, показывая другу свою находку. — Вся обгорела. И чего только на ней жарили то? И как? — он, конечно, не догадался о том, что нагар мог остаться, когда диск входил в плотные слои земной атмосферы. — Открывается она, что ли, как скороварка? — внутри диска что-то гремело. Крынкин повертел его в руках, но никаких стыков, которые говорили о том, что эту штуку действительно можно раскрыть, как раковину, не нашёл. — Точно это и ухнуло, — он показал на дыру в заборе у самой земли. Нижние края двух досок отломились, тут же валялись щепки. — С улицы кинули.

— И кому в голову пришло это? — вопрос Ляпунова был риторическим и ответа не требовал. — И кому силу девать некуда? Метатели, блин. Упился кто-то ночью. Хорошо в огород не полезли.

— Ну, полезли, мы бы им быстро накостыляли. Вспомнили бы молодость, как мы вашим костыляли, — весело сказал Крынкин.

— А мы — вашим, — вторил ему Ляпунов. — Помнишь ведь, как тебя с нами в отделение забрали и в обезьянник посадили.

— Да блин, такое не забудешь. Вокруг только ваши. Специально менты хотели драку в обезьяннике спровоцировать. Но ваши молодцы, не поддались на эту провокацию. Я их зауважал после этого.

— Ты тоже хорошо держался. Утерли мы нос тогда ментам. Блин, а у них ща дурацкое название. Полицейские! Хрень какая-то. Менты — роднее. Не могу я их копами называть.

— Точно дурацкое,

Ляпунов взял у Крынкина диск и тоже начал его рассматривать.

— Вещь в хозяйстве абсолютно не нужная, — резюмировал он. — Тебе не нужна?

— Нет.

Ляпунов зашвырнул диск за забор. Здесь участок его с соседскими не граничил и никого бы он там не пришиб. За забором располагалась канава, края которой поросли густой травой.

Когда зола остыла, Ляпунов раскидал её на грядки. К тому времени жучки уже из огня выбрались. Хорошо, что Ляпунов поленился одного из них на иголку нанизывать, а то ни ему, ни другим землянам точно было бы уже не до Чемпионата Европы по футболу. Когда кто-то из туземцев попытается убить космического исследователя — поведение это иначе, как враждебным, не назовешь, и лучше покончить с такими агрессивными тварями до того, как они выйдут в дальний космос. Но Ляпунов находился в спасительном неведении.

Крыльцо в тот день они так и не починили. Впрочем, за это их не ругали. Про жучков Ляпунов теще рассказывать не стал, чтоб лишний раз не травмировать её слабую психику.

Как жучки взлетали на своем старом корабле — никто не заметил, а пропажу диска Ляпунов обнаружил только через неделю, решив скосить траву за забором. У соседей он взял косу, потому что газонокосилка с задачей вряд ли справилась, да и электрический шнур пришлось бы слишком далеко тянуть, и его могло не хватить даже с удлинителем. Махал он косой осторожно, боясь повредить, когда лезвие ударится о диск. Но того нигде не было.

«Наверно, его кто-то взял, — подумал Ляпунов. — Но кому он нужен?..»

Об авторе

Родился в Москве в 1971 году. Закончил Московский инженерно-строительный университет, по специальности инженер-эколог, но долгое время работал на телевидении в качестве корреспондента и ведущего информационных программ.

Писать начал давно. В 2002 году в издательстве «Вече» вышел роман «Там, где бродит смерть», под таким же названием «Вече» его переиздавала в 2012, а «Эксмо-Яуза» печатала его в 2008-м под названием «Вернуться из ада». С той поры вышло еще 9 книжек, среди них «Сотри все метки», «Пирровы победы». За роман «Гроза над Цхинвалом», написанный совместно с Виталием Пищенко, Марков получил Премию союза Писателей «Во имя Отечества». Рассказы печатались в журналах «Звездная дорога» и «Космопорт». В «Знание-сила. Фантастика», № 1/2015 была напечатана повесть «Мой первый космический корабль».

Марина Кулакова

Последний

Арр внимательно следил за ними. Обычная людская семья: муж, жена, двое детей. Привычный распорядок дня.

Утром под громкий сигнал будильника первым просыпался глава — большой и бородатый Ян. Он неторопливо поднимался, шел на кухню готовить кофе для Марты.

Арр любил наблюдать, как она забирала горячую чашку из рук мужа. В просыпающихся глазах загорались искорки. С каждым глотком женщина будто рождалась заново. Как же она любила этот напиток!

Затем супруги будили детей: девятилетнего Макса и семилетнюю Беллу. Ребята вставали неохотно: жмурились, отбрыкивались. Девочка смешно фыркала. Потом говорила: «Ба-бац!» и вскакивала с постели.

Арр всякий раз удивлялся, сколько энергии в этой человеческой особи. Она ни минуты не могла просидеть спокойно. Вертелась, даже когда Марта заплетала косичку. Пшеничного цвета, по пояс.

— Не хочу в школу! Не хо-чу! — всякий раз заявляла девочка. И каждый раз туда шла.

Арр имел смутное представление, что такое школа, но сочувствовал Белле. Когда девочка дома — одно удовольствие смотреть, как она играет с куклами. В игре главной суперкуклой являлась самая красивая (по человеческим меркам). Именно она «задавала тон» остальным. Девочка озвучивала каждый шаг «принцессы». Очень капризной, кстати: то одно подавай, то другое. Она поочередно топала ножками. И весь кукольный арсенал подчинялся. Иногда Белла бросала фаворитку и, осекшись на полуслове, долго глядела на пустую стену. Арр поначалу боялся, что девочка каким-то образом ощущает его присутствие. Но на самом деле игрунья сочиняла новые реплики. Пока их наговорит на дикто-чип и вставит в голову куклы — придет время делать уроки. Четко по домашнему расписанию. Девочка всегда выполняла их вместе с братом. Так уж заведено.

Мальчишка нравился Арру меньше. Не такой активный, даже вялый.

— Иди, поиграй с ровесниками, — не раз говорил Ян после ужина.

— Не, па, — отмахивался тот, — я в планшете классную игру нашел игру про Гиганского Червя. Хочешь сыграть?

— Нет, сынок. И тебе не советую. Лучше б в стереовизоре новости посмотрел! Все-таки должен идти в ногу со временем.

— Да чего я там не знаю, па? Вот создали робокошек и робособак. А что толку: ты все равно запрещаешь их заводить!

— Помимо этой новости есть и другие, касающиеся нашей страны! Почему ты такой нелюбопытный?! — начинал заводиться отец.

— А зачем? Что будет — то будет. Я все равно ни на что не повлияю, — равнодушно отзывался тот. И утыкался в игру.

Ян в ярости хватал планшет сына и разбивал о коленку. В ответ Макс меланхолично пожимал плечами. В его шкафчике планшетов лежало много. Хватит на ближайшую пару лет, даже при каждодневной поломке. А там уже уговорит мать купить модель посовременней. И тогда придется прятать от отца.

— Всех их переломаю! Так и знай! Лучше по улице гуляй, а не деградируй! — обычно перепалка на этом и заканчивалась.

Арр мысленно соглашался с Яном — век человека короток, чтобы проводить время впустую.

Вот кто не тратил драгоценные минуты зря, так это Марта. С первой чашки кофе и до кружки чая перед тем, как обнять в кровати мужа — она готовила, убирала, стирала, помогала делать уроки детям.

Наверное, если бы Арр был человеком, то вполне мог влюбиться в эту трудолюбивую, улыбчивую женщину. Или в Беллу, через пятнадцать человеческих лет. Что-то волновало его в этих грациозных, белокурых созданиях. Других таких Арр не видел. Он восхищался ими, так непохожими на него и его род.

Жаль, что у этой семьи нет будущего. Но задание — есть задание. Арр не хотел об этом думать.

Главная цель — Ян. Глава семьи перед сном неизменно просил оставить его одного минут на тридцать. В кабинете он садился и принимался чертить волнообразные короткие линии по инфракрасному столу.

За дни, проведенные здесь (а для людей — месяцы), Арр начал сопереживать Яну. Хозяин дома излучал ту опасность, из-за которой его, Арра, отправили на эту планету. Нужно было наблюдать, передавать данные и в определенное время улететь обратно. Остальное сделают соплеменники. Там, со своей новой планеты, они видят Яна глазами Арра. Через миллионы километров передают сигналы, и если вначале были сомнения, теперь уже — никаких.

Доверять больше никому нельзя. Есть, к тому же, пара-тройка предателей рода, не улетевших с ними. Они подыгрывают любопытному Яну, но ставить под угрозу существование всех соплеменников им осталась недолго. Эту семью необходимо уничтожить.

Сегодня маленькая Белла поранила пальчик. Хотела самостоятельно нарезать зелень, пока никого на кухне не было. Изображая из себя искусного повара, девочка энергично кромсала укроп и... Ранка моментально наполнилась кровью. Девочка сунула окровавленный палец в рот и заплакала.

Видя детские слезы, Арр сам чуть не прослезился. Он хорошо ощущал боль маленького человека.

На громкий плач прибежали брат и отец.

— Ничего, до свадьбы заживет, — шептал Ян.

— Не заживет... И я не доживу! — девочка уткнулась в папину бороду.

— Что ты такое говоришь?! Конечно, доживешь! С такими ранами до ста лет живут! — возразил отец, целуя макушку дочери.

Макс, не зная, как угодить сестре, притащил планшет и сунул в руки:

— На, поиграй! Я всех съел! Остался последний!

Наступили последние часы пребывания Арра в этом доме. И последний день жизни семьи.

За окном стемнело, а он никак не решался сесть в шаттл и подать сигнал своим. Его «подопечные» не чувствовали угрозы. Наступали долгожданные выходные. На эти дни Ян всегда задумывал что-то особое для семейного отдыха. Придумал и на этот раз.

Они не хотели умирать. И Арр уже не желал им смерти... Люди тоже имеют право на жизнь, тем более такую короткую.

Арр представил, что палец Беллы никогда не заживет, Макс не выиграет в игре, а Марта не выпьет утром традиционной чашки кофе...

Внезапно он решился. Надо их предупредить, сказать... Быть может, они успеют, спасутся, убегут. Да, они его увидят, он провалит задание, но зато Белла и Макс, узнав правду, не пойдут по пути отца. Они ни в чем не виноваты. Они не будут так же скрупулезно рыть себе могилу.

«Ба-бац!» — боясь передумать, он в ту же секунду вылез из убежища.

Семья сидела на кухне. Аромат свежесваренного фруктового чая витал в воздухе. Нотки мяты, каркаде и ананаса. Этот сорт Ян уважал более остальных. Вся семья его пила. Белла, правда, не любила, но приходилось подчиняться... Морщась, она делала маленькие глоточки из блюдца.

Именно девочка первой увидела существо. Поперхнулась чаем, состроив брезгливую рожицу.

Арр успел лишь открыть рот, как что-то обрушилось на него и... раздавило.

— Фу! Какой мерзкий червяк! Как в твоей игре, — с отвращением сказала Белла, осматривая подошву.

— Да лан! Откуда они у нас? — оторвался от планшета Макс.

— Так, дети, всем спать. Вставать рано. Червей здесь нет, мы увидим их завтра, на рыбалке. Вы пойдете со мной? — хозяин дома встал из-за стола.

— Конечно! — в один голос отозвались дети.

— У меня для вас интересная новость. Кажется, некоторые червяки, гм.. странные. Они обладают поразительным интеллектом. И если это так, то мы на пути к сенсационному открытию!

— Быть не может, милый, — удивилась жена, убирая со стола.

— Завтра расскажу.. Все завтра... — хитро подмигнул Ян.

Наступала их последняя ночь.

Об авторе

Живет в Москве. Прозаик. Окончила Российский государственный социальный университет (2008) и Литературный институт им. А.М. Горького (2015). Публиковалась в журналах «Студенческий меридиан», «Москва», «Юность», «Зинзивер», альманахе «Тверской бульвар, 25», газетах «Литературная газета», «Литературная гостиная» и др. Дипломант фестиваля авторской песни и литературы малых форм «Господин ветер» (2015). Координировала работу литературной студии журнала «Юность».

Юрий Ковалёв

Н Е Л Ю Д И

(из цикла БЫТОВАЯ ФАНТАСТИКА)

Когда по ящику рассказывать начинают про ужасы всякие — тарелки летающие, привидения, барабашек и прочую чушь, я всегда думаю, что самое заметное не всегда самое опасное. Если уж эти пришельцы замаскироваться захотят, им просто наши рожи небритые да похмельные напаялить надо да в грязь как следует вывалиться, и вся хваленая бдительность — коту под хвост, факт!

Сколько нынче таких под заборами валяется! Поди-ка разберись теперь, кто из них свой, а кто чужой...

... Сiju это я, значит, на бережку с удочкой, аккурат напротив нашего дома, часов, примерно, в десять вечера, уже смеркаться маленько начинает. В это время — самый клёв, только наживку успевай менять, да комара отгонять.

Ну и вот, сiju, значит, я, отфыркиваюсь, как лошадь, руками размахиваю — отгоняю паразита. Нехорошо, шумно сiju, и клёва никакого, хоть плачь. Вот и злюсь. Про себя, конечно, но матерюсь уже, хоть и втихаря. Подвернись кто, так выдам — мало не покажется. Душу-то ведь надо человеку отвести после такой рыбалки!

И впрямь, ну хоть бы ветерок какой Бог послал — мёртвый штиль и никакого клёва. Ну, кто рыбак, тот поймёт, что если уж ты завёлся, сел на место, то и надеешься до последнего, проклинаешь всё и вся, а ноги домой не несут.

И слышу — тах-тах-тах, лодчонка чья-то шпарит. Шустро так, только брызги в стороны.

Ну, мало ли их в это время по реке болтается. Дело к вечеру, народ домой подгребаёт. Шумно, в общем, вокруг. Особого внимания этот факт не заслуживает.

Тарасусь я на лодчонку эту от нечего делать, и вдруг замечаю, что поворачивает она прямо в мою сторону и гонит, братцы, прямо на меня!

Тут уж я не выдерживаю, начинаю руками отмашку давать: — Отверни, козлина, куда прёшь! Снасть стоит!

А в лодке-то двое, и они на меня — ноль внимания! Разговаривают, что ли, между собой, или сморило их к вечеру-то. И только под самым берегом тот, кто правил, голову поднял и наконец-то меня узрел. Сноровистый

рыбачок оказался, ничего не скажешь — и ход успел сбавить, и в сторону вильнуть перед самым моим носом, да так ловко, что снасти остались целы.

Только я им всё равно, сами понимаете, выдал на всю катушку. За то, что в страх меня вогнали, так их, растак!

Ну и рассмотрел я их, понятное дело, основательно.

Тот, который за рулём, коренастый такой мужичонка, как колобок, и лицо в мелких крапинках. Конопатый, значит. Второй — тощий какой-то, весь вытянутый. Длинный, одним словом, и только. У каждого за плечами рюкзаки, видать, тяжёлые, мокрые, то ли в воде валялись, то ли рыбёшку туда сунули необсохшую, вот и текло с них.

Понёс я на них, мол такие вы и разэтакие, ну и ещё то, что каждый вспоминает, когда лом на ногу упадёт или палец дверью прищемит. Уставились мужики на меня безо всякой злости, скорее с любопытством, как на больного какого и терпеливо выслушали мою ругантю. А Конопатый повернулся к своему напарнику и ехидненько так ему говорит, что зря мол, они в такую даль таскались. И сами с хорьком приехали, и мужику всех шук распугали. Смотри, вон, как убивается, небось целый мешок рыбы поймал.

Длинный и вправду посмотрел на меня участливо и сразу по делу выступил — выпить предложил. Ну я к тому времени пар уже выпустил, подостыл маленько и примолк, да и мужики быстро интерес ко мне потеряли. Видать, не подфартило им на рыбалке-то, улова не видать было, а в рюкзаках, по разговору я понял, только обрывки сетей и лежали.

Ковырялись они в лодке недолго, нашли какую-то посудину, плеснули себе помалу, занюхали рукавом и, как водится, мне предложили. Я, конечно, поломался для порядка, знай, мол, наших, на свои пьём, но потом участие в компании принял, не такие нынче времена, чтобы всерьёз от выпивки отказываться.

Глотнули мы, значит, разок-другой, потом передых решили сделать — покурить наладились. Каждый, разумеется, своё. Вот только своё у всех оказалось одинаковым — махра, так её растак!

И такая интересная картина: сидят, значит, три мужика и каждый из своего мешочка в свою бумажку мусор этот ссыпает, а потом — сноровисто так — быстро научились! — сворачивает самокрутку — смехота, да и только! Так скоро и до кресала дойдём, факт.

У Длинного и сигарка получилась худой и длинной, а Конопатый слюнявил-слюнявил свою бумажку — всё равно развалюха вышла. Половина табака из неё и просыпалась.

Ну вот, значит, сидим мы, покуриваем и переглядываемся тайком. И тут Длинный вдруг, с крепкой такой досадой, и говорит:

— Сеть жалко! Что я шуряку скажу? Новая ведь совсем, только купили и на тебе... Напоролись хрен знает на что. Хорошо хоть ноги унесли. Чёрт нас понёс на эту протоку! Говорил ведь тебе... Обрывки сетки только и остались...

Конопатый ему поначалу ничего не ответил, выпустил целое облако вонючего дыма, закашлялся.

Тут я, понятное дело, к ним сразу с сочувствием полез — понимаю, мол, мужики, сам на инспекцию нарывался, один раз чуть не утоп, даже лодку

бросил. Извините, мол, если что не так — не знал, что вы в таком расстройстве. Накинулся на вас сдуру, с кем не бывает. Отмахнулись они от меня, как от комара. Видать, не до этого им было — уж больно досада заела! А Конопатый в сердцах так шваркнул свою самокрутку о борт лодки, что только искры полетели! И говорит, про себя будто:

— Но как она пикировала, чёртова кукла! Сколько лет в воздухе болтаюсь, но чтоб такое увидеть...

И тут они заспорили, и я уже ничего из разговора не понимал, кроме того, что лётчики они и обсуждают невиданный манёвр, с которым какая-то хреновина пикировала на лодку, напугала их до полусмерти, да так, что они дёру дали, снасти побросали, сети порвали и только теперь в себя приходиться начали. Да видно, до сих пор так понять и не могут, как же с ними такое приключилось.

Спорили они, пересыпая свою речь разными словечками из лётного обихода. А поскольку я человек пеший, то сначала к ним старательно прислушивался, а потом и перестал. Вот только слова Конопатого про ту штуковину, которая на них пикировала, как-то сразу у меня подозрение вызвали. Хотя, сказать по правде, удивила меня их история не очень. Чего только на рыбалке с людьми не происходит — ведь всухомятку никто туда не ездит, а как только переберут — тут и начинается канитель. Каждому своё мерещится — кому черти, кому лешие, а одному на корме лодки-то, за сто километров от жилья, жена привиделась с годовалым ребёнком. Так он на полном ходу чуть в воду не сиганул — насилу вдвоём удержали.

Попадал и я переплёты. Однажды страху натерпелся — не приведи Господь! На нерестовой речке вертолёт завис, аккуратно над нами, почти встал на ребро и такую волну погнал, что лодку и не захлестнуло даже, а прямо вдавило в воду. Хорошо, что мелко было, да берег лесистый — вертолёту не сесть. Оказались мы с напарником по уши в воде, да и ломанулись на берег в чём были, через кусты, подлесок, в самую чащобу. Насилу ноги унесли. Так что и мы видали виды — не маленькие!

Тут они на середине свой разговор оборвали, заторопились. Да ещё и лодку Конопатому отгонять надо было не близко, а темнеть уже всерьёз начинало. Подхватил Длинный за лямки свой мешок, бросил его с натугой себе на плечи и торопливо зашагал напрямик. И не попрощался ни с кем — так расстроен был человек! Конопатый ещё посидел немножко, махрой своей подымил, но на мои расспросы не отвечал. В конце только посмотрел виновато и с огорчением сказал:

— Да не обижайся ты, мил-человек! Ну что я тебе расскажу — чертовщина какая-то, честное слово! Ты вот в летающие тарелки веришь? Ну вот, уже смотришь на меня как на дурака, и правильно делаешь. Потащились мы вчера с другом к чёрту на кулички. Слышал про Жёлтую протоку? Только перекусили, отдышались, раскинули сети, как появилась какая-то летающая штуковина и давай над нами кружить. И так, и эдак — то прямо на нас падает, то вверх взмывает — никак отвязаться от неё не можем. Как будто разглядывала нас. И на кой леший мы ей сдались? Мы, конечно, струхнули и дёру дали. Похватили, что под руку попало, сети в спешке порвали. В общем, в пролёте оказались. А что это было — кто разберёт?

На это я ему ответил, что если выпью ещё граммов эдак двести, то во что угодно поверю и потому, быстро — одна нога здесь, другая там, сбегаю за добавкой. Конопатый заколебался было, но потом покачал головой — не могу, мол — стиснул мою руку, резко оттолкнул лодку от берега и был таков, даже не оглянулся ни разу.

Но я домой всё-таки сбежал, факт. Лучше уж недоесть, чем недопить. Хотел даже соседа с собой прихватить, да дома того не оказалось. Сунул я флягу себе за пазуху и на бережок. Даже снасти не снимал, так они и стояли, пока меня носило.

Сел я, значит, на прежнее место. Ветерок поднялся, комара поубавилось. Веселее сидеть стало, только вот клёва по-прежнему не было никакого. Как говорится, до обеда не клевало, а после обеда, как отрезало.

Стемнело потихоньку. И на реке всё поухило, народ-таки до дома добрался. Сижу я себе, покуриваю, да из фляжки потихоньку потягиваю. И всё летуны эти самые, нейдут из головы. Что же с ними такое приключилось, мать честная? И только собрался я, значит, удочки сматывать, как знакомый стрекот мотора слышу. Да это никак Конопатый завернул обратно! Передумал, наверное.

Тряхнул я флягой — ещё прилично осталось. Верну должок-то, страсть как не люблю в должниках ходить! А по-над водой дымка стелется, и видно уже нечётко, но звук ихний. Я его сразу узнал. Выныривает лодка из тумана, под самым берегом уже, и опять направление прямо на меня держит. Вот, летун чёртов, думаю, точно на свою полосу заруливает, тютелька в тютельку, как в прошлый раз. Подивился я этому и вижу, когда уже разглядеть лодку можно стало, в ней-то опять двое, и второй — тот самый Длинный, будто и не уходил никуда, так же горбится сзади и вроде бы снова Конопатому что-то на ухо толкует. И Конопатый совсем как тогда на берег прёт, ничего не видя. Вот только со мной промашка вышла: я уж больше руками не машу, стою, рот разинув, и ничего сообразить не могу. Будто фильм второй раз смотрю — всё точь в точь сходится.

Втыкается тут лодка в берег напрямик в мои снасти, аж на песок их выносит, а они всё сидят в тех же позах как куклы неживые. Мотор вроде бы сам и заглох — тихо стало. Только мелкая волна под берегом плещется, да у лодки днище шуршит по песку. Вот набрались-то, мать честная, подумалось мне! Пьяными я их посчитал поначалу! И только я это подумал, как двигаться они начали. И что-то слишком медленно, будто в трансе каком-то, прости меня, Господи!

Тут меня-то совсем и заклинило. Стою, двинуться с места не могу — только на них и таращусь. Во рту пересохло, да и хмель куда-то пропал, с перепугу, наверное. Только в голове звон, тонкий и противный, как ковариное пение. А они в мою сторону и не смотрят вовсе, всё двигаются, тягуче, с натугой, по журавлиному ноги переставляя, и сапоги у них в песке что-то уж больно вязнут, словно груз какой неподъёмный в рюкзаках — прямо по щиколотку проваливаются!

Присмотрелся я тут к ним повнимательней — вроде бы это и не совсем они получаются. Стемнело, конечно. И видно уже не здорово, но разглядеть их ещё вполне можно было. Вон — Конопатый, и не Конопатый вовсе,

лицо вроде бы такое же, но без конопушек, и глаза какие-то совсем стеклянные, как с хорошего бодуна, значит. Да и Длинный тоже не совсем такой. Отличается чем-то, а вот чем — так сразу и не сообразишь. И рюкзак у него — будто из спины растёт, горб какой-то, а не рюкзак, так — видимость одна. Лямки ничего и не держат вовсе, да и пуговицы с клапанами для виду, кое-как приторочены. Подделка это, братцы, вот что!

И только я это смекнул — страх на меня напал, не приведи Господь! Бежать хочу, а ноги будто приклеенные. И не то, что бежать — шагу ступить не могу, шевельнуться — и то никак, аж дыханье спёрло! А они двинулись мимо медленно и неуклюже, разбрызгивая песок по сторонам, переваливаясь с ноги на ногу, как бы по-утиному. Но около меня тормознули. Уже прошли было дальше, спины мне показали, но вдруг — встали как вкопанные и будто окаменели, не шелохнутся совсем.

Странное дело — стоят они спинами ко мне и, не пойму как, но кажется мне, что уставились они на меня и внимательно так с головы до пят оглядывают. Глаз на затылках у них нет, факт, но смотрят они непонятно чем, зорко, цепко, прямо мурашки по коже! И чудится мне, что видят они меня насквозь, как рентгеном просвечивают! Даже мысли мои читают, так их растак!

Я, вот, глядя на ихние рюкзаки, подумал так, вскользь, что кабы рыбка в них была, то не слишком заметно было бы, что они ненастоящие. И не успел я это додумать как следует, вижу — внутри, в рюкзаке Конопатого, что-то странно задёргалось из стороны в сторону. Только на рыбу это было совсем непохоже, потому как дёргалось не только в рюкзаке, но и в самом Конопатом. Ватник у него на спине то вспучивался, то опадал. Один раз даже на затылке желвак образовался, остренький такой, будто торкнулась изнутри рыбка остроноса.

Совсем жутко мне стало. Мать честная, думаю, вот так рыбачки! Кем обернулись, летуны чёртовые! Такая тоска взяла — хоть волком вой! Стою я, значит, без движения, а впереди — они в песок вросли, как каменные, и вроде бы чего-то соображают между собой. Не шелохнутся, молчат, как рыба в реке, а вот — убей меня Бог! — разговаривают они, спорят вернее, насчёт меня. Про себя, значит, а как я без слов их слышу и понимаю, сообразить не могу. Конопатый неясное что-то насчёт меня предлагает. Спрятать или убрать куда-то, а может, и вообще что-то другое, не понять чего. Я ведь и не слова слышал, а прямо картинки какие-то в голове мелькали, нечёткие, будто смазанные. А Длинный советует ему меня с собой взять. Куда — не пойму, но вроде бы вижу — идут они сноровисто так, а я плетусь следом.

Наверное, его взяла. Конопатый, поспорив для порядка, с Длинным согласился и успокоился. Поворачиваются они ко мне передом — какое уж у них лицо-то! — смотрят на меня как слепые, только глаза наводят, а толку никакого, обман один. И сдаётся мне, что просят они себя обсмотреть, всё ли у них, как у людей, чтобы ошибки какой не вышло.

Глаза у меня сразу сами собой забегали. Сначала я Конопатого обозрел. Только про конопушки подумал — у настоящего-то они были, как лицо у него покрылось пятнами, сначала большими, потом помельче. Они, как

мураши, то разбегались в разные стороны, то снова сбивались в одну большую тёмную кляксу. В общем, от всех моих стараний заимел Конопатый большую чёрную бородавку на лбу.

И с амуницией тоже какая-то несуразица вышла. Пока я вспоминал, значит, какие у настоящих летунов куртки были, одёжка на них то вырастала, то обратно съёживалась, а на одном ватнике, прямо посередке, даже орден проявился, красивый такой, очень на настоящий похожий. Это когда я подумал, что мне за разоблачение этих типов орден вполне могут дать.

И тут — дёрнул же меня чёрт за ниточку — представил я Конопатого с длинными ушами — в мультике детском видел такие у одного зелёного уродца. И скоренько так уши у него расти начали. Не успел я и глазом моргнуть, а они уже свисают с головы, как два капустных листа.

Но быстро они меня раскусили, факт. Сообразительные оказались ребята, или как там их зовут. Остолбенели они сначала — устались друг на дружку, и Длинный сердитое что-то сказал Конопатому, обидное даже. Вроде как — сам, мол, связался с этим дураком, сам и разбирайся с ним!

И вдруг, чувствую, зачесались мои персональные уши, да сильно так, прямо огнём горят. Сунулся я рукой и чувствую — растут они, ей-Богу, растут! Шевелятся под рукой, зудят, тяжёлые стали, кожу оттягивают, до плеч прямо вымахали, честное слово!

Тут я опять сдрейфил не на шутку, вот делов-то наделал, сдуру! Они-то свалят, а мне жить такой образиной, мать честная! Бухнулся я им в ножки, а чего сказать — сообразить сразу не могу. Несу околесицу всякую: про детей малых, жену больную... Разжалобить решил, значит.

Но они, слава Богу, отходчивыми оказались. Предложили мне замену этим несоразмерным ушам подобрать. А у меня на памяти только Витькины ушки, пацана моего, да и то потому, что деру их часто. Вот уши у меня теперь и не по размеру — больно маленькие. Но я и таким рад, и на будущее шутить зарёкся — себе дороже.

Видать, советчиком я оказался никудышным. Быстро они это смекнули. Постояли, посовещались между собой о чём-то и дальше идти решили. Стоят рядышком и будто предлагают — собирай, мол, вещички, пора. Я, понятное дело, всё быстренько свернул в охапку, да и ходу. Но не тут-то было. Опять тормознули они меня. За руки, конечно, никто не хватал, но тяжесть в ногах появилась, как после крепкой работы, прямо подогнулись ноги, аж коленки задрожали!

Стопорнул, значит, я, а они не спеша подошли и с боков меня обступили. Так мы и двинулись. Ни дать, ни взять — припозднившиеся рыбаки возвращаются навеселе. Друзья закадычные, так их растак!

Идём мы, значит, покачиваемся, а народу вокруг мало. Темновато на улице, детишек уже домой загнали, факт, одни бедолаги вроде нас остались, да молодняк по углам кучкуется. Проходишь мимо подъезда, темно, а они там шепуршат и гудят, точно пчёлы в улье, своё что-то решают или договариваются о чём-то. Никому вроде бы и дела до них нет. Попробуй, сунься, накостыляют в момент. Любопытных они не любят, факт.

Ну вот, идём, значит, мы, друг за дружку держимся, так и хочется затянуть что-нибудь душевное. У меня-то хмель, как только их увидел, прохо-

дить стал, почти совсем отрезвел с перепугу-то. А теперь вот вроде бы опять успокоился, полегчало на душе, будто и вправду с дорогими друзьями с рыбалки иду.

И тут выкатывается нам навстречу, как колобок, круглый и поддатый сосед мой по подъезду Свищёв Николай, известный на районе как Колька Свищ, большой любитель выпить на халяву. И вправду — нюх у него на выпивку, надо сказать, отменный, как у борзой на дичину.

Я сразу и подумал, что если бы у меня в фляжке не плескались остатки, не вынырнул бы он на свет божий. Сколько раз я бухой возвращался, столько и он мне навстречу попадался — караулил меня, гад, не иначе! Потому как знал — я либо с собой несу, допивать значит, либо дома у меня добавка припрятана.

Станет перед тобой, прямо — душа-человек! Руки раскинет в стороны и так лыбится, что сразу хочется ему чарку налить и рвануть немедленно под хорошую закусь! Только я на эту наживку уже давно не ловлюсь. Знаю его как облупленного. У него не то, что рюмку — зимой снега не выпросишь. Жмотина он, братцы, каких свет не видывал!

А Колька дорогу нам загородил, уступать не собирается и зенками своими так и зыркает! Ещё и носом вокруг водит, будто и вправду по-собачьи принюхивается. А тут ещё этот орден дурацкий на ватнике обнаружил и совсем обалдел. Глазами лупает, за рукав хватает, сказать что-то путное силится. Рыбачки-то мои в потёмках вполне нормально смотрятся, только вот с орденом и вправду промашка вышла. Но положение спасать надо, факт. Выступаю я тут вперёд, беру его за грудки, оттаскиваю в сторону и вполголоса, чтоб окружающие не слышали, начинаю вразумлять его не совсем печатными выражениями. Но он никак не отлипает, выёлся вокруг, как чумной, бормочет ересь всякую. Так, значит, его этот орден сразил. А я ещё и болтанул сдуру, что, мол, они с высоты большой, вы сами понимаете, что я в виду имел. Это и доконало его окончательно.

— Скажи на милость, сколько ж орденов иметь надо, чтоб вот так на рыбалку, на ватник их одевать? — лопочет он, и глаза у него становятся совсем шалыми. — Познакомь, Петрович, с большими людьми, век благодарен буду.

И дальше несёт совсем уж невразумительное что-то — про каких-то недоброжелателей, проверки да ревизии на своей работе, и что давно пора, дескать, кое-кого выводить на чистую воду... А сам тащит нас за рукав, к себе, значит. Тут уж я удивился — никогда у него дома не бывал, самое верное средство было от него отвязаться, когда уж слишком приставал, домой к нему попроситься.

Жмот он жмот и есть, но как он выкручивался! Сам не поймёшь отчего да почему, а уже сидишь на грязных ступеньках да свою бормотушку в его стакан цедишь... Но Колька свою линию выдержал — мы и глазом моргнуть не успели, как оказались в лифте и поехали, стало быть, к нему в гости.

Вот тут он впервые по-настоящему и присмотрелся к рыбачкам и сомневаться начал. Показалось, что даже струхнул малость, но было поздно. Только перед дверью небольшая заминочка вышла, будто соображал он, что супруге сказать по этому поводу.

Не успел он ещё позвонить толком, как распахнулась дверь, и его дородная половина на нас с удивлением и злостью уставилась. Танькой её звали, промышляла она на рынке мелкой торговлей да Кольку тиранила в свободное от подружек время. Говорят, поколачивала даже, когда он запивал. Сам-то он мужик плотный, крепкий, совсем не доходяга какой-нибудь. Но она покрупнее его раза в полтора, а уж кулаки-то! Не у всякого душегуба такие найдёшь. Я и отодвинулся на всякий случай, кабы чего не вышло. Ей-то всё по-барабану! Рыбаки или пришельцы — всё одно — хайло раскроет да и двинется на них как танк — и поминай, как звали!

Но тут и у неё промашка вышла. Она-то как открыла рот, так закрыть его и забыла, факт! Проняло её, братцы, сразу! Да и то — она же их не в потёмках, как мы, увидала, а на свету. Напугаться-то было отчего...

На свету ясно стало, что недоделанные они какие-то. В другом, конечно, смысле — у нас-то половина недоделанных вокруг болтаются! Они-то — буквально! Не так, как мы! Вроде бы ребёнок их рисовал неумеючи. Потом надоело ему, вот он и бросил свои каракули на серёдке. Лица-то у них были плоские. Ровненько так кожей обтянутые, как у манекенов, без всякого выражения. Волосы торчали в разные стороны, неровно, комками какими-то, а бровей-то и вовсе не было. И вместо рта у одного — дырка круглая, а у другого — губы красные будто нарисованы, а под ними больше ничего и не видать. Ну а глаза — любого от страха лихоманка затрясёт! Вроде и не слепые, но какие-то тухлые, безжизненные, и двигались в разные стороны безо всякого толку.

Но и рыбачки тоже на свету нас подробно разглядели, факт. И сразу меняться у них физиономии начали, более правильный вид приобретать. И брови тут же обнаружили, да такие густые, сросшиеся на переносице — ни дать ни взять — кавказцы! И кожа порозовела, натуральный цвет приобрела и больше на кожу стала походить, а не на бумагу — с прожилочками, неровностями всякими, веснушками и прочими украшениями, каких у каждого на лице хватает. У одного даже, как у бухарика Кольки, мешки под глазами обозначились. Только вот глаза, хоть и метаться из стороны в сторону перестали, но так безжизненными да незрячими и остались. Видать, без надобности они им были, пользоваться ими они не умели, без них обходились, факт.

Постояли мы у порога, друг на дружку таращась, а потом они разом, как по команде, в квартиру шагнули, да так споро, что Танька еле успела в сторону отпрыгнуть, по-прежнему с незакрытым-то ртом. А я, поскольку за ними держался, внутрь и не попал. Перед самым моим носом дверь захлопнулась.

Тут только и дошло до меня, что власть ихняя надо мной, значит, прекратилась. Будто пути с меня спали, как с лошади. Ну и рванул я, и вправду, лошадиным галопом, пока гады эти меня не хватились, на этаж ниже, к своей квартире.

Снасти-то мои из рук от общего ошеломления перед Колькиной дверью выпали, да не до них было — быстрее бы до родимого угла добраться!

Ключом только с третьего тычка в дырку замочную попал. Пулей в квартиру влетел и дверь за собой плотно захлопнул. Даже спиной её изнутри

подпёр. И тут смотрю, Надюха, жена моя, с сынишкой Витькой из кухни на меня уставились — ничего понять не могут, только глазами хлопают.

— Ты чего заполошный-то такой, батя? Убегаешь от кого или так, для понта, нас на испуг берёшь? — усмехнулся сынок, меня с удивлением разглядывая.

А Надюха, едва уловив знакомый спиртовый дух, который от меня исходил, вздохнула досадливо, отвернулась и буркнула беззлобно:

— Допился, ирод...

Отдышался я маленько и на табуретку у порога присел обессиленно — так от страха изнемог, значит. А домашние ко мне уже спиной повернулись, чтобы каждому идти по своим делам. И тут грохнуло наверху у соседей-то наших. Да так, что посуда на кухне задребезжала. Будто сейф упал или штангу на помост уронили. Мои так и подпрыгнули от неожиданности!

Надюха-то моя, баба с юморком, сделала задумчивую физиономию да и брякнула:

— Не иначе Танька с её комплекцией в обморок грохнулась. Видать, Колька в первый раз в жизни всю зарплату до дома донёс! Счастья прям — полные штаны! И мы сейчас попадаем!

Тут и смех меня сразил — прямо сил никаких остановиться нет! Ржать я начал как сумасшедший, да так, что мои домашние, глядя на меня, сами зашлись на все лады. Всё испробовали — от тонкого заливистого Витькиного хохотка, до громкого уханья жёнушки моей — чисто филин в лесу надрывается!

Отсмеялись мы, до слёз прямо. У меня, понятное дело, испуг так выходил задним числом, а они ржали просто на меня гляючи. Чужая дурь, она, братцы, штука заразительная!

На кухню я по привычке сунулся, но есть не стал, хотя закусить обычно был горазд. А тут кусок в горло не лез, понятное дело. Послонулся из угла в угол да и спать отправился. Говорить со своими о рыбачках не хотелось вовсе, да и что не скажи — всё одно на пьяный трёп спишут. На кровать брякнулся раньше жены, чего прежде не бывало, и одеяло натянул себе на голову. Как в детстве, чтобы от нечистой силы, значит, укрыться. Тут и вырубило меня по-настоящему, без всяких сновидений, как в яму шагнул — до самого просыпа.

Еле растолкала меня Надюха поутру, такой я беспробудный был.

— Вставай, алкаш, дружки за дверью тебя дожидаются. Видать, зарплата у них большая шибко, пропить одни не в силах. Напарник им нужен. Никак без тебя не могут.

— Чего шумишь-то! — удивился я спросонок. — Какие дружки в такую рань?

— Обед уже, а тебе всё рань. Хорошо, день воскресный, а то на работу бы тебя не добудилась!

Глянул на часы — а и вправду, за полдень перевалило. Оделся по-быстрому, на ходу соображая, с кем свидеться обещал, да так и не припомнил ничего.

Открываю, а там — мать честная! — Колька со своей ненаглядной как вкопанные стоят. Ждут не дождутся меня, чтобы после вчерашнего, значит,

к широкой груди благодарно прижать. Тут я разом вспомнил, что вчера-то приключилось, и дверь у них перед самым носом захлопнуть попытался, да не на тех напал.

Сунула Колькина супруженица в дверной проём свою туфлю сорок второго размера да волосатой лапищей за дверной косяк ухватилась, и деваться мне стало некуда, пришлось дверь-то отпустить.

— Ты кого нам вчера удружил, алкаш неспроставшийся! — заревела она. — В жизни таких уродов не встречала.

Колька тоже головой утвердительно закивал, боязливо косясь на жёнушку свою. А она, слегка успокоившись и увидев, что от крика её со страху-то я не обделался, затараторила почти нормальным голосом, громко только:

— Чумовые они какие-то! Вошли, слова не говоря, а нас-то к полу и припечатало. Хочу их турнуть, а не могу. Даже рот не раскрывается. Это у меня-то!

Да, подумалось мне, факт действительно удивительный, хоть кто-то ей пасть заткнул!

— Обошли они всю квартиру, — продолжала без остановки она, — Всё оглядывали, будто чего покупать собираются. А сами всё молчком да молчком. Как нелюди какие-то. А и впрямь — нелюди, — обрадовалась она удачно найденному словечку.

— Слушай, — перебил я её, всё ещё смутно припоминая вчерашнее, — а что это так грохнуло-то у вас? Чуть дом не развалился!

— А это мой придурок, — с привычной злостью кивнула она на мужа, — подсобить им решил. Помочь, так сказать. Рюкзачки с рыбкой снять. Подошёл он к одному, длинному, у которого рюкзак побольше был, да и помощь свою предложил, давай, мол, сыму, чего тяжесть зря таскать. Тот вроде бы даже и обрадовался. Спинай к нему повернулся — сымай, мол, раз такое дело.

— Что, прям так и сказал? — удивился я. Голоса-то при мне они как бы и не подавали, так обходились, внушением.

— Слов что-то не припомню. Сказал, наверное, раз тот к нему с помощью сунулся, — засомневалась она. — Ну, мой дурень за рюкзак-то и ухватился! Чуть руки ему не оторвало!

— В рюкзаке мина что ли какая? — поразился я.

— Да нет, тяжесть неподъёмная в нём была. — включился в разговор Колька. — Даже веса не понял. Просто потянуло меня вниз и придавило к полу как муху к липучке, еле встал потом.

Вот тут я и припомнил, что когда шли они мимо меня, ноги-то у них в песке больно вязли.

— Слушай, а где ты их подцепил? — продолжал тараторить Колька. — Кого ты спяну с собой только не водил! Но таких? И где они водятся, в какой такой стране проживают? Или у нас уже завелись?

Видать, обрадовался он, что Танька его примолкла и слово в разговор вставить даёт.

— У нас теперь дома все механизмы не работают, перегорели, наверное, — почему-то обрадованно продолжил он

— Так чем же всё кончилось? Что они — до сих пор гостят? — гнул я своё. Рассказывать, откуда гости вчерашние, больно уж не хотелось. Да и что я мог им рассказать?

Тут опять Танька в разговор вмешалась:

— Походили они по дому, осмотрелись, а потом и стали столбами в углу и больше не шевелились, пока мы спать-то не легли.

— Что, так всю ночь и простояли?

— Да, будто выключил их кто-то, — уточнил Колька

— Никто их не выключал, — не согласилась Танька. — Они наоборот включёнными были — вон, как в темноте-то светились, да ещё и тикали, как часы.

— Так прямо и тикали, — усомнился Колька. — Что-то я не слышал, как тикали, вот как светились — помню.

— Не слышал потому, что храпел как боров, спать людям не давал. Я вот только отвесить тебе тумака вздумала, как ты сам и умолк. С чего бы это? Не врзала ещё тебе, как следует, а храпа уже не слышно. Наклонилась, чтоб посмотреть, значит, чего случилось. Чувствую — воздух из тебя идёт, дышишь, а звука никакого.

Вот ведь люди какие — к ним, можно сказать, инопланетные шпионы пожаловали, а они мне — про храп свой дурацкий. Да ещё пихаться начали, вот-вот она ему отвесит то, что ночью не додала. Дебилы, одним словом.

— Где гости-то ваши теперь — по-прежнему стоят и тикают или ушли куда? — стоял я на своём. Почему-то волновало это меня очень.

— Ушли они. Куда, не знаю, а ушли. Мы проснулись, а их уже и след простыл. Замок вон из двери вынесли, открыт видать не смогли. Что с них взять — нелюди и есть, — снова вставила она в разговор полюбившееся словечко.

— Может, в милицию сообщить про нелюдей-то этих? Натворят они делов, а потом с нас и спросится — чего не упредили? — предложил я сдуру. Видно, голова-то после вчерашнего на место ещё не встала.

— Сообщи, сообщи, — издевательски протянула Танька. — Можешь вообще далеко не ходить — ему прямо и скажи, — кивнула она в сторону мужа.

Тут я вспомнил, что, и правду, её благоверный в ментуре не один год оттрубил, пока за пьянство не выгнали. И сразу мысль эту бредовую о милиции напрочь отнёс.

Ну, заявишь, допустим, и что? Придёт такой вот Колька с дубинкой. И не факт, что трезвый, и не факт, что один, а может и вдвоём, а то, не дай Бог, и втроем. Послушают они для порядка пару минут твой бред, и радостно, что не зря к тебе тащились, ввалят по первое число! Уж лучше с пришельцами дело иметь, честное слово.

Но не успели мы разговор между собой продолжить, как опять от сильного удара дом задрожал. Мы чуть от страха не попадали. Значит, пришельцы и не ушли вовсе из дома, а к кому-то ещё в подъезде заявились! И опять какой-то придурок с них рюкзак, видать, снять попытался! Мать честная, что же делать-то, а? А может, и вправду — заявить? И не так страшен чёрт,

извиняюсь, мент, как о нём задержанные сказывают? Всё не в одиночку с нелюдями разбираться.

Но тут кавказец какой-то с верхнего этажа завопил, слова коверкая на свой лад:

— Ты чёго озвэрэл? Зачём пэрэгорордку урони — дом обрушишь, шайтан тэбя хватай!

И таким родным да желанным этот вопль показался нам. Значит, наши тут колымят, свои родимые, не нелюди какие.

Так, от страха не опомнившись, и разошлись мы от греха подальше по своим квартирам.

Проторчал я, братцы, всё воскресенье, из дому не выходя, так встретить их боялся. Даже домашние коситься на меня начали — не натворил ли чего, чтобы так прятаться? Раньше ведь как — в выходной калачом меня в дом не заманишь — всё дела неотложные да дружки весёлые. А тут — сидел и никуда не рыпался, как последний придурок. И от телевизора не отходил — всё ждал, вдруг новости про моих знакомцев передадут. Но за целый день так ничего путного и не услышал. Разок сказали только, что лодка какая-то странная по протоке проплыла, совсем без людей. Рыбаки её оприходовать попытались — да куда им — не догнали! Может, та самая, на которой нелюди приплыли, возвращалась восвояси, а может, кому-то с пьяных глаз это всё и померещилось.

Вот с той поры и начал я к людям повнимательнее присматриваться и много странностей всяких за ними замечать. А уж если идут парно — на первых порах вообще убегал, никак успокоиться не мог. Особенно в сумерках, когда не видать толком, кто перед тобой. Вот, к примеру, шагают двое, как привязанные, друг за дружкой, покачиваются на ходу, даже спотыкаются, как слепые, беспрерывно — а вдруг это они? Или рядом, раскинув руки, подозрительно так, лежит на траве парочка. И не пьяные вроде бы, может, обкуренные только. Да и одеты как-то странно, будто не в своё, и не двигаются совсем и, похоже, даже светятся слегка в потёмках — ни дать ни взять нелюди это.

Или вот — сел я как-то в «жигулёнок» к бомбиле. Работу проспал и решил не опоздать на неё хоть раз в жизни, благо деньги при себе имелись. А в машине сидят опять двое и не словами переговариваются, а только головами друг дружке кивают, да руками машут безостановочно. Толкнул я одного в бок, для проверки, значит, а тот замычал в ответ да и засветил мне между глаз! Немыми они оказались...

Вот совсем я, братцы, и запутался — везде мерещатся пришельцы эти проклятые. Увижу вот, к примеру — идут рядом собака и кот, чуть ли не в обнимку, чудно, как-то идут, не по-нашенски, и опять сомнение меня берёт — вдруг эти нелюди уже и в зверей обратились? Так ведь и вправду — проще и неприметней. Кто кроме детей на эту мелюзгу внимание-то обращает?

Так теперь и шарахаюсь ото всех повсеместно. И странные мысли порой в голову лезут. А может и вправду — всё больше с каждым днём нелюдей

между нами обретаются? Вот и шастают они вокруг, только непонятно зачем. Вон — половина города с остановившимися глазами ходит — чем тебе не пришельцы?

Об авторе

Родился в 1955 году в городе Почепе Брянской области. Окончил Ленинградское высшее училище железнодорожных войск и военных сообщений им. М. М. Фрунзе. Там же, в Ленинграде, состоялся творческий дебют поэта в литературном объединении при молодёжной газете «Смена», в которой в 1976 году были опубликованы первые его стихотворения. После окончания училища, в 1976 году, поэт прибыл для прохождения воинской службы в город Хабаровск, где прослужил до 1993 года. После окончания воинской службы Ковалёв преподавал в институте, сотрудничал с краевым радио, занимался торговлей и рекламой.

Первая публикация в Хабаровске — подборка стихотворений в журнале «Дальний Восток» в 1978 году. Первый поэтический сборник «Рукопожатие» был выпущен Хабаровским книжным издательством в 1982 году. Участвовал во Всероссийских, Зональных, Краевых, Всеармейских семинарах молодых литераторов. В 1979 году был удостоен премии «Молодость Приамурья» газеты «Молодой Дальневосточник».

В 1997 году выпустил сборник стихов «Душа подобна камертону», в 2002 году — «Холода приходят с востока». В 2011 году вышла книга избранных произведений — «Лирика». В 2013 году в Московском издательстве «Образ» вышел сборник стихотворений поэта «Северный ветер». В 2015 году в Новосибирске вышел сборник стихотворений «Годы и строки». Произведения Юрия Ковалёва издавались в Польше и Израиле, многие его стихотворения были положены на музыку и стали песнями, романсами.

Влад Копернин

Путь далёк...

Место моего назначения стремительно приближалось. Каких-нибудь несколько верст, и — какой бы холодный прием мне ни оказали — меня ждет теплая изба, горячий чай и сутки полного покоя. Это в любом случае.

А если сердца моих будущих сослуживцев хотя бы немногим горячее, чем корка наста над степью — мне нальют горячего грогу, да растопят баню: покажут легендарное степное гостеприимство.

Я слышал, что в лосяной кавалерии не очень-то любят гвардейцев. Кажется, теперь начинаю понимать за что. В Оркенбурге я получил комплект новой формы: плотные мохнатые сапоги из оленьих шкур, такие же штаны и куртку — и теплую шапку с длинным песцовым хвостом, свисающим на плечо. Ну какой нормальный человек перед долгой дорогой по зимней степи в тридцатиградусный мороз наденет что-то другое?

Только гвардии корнет Его Государева Величества особого конноегерского полка!

— Бывший, — поправляю сам себя. — Бывший гвардии корнет, ныне старший поручик захудалого Оркенбургского полка лосяных наездников.

Чертова эпиграмма. Вот шут меня дернул писать про Государеву тетушку. Старушке хорошо за восемьдесят, а выглядит она и вовсе на все сто, но это вовсе не повод посвящать ей эпическую поэму на две тысячи строк «У леса на опушке скрипит еще в избушке суровая старушка, как смерть с огромной клюшкой».

Глупо, несмешно и по-детски наивно, как я сейчас и сам вижу. Метать стрелы одновременно в государеву семью и в церковь Матери-Упокойтелицы — глупо. Всерьез считать детские, ребячески-развратные строчки стрелами — наивно. Все вместе — достойно наказания гораздо более серьезного, чем отставка от гвардии и командировка в распоряжение оркенбургского генерал-губернатора.

Да и с ним можно было вести себя чуточку менее вызывающе. Потихе, поспокойнее себя можно было вести. А теперь вот, добился чего хотел. И вместо того, чтоб хотя бы в дорогу одеться по-человечески, решил пофорсить.

Вырядился в парадный ослепительно-белый китель, белый шелковый шарф, белые лосяны и облегающие сапоги, шитые знаменитым столичным мастером на заказ к выпускному балу в пажеском корпусе. Длинная кавале-

рийская шинель красиво развевается на ветру, но ни лешего не спасает ни от пронизывающего степного ветра, ни от мороза.

Далеко еще? Доехать бы живым, а то тут меня и найдут. Хорошо хоть путь торный, не сбьется, пока светло — приграничный пост стоит прямо у торгового тракта. Вот, впереди, кажется, что-то белеет. Дым. Да, наверное дым — что же еще?

А раз дым — значит жилье, значит наш пост, замечательный, лучший в мире пост! Значит, теплая изба и горячий чай. Как минимум.

Только что-то уж очень странный дым. Облаком стелется по земле, не уносится в лазурное бездонное степное небо. Белое к белому, дым к снегу. Или не дым? Или это действительно облако решило спуститься пониже и посмотреть — надежно ли укрыты от лютого мороза степные травы, не надо ли припорошить их лучше?

Да. Это облако. Это плохо. Старики говорят, что такое облако предвещает буран.

Пришпориваю Ворона. Угольно-черный лосяра спотыкается, поводит мордой. Чует беду.

Не жалея, даю шенкеля, бью позолоченными иглами мягкое лосиное брюхо. Прости, брат — надо вырываться. Накроет.

Ветер крепчает, ветер бросает мне в лицо снежную крошку. Хорошо хоть, ума хватило шапку надеть теплую, прячу нос в густой песцовый хвост. Да кого я обманываю, эх. Если бы ума. Только из форсу шапку надел — уж очень шел белый мех к ослепительно белой форме с золотыми эполетами.

Дуракам, говорят, везет. Вот только везение выходит странное — везет, как повешенному. Небесная лазурь темнеет, сыплет сверху острыми снежными иглами. Начинается метель. Не метель даже, а еж знает что — я не вижу где верх, где низ; Ворон истошно кричит — почти как человек. Я нахлестываю, я умоляю его:

— Родной, родненький, выручай, вывози, родимый!

Кругом свист, рев. Будто тысяча и один бес собрались со всей великой степи именно сюда, к торному тракту Оркенбург-Уйгур. Будто назначен у них здесь свой бал, и самые злые прибыли самыми первыми, и горе незваному гостю.

Я уже не чувствую холода, я не чувствую ничего, я ничего не знаю — я не помню себя, кто я, зачем, куда двигаюсь, я просто лечу в снежно-черном круговороте, меня уносит дальше, дальше и дальше.

Все, что вспоминаю — теплый вечер когда-то давно-давно, три жизни назад. Я маленький, с ногами сижу в большом плюшевом кресле, в камине горит огонь, кругом — на стенах, на полу шкуры гигантских белых оленей, медведей, волков. Почти такая же белая круговерть, но своя, милая, уютная. Я засыпаю, я сквозь сон слышу, как бабушка рассказывает мрачные, недобрые сказки про старика-Мороза, про старинных князей, про саму Мать-Избавительницу — ей одной дано судить и воздавать по заслугам.

И как тогда, в полусне, маленьким мальчиком, я проваливаясь в бело-красную бездну, шепчу: «Великая избавительница, приди и защити меня!». Куда девался не верящий ни в шута, ни в богов забияка-корнет? Куда девал-

ся умудренный морозом и смиренный ссылкой старший поручик? Их нет, они сметены пронзительным шквалом, они оглушены криком бесовской своры, они ослеплены кинжалами снежинок.

Остался только маленький мальчик — он не настегивает уже, не прищипоривает вороного лося — и тот плетется ногу за ногу, тяжело вышагивая против бури. Мальчик просто, как много лет назад, по-детски искренне вызывает о помощи.

Что там впереди? Демон? Но демон не стал бы так беспомощно хрупать по пояс в снегу — он взлетел бы к своим наверх, или вниз — в преисподнюю, и влился бы в бесовской хоровод. Нет, это человек. Но что за человек решится пешком идти по степи сейчас. Меня, городского да молодого — эта метель могла застать врасплох, но в здешнем людe течет сомбрийская кровь, они за неделю чуют такие вещи.

Даю шенкеля. Ворон оглядывается, беззащитно косит на меня лиловым глазом.

— Надо, дружище, — ободрительно треплю его по холке. — Надо.

Переставляет ноги быстрее. Старается. Мощью своего корпуса наваливается на этот ветер, как на живую стену, как на врага, которого надо раздавить, снести, уничтожить.

Догоняем безумного ходока. Тот не видит вокруг себя ничего, голова поднята кверху, глаза смотрят куда-то вперед, как будто можно различить что-нибудь в этой шутовской круговерти. Руки без перчаток крепко скрещены на груди. Кажется, он не замечает ни адского холода, ни кинжального огня снега. Впрочем, разве я только что не плыл точно так же в этом ледяном море.

— Любезный! Эй, любезный, — сначала окликаю, а потом трясую его за плечо я. Он высок, мне почти не приходится наклоняться, чтобы достать до его плеча.

Он поворачивает ко мне лицо, и это ужасно. Глаза кажутся слепыми — или человек (если это человек) смотрит куда-то сквозь меня в одному ему ведомую даль. Щеки белы, как мрамор лучших адриумских статуй — ах, сколько тысяч лет назад, прошлым летом, я любовался на них в государевом саду!

Если бы не простая крестьянская одежда, я решил бы что сама Мать-Избавительница услышала мой призыв и решила подождать в дороге, чтобы скрасить прогулку.

Впрочем, глупости. Она не ходит пешком, ее тройку я бы узнал из тысячи. В жарком деле при Макабринске, когда мы были на шаг от катастрофы, от полного уничтожения, подполковник фон Лютов бросил кавалергардский полк в безумную атаку на линии бетонных боевых големов, намертво врытые в землю, ошетилившиеся штыками. Они прорвали линию обороны, и почти все они полегли там, и спасли остатки армии, и перешли из жизни — в бессмертие.

Я видел — и многие потом говорили, что видели тоже, как сама великая мать на тройке огнедышащих скакунов встречала их, и подполковник галантно припал к ее руке, и она предложила ему место рядом с собою.

Трое коней — белый, как снег, черный, как деготь, и желтый, как золото. Я узнал бы эту тройку и ее возницу, где бы я ни был.

Тут же передо мной был простой сомбрыйский крестьянин. Даже не крестьянин — крестьянка. Порыв сумасшедшего ветра сдул ее шапку, растрепал длинные русые волосы. Одна прядь ударила меня по щеке — хлестко, звонко, как пощечина.

Я, уже почти ушедший вслед за кавалергардами по дороге в одну сторону, вернулся в свое «здесь» и «сейчас». На меня — а вернее сквозь меня — смотрит немолодая крестьянка, слегка пошатываясь на ветру.

Я еще раз трясую ее за плечо, сильно. Она не чувствует. Она поворачивается, чтобы идти дальше. В отчаянии ловлю на ветру извивающиеся змеи ее волос, наматываю на руку, дергаю. Помогает.

Крестьянка смотрит осмысленно, из глаз катятся слезы, застывают на ветру, падают маленькими шариками в глубокий снег.

— Господин офицер, простите! — скорее угадываю по губам, чем слышу я. Говорить невозможно, ветер обезумел, он выводит уже такие рулады, что и тысячи бесов сдохла бы от зависти в своем бестиарии.

— Где люди? — наклоняюсь, ору ей в самое ухо.

Она пытается что-то сказать, ни шута не слышно, не понятно. Пожимаю плечами.

Машет рукой куда-то вперед, пытается снова идти. Понятно, не дойдет. Наклоняюсь с седла, пытаюсь покрепче перехватить ее. Спротивляется. Ничего, часовых на скаку брали, было дело — не то что сейчас.

Сажаю женщину на лосиную холку, кричу в ухо:

— Показывай дорогу. Вместе доедем, по отдельности пропадем!

Кажется, поняла. Уже более определенно тычет рукой куда-то посередине снежной круговерти. Как они находят дорогу? Каким безошибочным инстинктом, почти растрченным наследством древних сомбрыйских царей. Не знаю. Она молчит. Я тоже молчу, только направляю Ворона согласно ее скупым, прижимистым движениям. Чуть правее. Чуть левее. Прямо. Резко направо. Чуть левее.

Долго ли мы брели, парили, плыли в этой молочно-туманной колючей свистопляске? Долго ли кололи мне лицо остро отточенные иглы снежной крупы? Неизвестно.

Однажды мне показался среди белесой пелены маленький огонек — но он тут же спрятался, пропал, исчез — как и не существовал никогда.

Снова появился. Снова пропал. Появился и не исчезал уже, горел маленькой путеводной звездочкой, манил нас иллюзией тепла и уюта.

— Туда править? — спросил я.

— Тудой, — покричала моя спасительница. — К светым сестрам в обитель, ага.

«Да мне уже хоть к шуту на вилы, хоть лешему в зубы», — думаю. Я уже давно понял, что сбился с торного пути и искал хоть какого-нибудь приюта. — «К сестрам, так к сестрам».

Близость спасения придает сил, Ворон идет ровнее, быстрее. Я кричу женщине прямо в ухо:

— А что ж ты, милая, получше-то времени не выбрала на богомолье выбраться?

— У меня, господин офицер, муж-то занемог, — ровно отвечает она. Не кричит, кажется, вообще не повышает голос, но я слышу через свистопляску метели. — Замерз в степи, теперя в жару бредит. Говорят, у сестер есть чудесные слезы Матери, иду тудой, просить.

Мне стыдно уже за свой тон, за свои глупые шутки. Мог бы и догадаться, что только крайняя нужда могла выгнать несчастную крестьянку из дому перед бураном.

Приобнимаю ее, стараюсь подбодрить:

— Ничего, мамаша, поможем чем можем. Если за так не дадут — может, предложим что-нибудь настоятельнице. А лекаря у вас в селе нет?

Смотрит на меня так, что продолжать разговор не хочется. Тысячи лет эти люди лечились у шаманов, знахарей, ведунов. Теперь вместо них обители Матери-Избавительницы. А уездные лекари, губернские больницы — как не для них. Нет им веры. Они без дела и не у дел.

Продвигаемся вперед. Огонек разгорается, двоится, троится. Серотуманную завесь как будто кто-то вскрыл, разрезал булатной саблей. Она распадается, виден черный силуэт храма, как будто летящий над серыми крепостными стенами. Хлопаю Ворона по шее: давай, мол, поднажми, немного осталось. Но он и сам чует — хоть и по брюхо в снегу, а переходит на бег.

И вот, я уже в тепле. Конечно, никакого мне тут горячего чаю, не говоря уж про грог или баню — но в храме жарко натоплено, и ноги в сапогах начинают вспоминать о том, что они у меня все-таки есть. И руки. И лицо. Да что там руки и лицо, каждый клочок кожи причиняет адскую боль, тяжело стоять, тяжело сидеть.

Конечно, в другое время обитель оказала бы более милосердный прием замерзшему до полусмерти путнику, тем более дворянину, тем более государеву человеку. Но сейчас все заняты, ни души кругом, только сестра-привратница открыла нам ворота и тут же приложила палец к губам:

— Тихо. Совершается таинство венчания. О нем я позабочусь, — она взяла под уздцы Ворона, а нам указала на храм.

Не оставалось ничего делать, кроме как молча пройти в душное тепло собора. Служба шла, видимо, уже давно. Дым качался густыми слоями, эхом мерного речитатива металось среди них, не находя выхода. Казалось, если напрячь слух, можно различить каждое слово, пропетое с начала церемонии.

Мы с невольной моей спутницей и спасительницей осторожно протискивались к священному очагу — не потому что так хотелось припасть к святыне, а потому что от него исходило столь манящее тепло, что невозможно было противостоять искушению.

Впрочем, буду говорить за себя — чужая душа потемки, и крестьянка бухнулась на колени у самой ограды, била земные поклоны, губы ее беззвучно шевелились. Понятно, что, кого и за кого она просила.

Я молча стоял рядом. Чтобы отвлечься от мучений отогревающегося тела, начал вслушиваться в слова торжественного речитатива:

— Иже к тебе взываем, к Матери-Избавительнице, к разрушительнице собраний и даровательнице наслаждений, снизойди к нам и дай нам покой, и освободи нас от мирской суеты, и воздай добро за добро, и добром за

добро, суди право, и воздай любовью за любовь, и злом за зло, и равнодушием за равнодушие...

Кругом черные рясы, черные капюшоны скрывают лица, черные свечи чадят у аналоев, создавая островки безысходного мрака. Кроме нас с крестьянкой в храме только сестры. Сплошное черное озеро.

И среди него появляется, выходит из алтаря маленький белый островок. Невысокая женская фигурка закутана в слепящее-снежную мантию. Капюшон опущен, лица не разобрать. В каждой руке по свече — в левой черная, в правой белая. Черная свеча поглощает рассеянный свет, создает небольшую область непроницаемой тьмы. Белая светит маленькой звездочкой, манит, притягивает.

— Где же жених? — спрашиваю себя.

Спрашиваю, видимо вслух, потому что крестьянка отвечает:

— Какой жених, господин офицер? С великой матерью ее венчают, сердешную.

Если бы позволяли приличия, я дал бы себе пару оплеух: как можно быть таким дурачком? Ну действительно, какая свадьба в скорбной обители Матери-Избавительницы посреди степи? Только постриг. Теперь просто станет одной святой сестрой больше.

Внимательно всматриваюсь в белую послушницу у алтаря. Нет, лица не вижу. Но даже тяжелая парчовая мантия, отороченная мехом, не может скрыть ее фигуры — фигуры древней богини. Судя по мантии, постригается девушка из благородных. Пальчики, держащие белую свечу, тонки и почти прозрачны, они еле заметно дрожат — и белая звездочка приветливо мерцает.

— Боги, боги мои — кто же она? — невольно шепчу я. — Зачем эта девушка закрывает себя на всю жизнь в глухой степной обители? Что оттолкнуло ее от мира?

Чувствую, на меня недовольно шипят сестры. Чувствую, мою руку сжимает чья-то холодная, сильная ладонь:

— Успокойтесь, господин офицер. Не надо. Ей не поможешь ужю.

Поворачиваюсь на звук. Давешняя крестьянка, рослая, выше меня на полголовы, склонилась ко мне и шепчет:

— Не спасти ее, горлицу нашу. Уже обряд идет. Нету ей теперя обратно дороги.

Глаза женщины грустны, руки судорожно перебирают складки простой заплатанной шубейки. Она молода — теперь я вижу это — просто печали заставили до времени отцвести эти глаза, когда-то васильково-яркие, эти волосы, когда-то золотые.

Я не знаю ничего о ее судьбе, но разве мало таких судеб на бескрайних просторах нашей Ладии?

Стоп. «Не спасти,» — сказала она. А можно было спасти? А надо было спасти?

— Почему спасти? — спрашиваю я. Черным вороньем закаркали сестры, черные клювы капюшонов поворачиваются ко мне. Указательные

пальцы — старушечьи, когтистые, как птичьи лапы, тянутся к губам, губы шипят по-змеиному.

Крестьянка оглядывается, быстро шепчет мне на ухо:

— Так ведь силою, силком понуждают госпожу-от нашу светлую. Одна она осталась на свете, вот ее сестры к себе взяли на воспитание — а теперь заставили все имущество на обитель отписать.

— Прямо силой? И все знают и все молчат? — не верю я.

— Венец единый, венец возлагаем, Мать-Избавительница да освятит! — взывает к куполу хоровое пение. Действительно, уже почти поздно. Служба идет много часов, большая часть слов спета, большая часть обетов дана. Почти поздно, но не совсем. Не сказаны самые страшные слова, не принесена самая страшная клятва в верности, в гробовой верности.

Можно все отменить. Можно все изменить. Дойти до самого мортиарха, если нужно.

Достаточно сейчас — прямо сейчас остановить службу.

Я могу это сделать. Могу ли? Я сделал много глупостей в этой жизни, я слеп в делах земных, как крот. Надо это признать. Вся моя гвардейская бравада, вся моя выстуженная мудрость не стоит выеденного яйца. Стою, как связанный. Крестьянка рядом со мной снова падает на колени, бьет земные поклоны. Ей, в принципе, все равно на кого гнуть спину — на госпожу, на обитель, на государя.

Ей лишь бы выздоровел муж, а там как-нибудь уже.

— Мать-Избавительница да освятит! — завывает хор. Как положено по обряду, мантия слетает с плеч будущей сестры, она остается в одной домотканой рубашке. Она прелестна. Нет, она очаровательна. Нет, она прекрасна, прекрасна, шут возьми!

Снежная белизна лица, брови черные вразлет, как у сказочных княгинь. Бездонные омуты темных глаз. А в глазах тоска. А в глазах страх. В глазах растекается безысходность, в глазах мечется паника.

Если бы я и не слышал слов своей спасительницы, я все понял бы по этим глазам, они сказали бы мне все, когда настоятельница своей птичьей лапой вцепилась в руку с белой свечой.

— Таинство венчания да совершится в мире, и если не сейчас, то никогда, а если сейчас, то отныне и во веки и до гроба и после, — крещендо разрывает храм изнутри, рвется к небу, заставляет трепетать мрак и пламя свечей.

Не могу на это смотреть. Не могу этого слушать. Через несколько минут будет сказано безвозвратное:

— Так будет вовеки, — как крышка гроба упадет.

Протискиваюсь к выходу. Не разбирая дороги, наступаю на ноги, локтями расталкиваю перепуганных сестер.

За воротами храма вечереет. Метель утихла, розовая полоса заката оставляет кровавые следы на бескрайней снежной степи. Закуриваю. Ломаю сигару, закуриваю снова. Ломаю и эту.

К шуту. К ежам свинячьим. В пекло. Пусть я дурак, но будь что будет.

Поворачиваюсь, как на плацу, как на смотре у его величества государя, шелкаю каблуками. Сбрасываю шинель, остаюсь при полном параде — в ослепительно белой форме с золотыми эполетами. Рывком открываю храмовую дверь.

Ворвавшийся ветер остатками пурги гасит все свечи, ему все равно — черные, или белые, или золотые. И во мраке слышу: я опоздал.

— Так будет вовеки! — возглашает настоятельница торжественно и торжествующе.

Я опоздал бесповоротно и навсегда. Зажигают от священного очага золотые свечи. Все кончено. Хор славит Мать-Избавительницу. Кончено?

Нет.

— Именем государя! — мой крик перекрывает торжествующий хор, пламя в священном очаге колеблется.

— Именем государя и властью государя объявляю обряд недействительным, — кричу я, но почему-то вместо крика какой-то визг вырывается у меня изо рта.

Настоятельница спокойна и упряма:

— Молодой человек, обряд закончен, обет произнесен. Избавьте нас от своего присутствия. Метель кончилась, а с ней ваше право на убежище.

— Не раньше, чем вы отпустите эту девушку, — чеканю я.

— Это невозможно, — каркают сестры в один голос. — Она произнесла клятву, она с нами, она наша! — радостно каркают они.

— Нет!

— Да, — кивает настоятельница. — Она принадлежит самой Смерти и не тебе оспаривать у нее ее добычу.

Не соображая, не отдавая себе отчета, бросаюсь к священному очагу, бросаюсь на колени, как последний смерд, бьюсь головой о неструганные доски пола:

— Взываю к тебе, Мать-Избавительница, приди и рассуди! Я видел тебя на поле боя, я готов идти за тобой куда угодно — но рассуди сейчас и воздай злом за зло, и равнодушием за равнодушие, и добром за добро, и любовью за любовь!

Пламя очага пляшет, растет, растет — хотя поленья давно прогорели и только несколько углей еще не превратилось в золу.

Пламя растет, и зажигаются все свечи в храме, храм залит белым светом и только у аналая два пятна великой Тьмы от черных свечей.

А из очага выходит исполинская фигура в красном плаще. Капюшон откинут — и я вижу лицо, то самое лицо, что видел тогда, при Макабринске. Только старше. Да, намного старше. Я видел это лицо еще где-то. Где же?

Узнаю. Постепенно узнаю и почти теряю волю. Я погиб. Я безвозвратно погиб — это лицо той самой старушки в кадушке верхом на клюшке, государственной тетушки, которую я совершенно ни за что обидел своими глупыми виршами.

Она протягивает ко мне руку, улыбается:

— Ты виноват передо мной, корнет!

Что остается делать? Вытягиваюсь во фрунт, шелкаю каблуками:

— Виноват, госпожа! Виноват, раскаиваюсь, больше не повторится! — рапортую. И совсем просто, по-детски, искренне добавляю: — Ну, правда... Смеется:

— Вижу, что правда. ты теперь совсем другой человек, господин старший поручик. а я не ревнива. Говоришь, готов за мной, куда прикажу?

Твердо отвечаю:

— Готов, госпожа.

Уже не смеется. Улыбается.

— Тогда к алтарю шагом-марш!

Ноги сами несут меня к алтарю, где ни жива, ни мертва дрожит фигурка в белой домотканой рубашке. В храме тишина. Так гулко, что эхо моих шагов долго бьется в окна. Оглядываюсь. Нет, все на месте, все ждут, никто из сестер не смеет поднять взгляд. Одна крестьянка смело смотрит прямо на моего страшного командира.

— Хочешь быть с мужем? — спрашивает ее Смерть.

— Хочу, — еле шепчет она посиневшими губами.

— Тогда пойдешь со мной. Как все закончится, выходи на улицу, садись в сани и ничего не бойся.

— Я не боюсь, — шепчет женщина и бежит к выходу. Под купол храма несется радостный шелест. — Проша, Прошенька, я иду к тебе, подожди!

Беру под руку оторопевшую невесту. Ее бьет озноб, или нервная дрожь, или то и другое. Срываю ослепительно-белый китель с золотыми эполетами, накидываю ей на плечи, беру из руки черную свечу.

— Ты сам сделал выбор, — шелестит Смерть. — Черная свеча в твоей руке, будь же со своей избранницей в горе и в радости, пусть мрак черной свечи поглотит горе!

Становлюсь на одно колено, смотрю на невесту — теперь уже не невесту смерти, а мою невесту.

— Белая свеча в твоей руке, сделала ли ты свой выбор? — спрашивает ее Мать-Избавительница.

— Да, — шепчет она. Смотрит на меня, кладет руку мне на плечо. — ДА! ДА! ДА! — звучит среди храмовых стен.

— Не-е-е-т, — стонет настоятельница.

— Да, — бесстрастно подтверждает алая фигура. — Белая свеча в твоей руке, будь же со своим избранником в горе и в радости, пусть свет белой свечи несет радость и счастье.

Смерть строго смотрит на сестер, своих невест. Долго всматривается в их лица, закрытые капюшонами. Ни одна по-прежнему не смеет поднять глаза. Тогда она поворачивается к крестьянке:

— Знаешь, что надо делать и говорить? Тогда делай и говори.

Та смело подходит к настоятельнице, берет у нее из рук золотой венец. Второй снимает с аналая. В ее осанке нет уже и следа усталости, тяжелой судьбы, невзгод и несчастий. Это гордая и свободная женщина. Ее голос чист и звонок:

— Венец единый, венец возлагаем, Матерь-Избавительница да освятит!

Смерть кивает. Крестьянка становится за нами, держит над головой венцы, читает нараспев:

— Таинство венчания да совершится в мире, и если не сейчас, то никогда, а если сейчас, то отныне и во веки и до гроба и после.

Смерть припечатывает:

— Так будет вовеки.

Поворачивается к настоятельнице и ее пастве. Ее лицо сурово, глаза мечут молнии. Белые молнии. Огонь священного очага снова растет, но это теперь грозное белое пламя, оно гудит сильнее чем буря, более грозно чем океан в шторм.

Ни меня, ни мою — теперь уже — жену пламя не трогает. Но сестры корчатся, на лицах страдание. Стены храма занимаются веселыми белыми огоньками. Это фантасмагория, мы не можем двинуться с места, вокруг нас пожар, стена пламени, валятся колонны, падают перекрытия, мы стоим невредимы...

В несколько минут все кончено. Не осталось камня на камне, только белая зола на белом снегу. И черными вороньими тушами — тела сестер. Их лица обезображены, но не огнем, они показывают неземные страдания. В глазах застыла вечность мучений.

Невдалеке, там, где начинается санный след — тело молодой крестьянки. Но ее лицо лучится счастьем. Неземной лунно-белый свет исходит от нее, постепенно смешиваясь со снегом. Она снова со своим любимым. Все так.

Злом за зло, и равнодушием за равнодушие, и добром за добро, и любовью за любовь.

Невдалеке роет рыхлый снег в поисках корма Ворон. Ласково подзываю его. Сажаю на круп жену, веду под уздцы.

Место моего назначения медленно приближается.

Об авторе

Родился в Москве. Профессиональный финансист.

Стихи пишет с детства, прозу — относительно недавно. Победитель и призер литературных конкурсов. Публиковался в журнале «Фантастика и детективы», альманахе «Астра Нова», различных сборниках. В №2 за 2014 год литературного приложения «Знание-сила: Фантастика» вышел рассказ «Сталь, порох и бумага». Рассказ «Путь далек...» — первая часть дилогии.

Артём Курашин

Парк развлечений

Искандеру не нравилось свое имя. Много раз он порывался поменять его. И хотя в его случае легко можно было избежать бюрократической волокиты — достаточно лишь сказать пару слов кому нужно, что-то его удерживало. Может быть, то, что оно происходило от имени самого Македонского, ведь это — не что иное, как Александр на арабский лад.

Но, скорее всего, причиной этому было стремление до конца следовать правилам игры, участником которой он являлся. Искандер хотел быть равным среди равных, иначе затея теряла всякий смысл. Он слышал про тех, кто шел по пути наименьшего сопротивления, но это было не для него. И пусть его карьера складывается не лучшим образом, зато он всего добивается сам, без чьей-либо помощи, — ведь это и составляет истинную суть игры.

Искандер выскочил из троллейбуса и проследовал вглубь проходных дворов. Сегодня у него был тяжелый день — опять поцапались с шефом. Несмотря на то, что предмет раздора представлял собой маловажную деталь рабочего процесса, рассчитывать на премию в этом месяце уже не приходилось: шеф Искандера не прощал подчиненным даже малейшие оплошности. Такой же призрачной сейчас казалась и перспектива повышения, которая наметилась в последние месяцы.

«Да и черт с ним», — подумал Искандер, заходя в подъезд своего дома.

В данный момент его беспокоило кое-что другое: уже минут пять за ним следовал некий подозрительный молодой человек в черной кожаной куртке.

Парень держал дистанцию в пару десятков шагов и, как показалось Искандеру, не сводил с него взгляда. Когда он задержался возле газетного киоска, преследователь тоже замедлил движение и принялся рыться в карманах, демонстрируя своим поведением замешательство.

Поднявшись на второй этаж, Искандер услышал, как внизу хлопнула железная дверь, затем — торопливый топот на лестнице и тяжелое дыхание настигающего злоумышленника. Он заметил мелькнувшее в руке лезвие ножа и желтоватый оттенок глаз молодого человека.

«Наркоман...» — промелькнуло в голове.

Хлесткий удар обжог левую щеку Искандера. Пространство разорвалось разноцветными искрами.

— Выворачивай карманы! — прохрипел нападавший.

Искандер почувствовал руку, прижимавшую его к стене, а также холодный металл, приставленный к горлу где-то рядом с кадыком. Он поднял

взгляд и сфокусировал его на лице мерзкого типа. В глазах того отражалась отчаянная решительность и неумолимая твердость.

«Он не шутит, — подумал Искандер. — И он не похож на наркомана. Неужели это...»

Парень грязно выругался и добавил:

— Поторапливайся! Давай быстрее, а то порежу!

Искандер вытащил бумажник и передал его грабителю. После чего залез под куртку и достал оттуда сотовый телефон.

— Ага, — кивнул тот. Засовывая добычу в карманы, он не сводил глаз с жертвы. — Давай часы! Я видел у тебя на руке часы! Не вздумай крутить: убью!

Искандер покорно снял наручные часы и отдал их.

— Так-то лучше, — протянул злоумышленник и отошел назад.

Он сделал один шаг и остановился как вкопанный, не в силах оторвать взгляда от Искандера. Его осенило неожиданное открытие:

— Мать твою!.. Ты...

Искандер мелко и часто закивал головой.

— Ты... оттуда?... — не мог поверить своей догадке грабитель.

— Да. Я тоже тебя сразу опознал.

Парень громко и зычно расхохотался. Искандер ожидал встретить добродушие себе подобного, но увидел лишь хищный оскал.

— Чего уставился, придурок? Не можешь поверить в то, что крылатый занимается такими вещами? Хе-хе. Так поверь уже! Просто сегодня мне не хватило денег, и я добыл их таким способом, — незнакомец красноречиво посмотрел на нож и спрятал его под курткой. Потом обернулся на Искандера, презрительно кинул: — Слабак! — и бросился вниз по лестнице.

Снова хлопнула дверь. Сердце в груди перестало бешено колотиться. Искандер сделал несколько глубоких вдохов.

Оправившись от стремительного нападения, он принялся отряхиваться. Не столько раздражала испачканная белилами штанина, сколько хотелось избавиться от ступора, в котором он до сих пор находился.

Придя в квартиру, Искандер, не разуваясь, прямо в ботинках прошел в зал и шлепнулся на диван.

«Пора завязывать с этим делом, — думал он. — Эта игра затянулась слишком надолго и уже не доставляет мне удовольствия. Все это глупо и противно. Какое к черту тут веселье, когда происходит такое? Пришло время навестить агента, а земная оболочка пусть подождет».

Искандер открыл ящик письменного стола и достал оттуда пачку таблеток, которые называл про себя снотворным. Одну из них он положил в рот и, даже не запивая, проглотил. Потом подумал и проглотил еще одну.

«Для верности», — решил он, после чего лег на диван и закрыл глаза.

Правильнее было начать медитировать и впасть в состояние транса, но сейчас у Искандера не было сил на это. Есть более простой способ отправиться в путешествие по другим мирам — достаточно лишь уснуть.

Агент был занят. Он склонил длинный крючковатый нос над бумагами и что-то нашептывал вполголоса. Однако, заметив входящего, он поднял голову и радушно заулыбался:

— Псевдо! Приветствую вас! Давненько вы к нам не заходили!

— Добрый день, Ино! — ответил тот и присел в предложенное кресло.

— Как ваши дела?

Псевдо неопределенно развел руками, и Ино понял, что, вероятно, дела идут не очень хорошо.

— Что-то произошло? — Ино умело изобразил на лице озабоченно-расстроенное выражение. — Признаться, я давно не заглядывал в ваше досье.

— Да, произошло. Именно об этом я и хотел с вами поговорить. Со мной приключилась неприятная история. Очень неприятная, знаете ли.

— Одну минутку, — Ино забарабанил пальцами по клавишам компьютера и уставился в монитор. Увиденное его явно не обрадовало, он поджал губы и с сожалением произнес: — Да, вижу — вас ограбили. Примите мои соболезнования. В самом деле, ситуация не из приятных.

— Когда мы заключали с вами контракт, я ожидал другого, — сказал Псевдо.

— Но ведь это же ваши правила! — перебил его агент. — Вы сами выбрали их! Вы ставили условие не помогать вам, никак не содействовать развитию вашей карьеры и все такое. Насколько я понимаю, не оберегать вас от различных форс-мажорных обстоятельств — это прямое продолжение политики невмешательства в жизнь вашего... хм... персонажа.

— Да, это так, — согласился посетитель. — Но я хотел бы обратить ваше внимание на то, что человек, ограбивший меня, — это никакой не человек, а один из наших, крылатый...

— Вот как? — в глазах агента появилось удивление. — Я этого не знал. Сейчас посмотрим, — он вновь застучал по клавишам, выискивая нужную информацию.

Ино работал в сфере виртуальных развлечений уже не первый год, но с такой ситуацией столкнулся, пожалуй, впервые. Чтобы двое крылатых непреднамеренно встретились в мире людей — нет, он решительно не мог припомнить такого случая.

Мир людей и мир крылатых, как и множество подобных им миров, существовали в параллельных друг другу измерениях. Нельзя сказать, что один был лучше другого, скорее они отличались друг от друга. В каждом были свои «изюминки», особенности, которые и привлекали к себе любителей иной реальности.

К примеру, мир людей задавал общий ход истории для нескольких миров, влиял на них соответствующим образом, однако был практически закрыт для своих обитателей, который подозревали о существовании параллельных миров, но не имели возможности физически путешествовать по ним. Лишь некоторые из людей овладевали техникой сознательных перемещений, остальные же довольствовались спонтанными, которые периодически возникают во время сна.

В то же время, крылатые открыли возможность перемещаться из своего скучного мира всеобщего достатка в полный первобытной дикости мир людей и находили это привлекательным. Они уже давно организовывали ознакомительные, а при желании — долгосрочные, экскурсии и сделали это прибыльным бизнесом. Некоторые особо увлекающиеся личности могли жить среди людей годами, вживались настолько, что занимали в их обществе высокие посты, делали головокружительные карьеры президентов и преуспевающих «звезд».

В свою очередь, люди с давних пор догадывались о посетителях и зачастую довольно жестоко боролись с ними. Вспомнить хотя бы средневековую инквизицию, пытавшуюся истребить непрощенных гостей.

Для крылатых подобное времяпровождение было лишено каких-либо рисков и опасностей: они переносились в другой мир лишь разумом, их тела оставались все это время в состоянии глубокого сна. В случае увечий или даже гибели земной оболочки, крылатый возвращался в родной мир безо всяких последствий или травм.

— Вы знаете, — продолжил Ино после небольшой паузы, — мне знаком этот крылатый, он тоже обслуживается в нашей компании. В высшей мере неуравновешенная личность. А куда деваться? Клиент всегда прав. Вы должны понять, что этот мир — не только ваш, в нем обитают и другие игроки. То есть мы можем оградить вас от их влияния, но захотите ли вы этого? — Ино благодушно улыбнулся.

— Нет, ни в коем случае, — отозвался Псевдо. — Просто я всерьез подумываю о том, чтобы разорвать контракт и закончить свое пребывание в мире людей. Надоело, знаете ли.

Улыбка застыла на губах Ино.

«Вот тебе и раз, — пронеслось в его голове. — Что же они, сговорились что ли?»

Это был третий за сегодня клиент, который грозился отказаться от услуг компании. С такой тенденцией можно было запросто оказаться без премиальных. Ино грубо прикинул в уме: выходило, что смета проекта Псевдо все еще минусовая, а вернуть издержки вряд ли получится, даже через суд — закон о защите прав потребителей при таком раскладе был явно на стороне клиента.

«Так не пойдет, — решил Ино. — Нужно всеми правдами и неправдами удержать его в игре».

— Может быть, мы каким-то образом сможем компенсировать неудобства, связанные с нападением этого... хм... не побоюсь этого слова, злодея? — на этот раз улыбка Ино была откровенно заискивающей. — Кроме того, обещаю поговорить с ним, чтобы впредь вел себя более прилично...

— Нет, это лишнее. Вы же знаете мои принципы — никаких поблажек, никакого вмешательства.

Поняв, что сморозил глупость, Ино попробовал зайти с другой стороны:

— Я это к тому, что, может быть, вы не будете решать сгоряча, а, так сказать, подумаете? Сейчас вернетесь к себе, — он окинул взглядом Псевдо и, заметив обручальное кольцо на его правой руке, добавил: — к семье. Тем более, как я вижу, время вашего сеанса истекло: нужно дать отдохнуть зем-

ной оболочке. А вы заново оцените все «за» и «против» и примите взвешенное, единственно верное решение?

— Хм... — замаялся Псевдо. — Ну, я не знаю.

Нужно срочно что-то придумать, — лихорадочно соображал Ино, — нужно как-то сделать игру более интересной для него.

У агента была одна идея наготове, но ее реализация требовала искусности и тонкости в работе.

«Кроме того, — решил он, — не стоит забывать о грабителе. Возможно, его тоже получится привлечь к этому проекту».

— Ну, хорошо, — произнес, наконец, Псевдо. — Я подумаю.

III

Окрошка была великолепна. Нежная нежирная колбаса не успела размякнуть, также как тонко нарезанные огурцы, которые с непередаваемым летним звуком хрустели на зубах. Вместо укропа, крайне нелюбимого Искандером, повар не пожалел петрушки, которую тот просто обожал.

«И все это благодаря двум секретам, — рассуждал Искандер со знанием дела, отправляя в рот ложку за ложкой. — Первое, окрошка настоялась часа два, а, может быть, даже больше. Второе — это кефир: свежий, обезжиренный, слегка разбавленный водой, скорее всего, минеральной».

Он доел холодный суп и подумал — не взять ли еще тарелку? Но потом справедливо рассудил, что слишком много вкусного — это не совсем хорошо, и принялся за кофе с булочкой.

Искандер любил это кафе. Тут было чисто и уютно, но самое главное — очень вкусно кормили. Блюда готовились только из свежих продуктов, и цены были вполне приемлемые. Неудивительно, что обедать сюда ходили сотрудники всех близлежащих офисов. Они рассаживались компаниями и шумно галдели о своем, насущном.

Искандер и сам раньше посещал кафе с коллегами, но вскоре ему наскучила их пустая болтовня, и он взял за правило обедать в гордом одиночестве. Рассуждения сослуживцев о преимуществах одной модели автомобиля над другой казались Искандеру мещанскими и низменными.

Он мыслил иными категориями. Согласно его мировоззрению, каждое разумное существо — человек или крылатый — вне зависимости от происхождения, образования и других социальных факторов, способно пробиться в мир больших вещей и событий. Каждый может принимать важные решения, быть причастным к делам, возможно, не столь глобальным, но влияющим на жизнь себе подобных. Решающую роль здесь играло желание существа, его сознательный или неосознанный выбор мира, в котором оно будет обитать: мир больших вещей или мир маленьких, никчемных и ничтожных вещичек и вещей.

Когда-то давно Искандер выбрал первое. Он твердо решил, что будет значимой, а может быть даже могучей и уникальной личностью. Однако каждая его попытка прорваться в большой мир проваливалась. Отчасти это происходило из-за того, что пути, которые он выбирал для реализации

своей мечты, рано или поздно оказывались ошибочными, а инструменты, призванные способствовать достижению цели — бесполезными.

Все то, чего Искандер смог достичь в мире крылатых, казалось ему ненастоящим, суррогатным. Образование — гарант высокого социального положения — претило ненужностью своей специализации. Служба в вооруженных силах как возможность выполнить почетную миссию, возложенную обществом, отвращала приторным пафосом. Работа, заявленная как нечто важное и ответственное, в реальности оказалась банальной рутинной и мышиной возней.

С годами Искандер разочаровался в мире крылатых и все больше времени стал проводить среди людей, мир которых казался ему более подходящим для воплощения своих идей. Затея, изначально воспринятая им как пустая забава, все больше затягивала Искандера. Вот-вот, и он сделает нечто значительное, такое, что перевернет представления его обитателей.

Но и тут ему постоянно что-то мешало. К сожалению, он пока не мог понять, что именно, но не оставлял попыток постигнуть это.

Закончив с обедом, Искандер оделся и покинул кафе. На крыльце он остановился и принялся шарить по карманам в поисках сигарет. Однако вместо ожидаемой пачки он извлек оттуда смятую бумажку. Рассмотрев ее, Искандер понял, что это лотерейный билет.

«Откуда же он взялся?» — задумался он. Ведь за ним никогда не водилось пристрастие к азартным розыгрышам. В глубине души возникли неприятные подозрения.

Прямо напротив, через дорогу, виднелся киоск с приветственной разноцветной надписью «Лото».

«Ничего не поделаешь, придется проверять», — обреченно решил Искандер, двинувшись к пешеходному переходу.

Он почти не удивился, когда нашел серию и номер своего билета напротив суммы с семью нулями.

«Черт возьми! — думал Искандер, стараясь не выдавать нервную дрожь. — Проклятый Ино, агент-прохвост, бездарный продажник! Он готов гнуть свою линию, даже если это выглядит грубо. Ну что за нелепица, что за дилетантство! Как будто я такой дурак и не раскрою его замысла!»

— Что-нибудь выиграли? — спросила пожилая продавщица, показывая лицо в маленькое окошко.

— Что? — спохватился Искандер. — Хм... Да. Пожалуй, что да. Хотя... Нет, ничего особенного.

Продавщица недоуменно посмотрела на отходящего от киоска молодого человека и вернулась к своим делам.

Получить выигрыш было заманчивой перспективой. Это давало возможность сделать что-то по-настоящему большое, значимое. Мир людей был устроен таким образом, что деньги решали если не все, то многое. На сорванный джек-пот Искандер мог организовать дорогостоящий проект, например...

«Построить мост через реку, — неожиданно для себя подумал он, но тут же отогнал от себя эту идею. — Что за чушь? Какой еще, к черту, мост?»

С другой стороны, использовать подкинутые деньги означало принять поблажку Ино как должное, а значит — поступиться своими принципами. Ведь в игре все должны иметь одинаковые условия. Искандер представил себя в образе большого ребенка, который всеми силами добивается того, чтобы ему подыграли, но при этом не показывает вида, что хочет этого. Образ ему не понравился.

«Нет, так не годится», — решил Искандер.

Он медленно разорвал лотерейный билет и выкинул обрывки в стоящую рядом с киоском урну.

IV

По телевизору показывали сюжет про Эдуарда Чанова. Этот известный на весь мир спортсмен с детства был многим обделен: имел ряд врожденных заболеваний, воспитывался в детском доме, позже пережил безвременную трагическую гибель любимой жены. Однако стойкий сибиряк не сдался под ударами судьбы, целеустремленно следовал выбранной дорогой и в итоге добился всех возможных наград и всеобщего признания. На вопрос корреспондента «Счастливы ли вы?» Чанов утвердительно кивнул головой и углубился в пространные объяснения.

Искандер, задрав голову, смотрел на экран и чувствовал, что завидует знаменитому спортсмену.

«Как это здорово, — думал он, — несмотря на все невзгоды, идти к намеченной цели, добиваться того, что по-настоящему важно для тебя. — Вместе с тем, в глубине души росла уверенность: — У меня тоже так получится. Я обязательно дойду до конца. Ничто не в силах мне помешать».

Искандер настолько увлекся познавательной передачей, что забыл, где находится в данный момент. Если бы не громкий шум в дальнем конце магазина, то, вероятно, он бы еще долго стоял перед холодильником с прохладительными напитками, над которым висел телевизор.

Искандер оторвал взгляд от экрана и прошел за стеллажи, туда, откуда исходил неприятный шум.

«Ну вот, — подумал он, — опять».

Возле кассы стоял человек в черной куртке, в руках у него был пистолет, который он направил на продавщицу. Кассир — молодая девушка в красном фартучке — подняла руки вверх и с ужасом смотрела на грабителя. Трое посетителей лежали на полу, упершись лицами в пол между прилавком и турникетом. Искандер присмотрелся и узнал в нападавшем своего недавнего знакомого — того самого парня, который отнял у него деньги, телефон и часы.

«Подонки! — Искандера даже затрясло от ярости. — Ты так и не научился жить честно! — В его голове, словно табун бешеных лошадей, мелькали неясные мысли. — Похоже, ты не воспринимаешь этот мир всерьез, для тебя эти люди — всего лишь персонажи игры. Но ведь они так не считают!»

Одновременно с этим появилось желание вмешаться в происходящее и остановить увлекшегося игрока.

«Уж не это ли мой шанс? — Искандер успокоился и взял себя в руки. — Возможность сделать что-то значимое и полезное. Если я смогу отвести угрозу от людей, переключить внимание на себя, то, возможно, спасу их жизни. Даже если мне не повезет, и я пострадаю, ничего страшного не случится. У меня всегда есть возможность завязать с карьерой и вернуться в свой мир».

Где-то в глубине безудержного подсознания возник тщеславный образ: Искандер с широким, почти красивым, шрамом на скуле дает интервью корреспонденту центрального телевидения. Яркий свет слепит глаза, камера направлена прямо на новоиспеченного героя. «Это было нелегко, — говорит Искандер, — но в тот момент я думал только о покупателях, находящихся в магазине. Среди них были дети...» Красивая журналистка с восхищением смотрит на Искандера и хлопает длинными ресницами... Чуть позже он сидит на пресс-конференции, посвященной присуждению государственной награды. Щелкают фотовспышки, сидящий рядом представитель спецслужб нервно потирает руки...

«Вот зараза, — разочарованно подумал Искандер, — почему всегда так происходит? Не ради этого я стараюсь!»

Он оглянулся по сторонам и увидел рядом хоккейную клюшку. Схватив ее, решительно шагнул вперед.

«Соберись! Сейчас или никогда!» — сказал себе Искандер.

Ему удалось ударить грабителя сбоку под ребра. Тот сначала согнулся пополам, но тут же нашел в себе силы вернуться в исходную позу и развернуться в сторону Искандера. Парень в куртке поднял голову и грязно выругался.

— Это опять ты! — узнал он, медленно направляя на Искандера пистолет. — И чего ты вечно мне попадаешься!

От первого удара клюшка сломалась пополам, и теперь в руках Искандера был лишь острый деревянный обрубок. Он бросился на грабителя и сделал своим оружием колющее движение в живот. Видимо, настолько сильно, что куртка соперника порвалась, брызнула кровь.

Оба дерущихся повалились на стеллаж с яркими упаковками, однако грабитель в последний момент поджал по себя ноги и со всей силы лягнул Искандера в грудь. Тот отлетел в сторону и самым позвоночником больно ударился о прилавок.

— Придурок! — заорал грабитель, поднимая руку с зажатым в ней пистолетом. — Ты мне только все портишь!

И выстрелил в голову Искандера.

V

Псевдо оторвался от компьютера и посмотрел на жену.

— Мне это решительно надоело, — совсем без злобы, а как-то грустно сказала она. — Ты опять все прослушал, а я хотела сказать тебе очень важное.

— Извини, — ответил Псевдо, — я уже тут.

— Это уже не имеет значения, — сказала она. — Тебе гораздо интереснее там, в своей виртуальщине, чем со мной. Я не упрекаю тебя, это твой выбор, и ты имеешь право на него.

— Нет, это не так. Это все в прошлом. Я же говорил тебе, что завязываю с игрой.

— Ты не аннулировал контракт, — в ее глазах все еще витала призрачная тень последней надежды.

— Да, но это связано с бюрократической волокитой, это временно, — соврал Псевдо. Для убедительности он протянул руку и прикоснулся к ее ладони.

На самом деле Псевдо просто в очередной раз поддался убеждениям Ино и не смог ему отказать.

Во время происшествия в магазине телесная оболочка очень сильно пострадала: головной мозг получил серьезные повреждения, и организм впал в кому. Ввиду критичности ситуации Ино предлагал Псевдо услуги самых лучших нейрохирургов, но тот, конечно же, отказался.

«Нет смысла спасать то, что мне уже не пригодится», — сказал он агенту и заявил о расторжении контракта. Однако Ино не был бы собой, если бы не смог выкрутиться из этой ситуации. Он превознес поступок Псевдо в его глазах, чем невероятно польстил самолюбию игрока-идеалиста.

Следует заметить, что поступок и в самом деле был героический. Замысел Псевдо удался: никто из присутствовавших в магазине не пострадал, а злоумышленник был схвачен. Кроме суда в мире людей, грабителю предстояли длительные и неприятные разбирательства в конторе Ино: по словам агента, клиент нарушил некие правила игры, за что ему грозили штрафные санкции.

Ино от имени компании поблагодарил Псевдо за то, что его действия помогли вскрыть темные делишки нечестного игрока. Ввиду этого, Псевдо, кстати, полагались дополнительные скидки и еще какие-то бонусы.

Купившись на слова агента, Псевдо в сотый раз пообещал подумать над продолжением карьеры в мире людей и взял бессрочный тайм-аут. По их совместному замыслу, Искандер будет находиться в состоянии комы еще какое-то время, до тех пор, пока Псевдо не определится со своими желаниями. Подобное решение устраивало, казалось, всех, за исключением жены Псевдо, которая увидела в этом лишь отсрочку, но не намерения мужа завязать с игрой.

— Вот увидишь, в ближайшие дни я навещу своего агента и разорву контракт, — добавил Псевдо, стараясь выглядеть искренним.

По всей видимости, у него получилось не самым лучшим образом, потому что жена опустила глаза вниз и замолчала на полминуты. Когда она заговорила вновь, Псевдо понял, что ее последняя надежда умерла:

— Ты слишком увлекся игрой и забыл о реальности. Я долго думала, сомневалась, но теперь твердо решила: мы расстаемся. Я уйду от тебя.

Она подняла глаза и встретилась с мужем взглядом, в котором тот прочитал неумолимую уверенность.

— Прости, — сказала она.

VI

Ино был обескуражен:

— Вы хотите вернуться? — он сделал эффектную драматическую паузу, во время которой на его лице сменилось несколько выражений: от простого удивления до крайней озабоченности: — Скажу честно, я не ожидал от вас такого решения.

— Да, — кивнул Псевдо. — Хочу.

— Но почему?

— Не знаю. Наверно, мне опять стало скучно в этом мире.

— Вы так переживали за отношения со своей супругой... — продолжал актерскую игру агент.

— Мы развелись, — отрезал Псевдо.

— Ах, вот оно что, — Ино изобразил сочувствие. — Мне очень жаль.

Поняв допущенную ошибку, великолепный агент попытался обернуть разговор в выгодном для клиента свете:

— Да, семейное счастье — это важно, — осторожно начал он, — но это не главное в жизни. Есть множество других, не менее важных дел. Например, самореализация. Скажем, карьера политика. Что вы на это скажете? — Ино испытующе посмотрел на Псевдо.

— Да, — согласился тот. — Неплохо.

Увидев реакцию посетителя, клиентоориентированный агент развил мысль:

— Значит, вы хотите стать кем-то значимым? Знаменитым? Может быть, актером? Знаете, после той заварушки вокруг имени вашего персонажа поднялась такая шумиха! Организован благотворительный фонд, который занимается сбором средств на операцию. На телевидении вышло несколько передач, посвященных героическому поступку. Григорчук — есть такой известный режиссер — хочет снять фильм об Искандере... то есть — о вас. Знаете ли, в их мире подобные истории пользуются большой популярностью, — рассмеялся Ино.

Псевдо заслушался речью агента, потом спохватился и сказал:

— Это все хорошо, но вы же помните мои условия...

— Да-да-да, — подтвердил Ино, поджал губы и поднял ладони вверх, демонстрируя таким образом свое понимание и одобрение: — Разумеется, никаких поблажек, вы хотите добиться всего своими силами.

— Именно! Повторюсь, это имеет для меня решающее значение.

— Да, конечно, — согласился Ино и задумался. — Но вот что меня беспокоит сейчас больше: не передумаете ли вы в этот раз? Насколько серьезны ваши намерения продолжать игру?

— Насчет этого не переживайте. Не передумаю, — уверил его Псевдо, но агент сразу понял: передумает. Как пить дать, передумает. Чертов размазня, при первой же трудности прискачет и будет ныть, канючить и выпрашивать разрешения расторгнуть контракт.

— Как знать, — неуверенно протянул Ино.

«Как же мне себя обезопасить? — думал он. — Как уберечь его от метаний в следующий раз?»

— Вот еще что я хотел бы у вас попросить... — начал Псевдо, но, увидев замешательство собеседника, остановился на полуслове.

— Да-да, я весь внимание.

— Я хотел бы сильнее вжиться в своего персонажа, более полноценно чувствовать его жизнь. Понимаете?

— Да, — задумчиво произнес Ино. — Понимаю. Эффект полного погружения. Вы полностью переселяетесь в мир людей, как бы залезаете под кожу этого человека.

— Вроде того. Это возможно?

— Вполне. А вы не боитесь?

— Нет, отчего же? Просто дело в том, что я некоторым образом в ответе за него и за то, что с ним происходит. Именно поэтому я хочу прочувствовать все то, что он переживает.

— Я вас понял, — сказал агент, все также пребывая в своих мыслях. — Уверен, мы сможем вам это обеспечить, — Ино вышел из состояния задумчивости и беззаботно улыбнулся. — Вернемся к делу. Ваш персонаж все еще в коме, ему предстоит перенести несколько операций на головном мозге.

Псевдо смиренно кивнул.

— Возможно, вы захотите вернуться в его оболочку уже сейчас, дабы, так сказать, прочувствовать момент?

— Да, пожалуй, — согласился Псевдо после непродолжительных размышлений.

— Отлично! — в голове агента все четче вырисовывался план действий. — Ценю вашу ответственность и серьезное отношение. Насчет операции не переживайте: нейрохирург из клиники, где находится Искандер, знаком мне лично, он тоже клиент нашей компании. — Ино вспомнил врача, о котором шла речь, и недобро улыбнулся. — Он безупречно прооперирует вашего персонажа. Сделает, как говорится, все в лучшем виде. Надеюсь, хотя бы эту помощь вы не откажетесь принять?

— Хорошо, но только эту.

— Да-да, — почти пропел Ино, — и только эту!

Дело за малым, — подумал он. — Необходимо лишь напомнить хирургу, какие части мозга отвечают за память.

— Мне кажется, я понял, что вам нужно.

VII

Поклонницы покинули комнату, и Искандер остался один. Он взглянул в зеркало, настроился на деловой лад. Времени до начала церемонии вручения главного приза кинофестиваля оставалось совсем немного, и ему нужно было подготовиться.

Искандер не мог сосредоточиться на тексте речи, которую предстояло произнести перед публикой. Сначала ему помешали две фанатки, пробравшиеся в гримерку. Они долго выражали свое восхищение великим актером, но затем, получив автографы, все-таки оставили его в покое.

Потом никак не получалось заучить вступление. Поразмыслив, Искандер понял, что его смущает формулировка «Когда я был молодым, то не предполагал, что счастье свалится на меня вот так, неожиданно...». На его взгляд, слова были слишком высокопарны и фальшивы.

Во-первых, он совсем не помнил себя молодым. Виной тому была глубокая ретроградная амнезия, постигшая его несколько лет назад. Во-вторых, успех пришел к нему не внезапно. Искандер добивался его годами, много работал в этом направлении. Кровью и потом достался ему успех.

Временами Искандеру казалось, что судьба таким образом расплачивается за лишения, которые сопровождали его всю жизнь: тот случай в магазине, когда он обезвредил опасного преступника, травмы, полученные при этом, амнезия... словно бы фортуна подвергала испытаниям с целью посмотреть, что из этого получится, а потом, удовлетворившись результатом, наградила за стойкость духа: стремительный взлет, головокружительная карьера, счастливый брак, любовь и всеобщее признание...

Искандер, безусловно, заслужил это. И пусть недоброжелатели говорят, что судьба слишком благосклонна к нему, что ему часто улыбается просто фантастическая удача — он точно знает, что всего добился сам. Ну, а счастливый случай — это просто стечение обстоятельств, всем иногда везет.

Искандер прорвался в мир больших вещей. И сделал это сам, несмотря на то, что кто-то думает иначе.

Об авторе

Родился в 1980 году в г. Благовещенск БАССР (ныне — Республика Башкортостан). Закончил Башгосагроуниверситет, по диплому — инженер лесного и лесопаркового хозяйства. Проживает в Уфе. Работает системным администратором в межрегиональном интернет-провайдере.

Писательством увлекался с самых ранних лет, но более осмысленно и профессионально занялся в 2011 году. Любимые писатели и творческие ориентиры: братья Стругацкие, пытается держаться русла старой доброй научной фантастики. Публиковался в местной и центральной периодике: «Искатель» (Москва), «Машины и Механизмы» (С.-Петербург), «Литературное агентство Уральского следопыта» (Екатеринбург).

Елена Сафронова

Твори, выдумывай, пробуй!

повесть

* * *

— Презирать людей за их слабости — все равно, что плевать против ветра, — витийствовал модный писатель Роберт Гриф в ресторане, где приятнейшим образом завершалась презентация его новой книги «Мыло». Сама-то презентация, многолюдная, как кровавая Ходынская церемония, проходила в Доме Художника на Крымском валу, и доставила Грифу массу сладких ощущений — он, будто в энергетической ванне, искупался в восхищенных взглядах, хвалебных речах, признаниях в любви (в том числе и плотской, питаемой к любимому автору как к мужчине своей мечты) и рукоплесканиях. Но толпа, даже самая благожелательная к тебе, все же утомляет, — и вот, благополучно закончив мероприятие, распродав с автографами среднюю домашнюю библиотеку российского обывателя и испив до легкой изжоги чашу всеобщего преклонения, Роберт Гриф отправился в ресторан, название коего держалось в строгом секрете. С женой, издателем, представителем книготорговой сети и близкими друзьями, перед которыми можно было расслабиться, перестать на время корезить из себя демоническую личность Роберта Грифа, а побыть хоть чуть-чуть Романом Малиновкиным. Как в паспорте записано. А еще милее — почувствовать себя мальчиком Ромой. Одно время Гриф мечтал поменять паспорт и украсить его своим чеканным псевдонимом. Дело бы выгорело, так велика была его писательская популярность в обществе, в том числе и у работников паспортно-визовой службы, но воспротивилась — кто бы мог подумать! — старая мама, гордившаяся фамилией Малиновкина, будто она была Трубецкая. Рома послушался маму, и вдруг, спустя еще лет семь шального успеха и прогрессирующего обожания, понял, как старушка была права. В теплую, уютную личину Ромы Малиновкина, домашнего воспитанного ребенка, было так здорово «заныривать» временами, точно улитке в домик, отдыхая от inferнального Роберта Грифа, набираясь сил для своих новых романов.

Но сегодня в шкуру модного писателя, чародея, чей волшебный талант, возможно, был происхождения мефистофельского, растроганного Рому Малиновкина все время возвращала одна из участниц узкого застолья.

Совершенно левая девица, очередная жертва душевного Роминого приятеля Пашки Сизова. Ветреный красавчик Пашка приводил в компанию приблизительно по девчонке раз в два месяца. Вопреки распространенному мнению, что мужчина, даже завязтый ходок, предпочитает один женский тип, Пашка устраивал такой калейдоскоп девичьих фигур, причесок, манер и стилей поведения, что тесный круг давно и безнадежно женатых товарищей исходил потайной завистью и смаковал под языком слово «свобода», употребляя его в самом запретном смысле. Неизменным было лишь одно — все Пашкины девицы слегка опережали интеллектом волнистого попугайчика, и про них его приятели снисходительно отзывались: «Прелесть, какая дурочка!». Всего один раз Пашка, не разобравшись, нарвался на несостоявшегося кандидата наук, и та испортила ближнему кругу славный вечер в ресторане, читая лекции по политологии — как она видела сию науку. Ей вердикт вынесли единодушно: «Жуть, какая дура!» — и случай Пашкиной промашки постарались забыть, как страшный сон.

Сегодняшняя пассия Сизова была прекрасна с виду — Пашка похвалился другу, что нарочно искал совершенный экземпляр для появления с ним на презентации, — но загадочна внутренним миром. На первый взгляд, обычная осветленная златовласка, досконально знающая все законы гламурной тусовки, правильно одетая и в меру налитанная банальной эрудицией, оказалась пугающе привязчива — и уже второй час посиделок в ресторане мучила героя дня вопросами, по сути, бесконечной вереницей вариаций одного и того же: «Как вы можете писать такую гадость?!».

Постепенно девушка Дашенька смертельно надоела компании. Она уже успела пять раз поведать, как ее затошнило посередине презентации, когда стали показывать слайды, и как она сбежала в туалет, но заблудилась в коридорах ЦДХ, и как вызвала своего кавалера навстречу себе по мобильнику, и как они сидели в коридоре, дожидаясь, пока прекратят демонстрацию «мрачных слайдов, реального трэша»... Никто не мог понять, она пробитая моралистка, или прикидывается таковой, или просто дура истероидного типа, которой жизни нет без привлечения к себе внимания. На осторожные «прощупывающие» вопросы Дашенька не отвечала, а с удвоенной энергией кидалась на Роберта Грифа (ее никто специально не предупредил, что Роберт — на самом деле Роман):

— Роберт, нет, ну вы скажите!.. Ну вы скажите, почему вы так страшно пишете! Роберт, это же улет реальный, это хуже грибов — то, что вы показали!.. Зачем оно вам?

Что Роберт Гриф преподнес доверчивой восторженной публике — о том следует сказать особо. Роман с лапидарным названием «Мыло» был очередным в цикле «Субстанции жизни», где уже фигурировали гордо «Плесень», «Жиры», «Сыры», «Молоко», «Сыворотка» и сборник коротких новелл «Антибиотики». Естественно, эти названия не следовало трактовать буквально. Разве что «Плесень», повествующая о буднях внутри sklepa, более или менее прочитывалась по названию, а все прочие темы и сюжеты, интересующие Роберта Грифа, к гастрономии имели отношение примерно такое же, как несвежий продукт, невзначай проглоченный в кафе — к нормальному пищеварению; проще говоря, скорее рвотное. Антология деталь-

но рассмотренных и увлеченно живописанных Грифом мерзостей жизни близилась к концу, и «Мыло» стало ее достойным завершением. Кстати, Роберт Гриф опять позволил себе, как и в первом романе, говорящее заглавие. Речь в книге шла о трудностях однополых секса, сложностях педофилии, неурядицах скотоложства и, если можно так выразиться, птицеложства, а мыло играло важнейшую роль в преодолении этих препон. Слайды же, изготовленные по специальному заказу, иллюстрировали все процессы, затронутые Грифом, в подробностях. Гриф втайне очень гордился этими слайдами, художнику долго жал руку и отвалил нехилый гонорар. Публика стонала от счастья приобщиться к таким более чем интимным, к таким тщательно скрываемым тягам отдельных представителей человечества. Многие зрители — обоего пола! — высказывали Грифу благодарность за то, что он не побоялся выставить такую любовь на всеобщее обозрение, а то, мол, они бы из ложной скромности, граничащей с ханжеством, и не узнали бы самого сокровенного...

Гриф был доволен единодушием аудитории (хотя и тщательно скрывал свое удовольствие под нахмуренным вечно, согласно имиджу, челом). В бурлящем котле положительных эмоций он не уловил ни одного голоса «против». И вот вам пожалуйста! Какая-то блондинка, оказывается, выскочила из зала, потому что ее замутило!.. Могла бы испортить презентацию! Вот ведь дура! И Пашка хорош со своим гаремом! Не успел, что ли, предупредить свою красотку, на какое мероприятие они идут?.. Друзья и их интересы должны быть на первом месте, девушки — потом. А теперь выяснилось, что Пашка, из-за слабых нервов и желудка своей спутницы, пропустил самую интересную часть презентации, слайды до конца не просмотрел...

Впрочем, решил писатель, это поправимо: через месяц-полтора (если не раньше!) Дашенька утомит Пашку, а в промежутке между нею и какой-нибудь брюнеткой, шатенкой или даже бритоголовой Рома пригласит друга домой одного и покажет ему все слайды тет-а-тет на своем домашнем кино-театре. Роберт Гриф негодовал, потому что в его стадо прокралась — с помощью лучшего друга! — паршивая овца, а мягкосердечный Рома Малиновкин искал оправдания любвеобильному Пашке и даже чувствительной Дашеньке. Именно «Ромина» ипостась писателя побуждала его вести сейчас затяжную разъяснительную беседу, адресованную непробиваемой Дашеньке — но делать это приходилось под маской Грифа, для солидности. Его, впрочем, радовало, что, кроме Дашеньки, у него был целый стол благодарных слушателей, и речь его не пропала бы втуне.

— Ну что вы, милая Дашенька, — самую чуточку свысока, как и положено маститому писателю, вещал Гриф, — то, что мы показывали на презентации, вовсе не страшно. Это как раз те маленькие слабости людей, о которых мы уже говорили. Понимаете, есть люди, предпочитающие во всем традиционализм, в том числе и в этой сфере — мы же не ханжи, Дашенька, мы же понимаем, что все люди делают это, верно? Другой вопрос, как они это делают и с какими партнерами. Но если человеку нравится делать это, допустим, с козой, то мы, хоть и не разделяем его убеждений, неужели имеем право дискриминировать его по этому признаку? Нет, конечно, он

такой же, как мы, и даже немного более интересный, потому что в его жизни есть яркие страницы, которых мы с вами, дорогая Дашенька, лишены. Так почему бы не удовлетворить любопытство тех, кто хочет «проследить» за этим процессом, не принимая в нем непосредственного участия? Это — прямая задача писателя — показать читателю то, что он без нас, писателей, никогда бы не узнал. А более всего люди хотят узнать, уж поверьте моему опыту, дорогая Дашенька, о тайнах своих близких, о деталях их частной жизни. Это маленькая слабость большей части человечества! И опять же — можем ли мы презирать их, отталкивать их за то лишь, что они обладают такой слабостью — любопытством? А может быть, это уже не любопытство, а его следующий уровень — сопереживание, сочувствие?.. Может быть, мой читатель хочет мысленно перевоплотиться в человека, одержимого слабостью... ну, допустим, к маленьким мальчикам... или к трупам... зачем же мне, большому, без ложной скромности писа...

— Роберт, меня опять затоснило, как только вы сказали про трупы! — перебила Дашенька безо всякого пиетета. Она и правда стала блесая с лица, у нее даже глаза выцвели. Все, сидевшие за столом, переглянулись. Пашка надулся и завозился на месте, стараясь побыстрее запихнуть в рот все, что лежало перед ним на тарелке. Он чувствовал, что пора уводить свою безмозглую подружку, пока она не оскандалила вконец такое благостное поначалу застолье.

— Попросите у официанта воды с лимоном, помогает от тошноты, — тихо и неприязненно посоветовала супруга Грифа, заранее не любящая всех Пашкиных девиц, оказывающихся в непосредственной близости от ее мужа.

— Да нет, у меня прошло, — порадовала пирующих Дашенька. — Просто если Роберт опять что-нибудь такое скажет, меня опять может... ну, ладно. Я еще что хотела спросить: у вас же не только это в книгах. Ну.. вы поняли... секс... нетрадиционный... У вас же разные ужасы! Вообще полный трэш! Я одну вашу книгу в туалете так и читала, — так-так, удивился Гриф, значит, барышня обо мне и наслышана, и начитана, так что же она юродствует? — Все боялась, что завтрак наружу выйдет...

— Даша, эти подробности можете оставить при себе, — еще суше обронила жена Грифа Виолетта.

— Но почему? — безмерно удивилась девушка. — Я же правду говорю, у меня была такая реакция. А какая она могла быть, если в книге «Сыры» вы пишете, как трупы едят, а в «Молоке» — это самое... ну, какашки... простите, — после краткой паузы добавила она, и Виолетту перекошило. — А про «Антибиотики» — вообще страшно! Как вы там с людьми обращаетесь? Кого режут, кого жарят, кого воздухом накачивают, кого водой... Зачем вы про это пишете? Как вам самому не противно и не страшно?

— Дашенька, — с величайшим терпением заговорил Гриф, внутренне скрежеща зубами и представляя себе белокурую овцу прототипом героини будущего романа, к которой будет применен комплекс мер, так напугавших читательницу. — Мне не противно и не страшно. Это моя работа. Я выполняю свой писательский долг. Удовлетворяю интересы своих читателей, которым иногда нужна добрая порция адреналинчика. Понимаете? Нервная

встряска, шок, из которого мой читатель выйдет обновленным, свежим, ободренным! Ведь какой основной бич цивилизованного общества? Скука, Дашенька! Скука! Благополучные люди, лишенные тягот борьбы за существование, за выживание, либо, наоборот, люди небогатые, устающие от своей каждодневной рутины — все они внутренне очень сильно скучают. Им хочется изменить свою жизнь. Лучше, конечно, в реальности. Но не всегда и не все это могут себе позволить. Тогда остается что? — художественные средства имитации изменения мира. Представьте себе, как работа приходит домой, он устал, он вымотан физически, у него пустота в голове, ему ничего не хочется... кроме как развеяться, отдохнуть. И он открывает мой томик. И там его ждет такой заряд адреналина, он так пугается, читая мои строки...

— Ах, значит, он пугается! Ну вот! А зачем вы его пугаете?

— В благих целях, Дашенька. В благотворительных целях, если хотите. Он же пугается не в самом деле, а понарошку! Ему ничто не угрожает, он жив, здоров, завтра пойдет на работу... Но его испуг... а у кого-то это не испуг, а откровение, или удивление, или просто радость, что он узнал такие интересные вещи... будто подсмотрел в замочную скважину... Дашенька, люди это просто обожают — подглядывать за ближними, и фигурально, и буквально! — вот эта радость останется при нем и на следующий день, и после... И я этим фактом горжусь! А вы говорите — страшно, противно. Мне приятно и лестно, что я отвлекаю людей от повседневности!

— Не может быть, — скуksилась Дашенька. — Вы не можете это всерьез говорить! Вы пишете очень страшные вещи. Или противные. Я не верю, что они помогают людям отвлекаться. Или развлекаться.

— Вы можете, конечно, не верить, Дашенька, но вы сами видели, сколько народу было на моей презентации, сколько книг читатели у меня купили, слышали, сколько хороших слов они мне сказали... Поэтому вы, кажется, здорово ошибаетесь, подменяя своим мнением мнение всех читателей...

— Но ведь...

— Ну, хватит, — нервно сказал дожевавший Пашка. — Нам пора, Дарья. Пойдем отсюда! Роман, спасибо за приглашение! Вечер был прекрасный, а ужин — выше всяких похвал.

— Спасибо, что принял мое приглашение, — со всем отпущенным ему Господом сарказмом отвечивал Гриф. Пашка уловил сарказм и засопел.

— А кто это — Роман? — изумленно спросила Дашенька. Пашка схватил ее за руку и поволок из-за стола, как нашкодившего ребенка.

— Пойдем! Я устал и хочу спать! Пойдем, дома я тебе все объясню!

— А вызвать такси? — вяло противилась деморализованная изумлением Дашенька.

— У ресторана возьмем, их там много. Или поймаем. Пошли!

— Совершенно невоспитанная девица! Просто тундра! — сказала Виолетта, потрудившись, чтобы дверь отдельного кабинета за парочкой не успела закрыться, а то вдруг до Даши не долетит ее оценка.

— Вот тебе и непосредственный читатель, Рома! — затрясся от смеха представитель книготорговой сети.

— К счастью, у нас таких, с Урала, читателей немного, — урезонил его издатель. — Рома, ты не вздумай слушать эту дуру. Ты на правильном пути! Когда девять лет назад я тебе советовал идти наперекор замшелой общественной нравственности, я и помыслить не мог, что ты это сделаешь так бойко и так талантливо! И так психологически верно! Так держать, Рома! Цикл про субстанции жизни ты завершил, теперь что у нас на очереди? Когда новый контракт подпишем?

— Иван, явно не сегодня, — вяло отмахнулся Роберт Гриф. — Заеду к тебе на днях на работу. Все и обсудим. Дай мне маленькие каникулы...

— Все, все, понял! Сдаюсь! — поднял руки директор издательства. — Отдыхай! Ты заслужил каникулы! Но — недолгие, слышишь, Рома? Публика на тебе сидит, как на игле, не могу же я без дозы ее оставить? — и сам загоготал, как двумя минутами раньше распространитель.

Так, с шутками и прибаутками, завершился вечер в ресторане, и дорогие Грифу (во всех смыслах) гости разъехались по домам, кто вызывал такси, кто личного шофера.

* * *

Чета Малиновкиных прибыла в свой комфортабельный дом с видом на Москва-реку, где с недавних пор занимала весь пентхаус, глубокой ночью. Естественно, в домах такого класса консьержки ночами не спят. Не была исключением и пожилая деятельная Марья Алексеевна, — она не только поздоровалась со звездой отечественного трэша из своей каморки, но и выкатилась к нему навстречу с видом таинственным и возбужденным:

— Здравствуйте, Роман Львович! Ну, как презентация? Успешно?

— Да, конечно, — расслабленно обронил Гриф, одновременно шаря рукой в кожаном рюкзаке, своей элегантной прихоти. — Я оставил вам книгу, Марья Алексеевна... сейчас, сейчас...

— Да что вы?! — расцвела пожилая дама. — Боже, как любезно с вашей стороны! Я не смела и просить!.. Но, знаете, так мечтала об этом! У меня ведь все ваши романы есть... последнего... ой, что я говорю? — крайнего только не доставало! Такое счастье!

— Пожа-алуйста, — еще более томно протянул Гриф, подставляя к дрожащим от нетерпения рукам томик. — Автограф на фронтисписе...

— Ой, с автографом?! Это бесценный подарок, Роман Львович, бесценный! Она, наверное, очень дорогая? Давайте, я заплачу вам...

— Как можно, вы нам так помогаете... Берите, берите! Простите, Марья Алексеевна, я все-таки устал, мы пойдем, до завтра!

— Минуточку, Роман Львович! — спохватилась консьержка. — Пока не ушли. Вам сегодня принесли конверт. Просили передать лично в руки. Вот он!

Конверт был — как конверт, разве что крупноватый, формата А4. На месте марки красовалось стилизованное изображение крупной хищной птицы в полете, на месте адреса отправителя стояло непонятное «Общественный фонд “Твори, выдумывай, пробуй!”», а на месте адреса

получателя — невозможно красиво вырисованное имя «Роберту Грифу» и ниже столь же каллиграфическая приписка «С почтением». Внутри угадывалась не толстая, но плотная бумага. Грифу мельком бросилось в глаза, что конверт был тщательно заклеен.

— А кто принес письмо? — с подозрением спросила Виолетта.

— Курьер. Очень приятный молодой человек, собранный, аккуратный, почтительный. Не пошел шарить по этажам, сразу ко мне обратился. Ноги долго вытирал, — чистота в подъезде была пунктиком Марьи Алексеевны. — И очень просил передать вам лично, в собственные руки. Я советовала в ящик бросить, говорила, что у нас приличный дом, ящики не взламывают, но он сказал, что в руки — надежнее и достойнее вас. Вот как! — с гордостью закончила вестница.

— Вот как, — откликнулся и Гриф, но с другой интонацией — с чувством глубокого удовлетворения. — Действительно, очень приятный курьер. Наверное, работник этого фонда. Обычно курьеры из службы доставки наглые, хамоватые...

— Да уж, и грязь носят вечно, не успеваешь пол протирать, — поддакнула Марья Алексеевна.

Дом Гриф осторожно взрезал конверт специальным ножичком для писем, изготовленным под дамасский кинжал, — подарком того же злодея Пашки, который сегодня так отличился, на минувший день рождения. Из конверта выпала одинарная открытка почти такого же размера. На ней были по углам все те же реквизиты — птица, в которой Гриф по некотором размышлении опознал кондора, название фонда «Твори, выдумывай, пробуй!», а посередине следующий текст:

«Глубокоуважаемый господин Роберт Гриф!

Благоволите принять скромное приглашение почитателей Вашего таланта на небольшую тематическую вечеринку, посвященную Вашему творчеству и Вашим успехам!

Наш Фонд «Твори, выдумывай, пробуй!» хотел бы поздравить Вас с выходом очередной книги.

По ряду причин встречу удобнее проводить на территории Фонда. Надеемся, что, познакомившись с представлением, которое мы приготовили специально для Вас, Вы простите невольную настойчивость нашего приглашения по адресу... (адрес был очень респектабельный) ... числа (имелось в виду завтра, то есть уже сегодня) в ... часов (время было самое подходящее для вечерних развлечений).

Вечеринка закрытая. Никто и ничто не потревожит Вашего отдыха.

Ожидается узкий круг ВИП-персон. Приносим извинения за то, что дамы не приглашаются.

Форма одежды вечерняя.

Почтем за честь предложить Вам наш транспорт, который доставит Вас в Фонд и обратно по окончании всех мероприятий.

Завтра, ... числа, в ... часов, Вас у подъезда ждет лимузин «Lincoln».

С неизменным уважением Президент Фонда (закорючка)».

— Слушай, почему я о них не слышал? — недоуменно сказал Роберт Гриф жене. — Вроде, контора серьезная. Ты смотри, как выражаются, а,

собаки!.. «Благоволите», «почтем за честь»... несовременно и очень красиво. Лестно получить такое приглашение!..

— Ты бы справки навел, прежде чем туда ехать, — скептически ответила Виолетта. — Может, мошенники какие, может, вообще прощелыги. Или, может, кто-то издательство новое открыл и хочет тебя от Ивана переманить... Мне, например, уже то не нравится, что жен не приглашают. Это неприлично, если хочешь знать! Небось, обычная пьянка с девицами намечается... мальчишник... Ты мне смотри!

— Веточка моя! — засмеялся польщенный Роберт Гриф. — Как мне нравится, когда ты ревнуешь! Не волнуйся, дорогая, мне никто не нужен, только ты! И вся культурная Москва об этом знает и завидует нашему гармоничному браку!

— Но ты мне смотри там! — с подспудной угрозой повторила Виолетта. Но, поскольку весь ее пыл сегодня был растрочен на ненависть к Дашеньке, она не придумала с ходу, как еще приручить гениального мужа, и, махнув рукой, прошествовала в спальню, где приходящая домработница с вечера постелила постель. Супруги Малиновкины с ног валились от впечатлений, бремени славы и самую малость — от сытно-пьяного ужина.

* * *

Назавтра к указанному времени Гриф выглядел так прекрасно, что не мог отойти от зеркала. Уложенная парикмахером богатая шевелюра, надутые усики и лиловый смокинг в талию. Гриф соригинальничал с цветом вечернего туалета, разумеется, намеренно и просто улетал от немудрящей шутки, связанной с ним. Любил всеми способами навести разговор на цвет его облачения, и, вызвав вопрос или, по крайней мере, всеобщее внимание, торжественно пояснить, что в средневековой Италии цветом траура был лиловый, и знатым мертвецам нарочно изготавливали одеяния этого цвета, а иные потенциальные покойники заранее шили себе роскошный погребальный наряд в лиловой гамме...

Для Грифа это высказывание было так себе, невинным, но почему-то публика от него спадала с лица с завидной регулярностью — вот писатель и полюбил пускать его в ход. Он, чтобы не терять даром времени, стал оттачивать фразы, которыми наведет сегодняшнее незнакомое собрание на свой любимый прикол... и так увлекся, что едва не пропустил звонок мобильного. Номер на нем не определился, но Гриф снисходительно и даже польщенно хмыкнул, верно истолковав скрытый номер как принадлежность его владельца к кругам безусловно привилегированным. Невероятно благопристойный бас из трубки доложил, что транспорт для господина Грифа подан — лимузин «Lincoln», стоит прямо у подъезда, номер такой-то. Номер у автомобиля сообщил Грифу ту же информацию, что и номер — вернее, отсутствие последнего — у мобильного. Гриф расплылся в улыбке, подумав, что лишь сегодня, лишь сейчас по-настоящему взойшла его звезда.

Несмотря на то, что лимузин «Lincoln» во дворе Грифа был один, и на то, что он стоял прямо напротив подъезда, и на то, что Гриф не страдал ни рассеянным склерозом, ни топографическим кретинизмом, ни куриной слепотой, лишь только писатель появился из подъезда и шагнул в дивный, опаловый августовский вечер, ему роскошная черная машина длиной с трамвай мигнула фарами. Затем из нее выскочил шофер и открыл перед Грифом заднюю дверцу, одновременно протянув руку за кожаным рюкзаком — естественно, любимая торба Грифа совершенно не подходила к смокингу, но должен же он был куда-то сложить подарочные экземпляры новой книги!.. А водитель, как мило, моментально оценил туалет Грифа и забрал у него ношу, сбивающую стиль. Все это безгранично понравилось Грифу.

Как и то, что по приезде шофер взял рюкзак Грифа и сам понес его.

Хотя идти было от машины вовсе недалеко — пересечь узкий тротуар замоскворецкой улицы и войти в особнячок, от крыльца которого открывался идиллический вид на плавное течение главной реки страны. Снаружи особняк выглядел просто великолепно приведенным в порядок памятником архитектуры начала XIX столетия...

...зато внутри, куда Грифа пропустил швейцар в униформе, напоминающей вечерний костюм джентльмена, почтительно и вместе с тем достойно поклонившийся ему, обстановка оказалась такой, что Гриф внутренне ахнул. Роскошью его давно уже было не удивить. Но тут была не просто роскошь. Тут была убедительная имитация средневековья. Правда, средневековья, вряд ли имевшего отношение к конкретной стране либо эпохе. Скорее, условного, декорации к историческому сериалу с солидным бюджетом — либо, возможно, постановки какой-либо пьесы Шекспира в богатом провинциальном театре, руководствующемуся штампами о том, как должен выглядеть тронный зал и смежные помещения. И еще, на вкус Грифа, внутри было слишком много портьер и гобеленов. Даже обои гобеленовые, впрочем, эффектные...

На лестнице, идущей широким винтом, Грифа встретил еще некто в униформе и вежливо попросил отдать ему мобильник, так как, по правилам вечеринок Фонда, все гости пользуются средствами связи хозяев. Гриф пожал плечами и отдал. Некто, видимо, исполнял роль типа секьюрити — он выключил телефон, окинув его «рентгеновским» взглядом, и молниеносно, стараясь сделать это незаметно, обвел силуэт визитера портативным металлоискателем. Проверка показала, что Гриф чист, аки дитя перед первым причастием, и секьюрити перенял у шофера почетного гостя и его «багаж».

Грифа проводили в комнату, которая представляла собой имитацию тронного зала монарха средней руки — где пристроили рюкзак у стены. В этой комнате царил полумрак, пылал настоящими дровами камин, освещивали сдержанными бликами щиты и сабли по стенам, вперемежку со шпалерами, зиявшими пятнами бархатной темноты, у стены громоздилось высокое кресло, а посередине был накрыт овальный стол, окруженный стульями с готическими спинками. Все это было настолько продуманно-романтично... что человек в льняной рубахе навывпуск, демонстративно

противоречащий обстановке, не мог быть ни кем иным, как президентом Фонда, «закорючкой», утаившей до поры до времени фамилию. Гриф полагал, что инкогнито ненадолго. С дружелюбнейшей улыбкой президент двинулся к нему навстречу, расставляя объятия:

— Дорогой Роберт! Какая честь для нас! Как мы рады, что вы почтили нашу вечеринку своим присутствием! Признаться, побаивались, побаивались, что не сочтете ее, так сказать, себя достойной!.. Или — что вы заняты, пишете новый роман, а мы тут отвлекаем... Тем более, что накануне пригласили, не дали вам, так сказать, опомниться... Но вы сами увидите — нам иначе нельзя... Понимаете, условия вечеринки таковы, что все должно происходить, так сказать, экспромтом... Сюрпризом должно быть, сюрпризом! Иначе ведь неинтересно, правда? Адреналинчику не хватает нам всем, вот что! Адреналинчику!..

— Я как раз тоже... — заговорил Гриф, на ходу выставляя голос, чтобы звучал глубоко и солидно, но президент Фонда, будто не услышав, что его гость готов перенять эстафету речи, продолжал:

— И ведь почему мы боялись вас приглашать? — теперь спрашиваю я сам себя! Спрашиваю — и не могу, так сказать, найти ответа! Да ведь вы чудеснейший человек! Душа компании! Любитель приятного времяпрепровождения! Шутки и розыгрышей! Кто-то, а вы, так сказать, в адреналинчике толк знаете! У вас ведь он — концепция всех книг, верно?..

Гриф был не настолько наивен, чтобы спрашивать себя, откуда незнакомая личность знает, что у него любимое слово — «адреналинчик». Тому было несколько объяснений, и самое приятное — что его привычки уже разошлись в культурных кругах, как некая модная установка.

— И мы полагаем... да нет, мы, так сказать, просто уверены, что вам понравится наша закрытая вечеринка, так сказать, рыбак рыбака видит издалека! Так не будем откладывать в долгий ящик! Начнем? По глазам вижу, что вы готовы! Позвольте представиться: Президент Фонда «Твори, выдумывай, пробуй!», для своих — ТЭВЭПЭ, тайных дел всеславный советник, Георгий Пандин!

Писатель недоверчиво моргнул, уставившись на президента, но лицо его визави было таким радужным, таким уверенным, что оставалось лишь принять на веру произнесенную абракадабру.

— Вас должность моя удивила, так сказать? Вижу! — пришел на помощь сам всеславный советник, обнаружив и впрямь славное проникновение в ситуацию. — Ну, естественно, так сказать, в миру должность у меня другая, а это уж ради игры... Позвольте вас познакомить с другими участниками нашей маленькой вечеринки! — по одному в «тронный зал» стали проникать люди, облаченные в черно-белую гамму, в смокингах и манишках. Причиной их загадочных появлений, вероятно, были портьеры, восемь штук, по всем углам и посередине стен. — Это наши приглашенные! — объявил Пандин. — Не обессудьте, Роберт, никого из вашей среды больше не будет. Вы сегодня единственный у нас представитель культурного слоя. Наш светоч, так сказать! Но люди все очень интересные! Вот, к примеру, наш коннетабль, Альберт Степашка, — кивнул он на долговязого господина с учеными залысынами, — вот наш церемониймейстер, Юлиан Марцелов,

вот архивариус, Бенедикт Спинозятин, вот всеславный эстет, Артамон Лампионов, — пока Пандин журчал, Гриф всем вновь прибывшим подавал ладонь и отвешивал небольшие поклоны, потешаясь в душе над убогими псевдонимами, выбранными для игры. А пышные должности этих «ролевиков» звучали для писателя, как китайская грамота. — Надеюсь, вы понимаете, дорогой Роберт, что наши гости, в некотором роде, должны сохранять, так сказать, инкогнито? Мы, конечно, отдаем должное вашему такту... но лучше, так сказать, сразу предупредить, чтобы не возникло, так сказать, эксцессов... Ну, в том смысле, что неэтично спрашивать, какую должность человек занимает, какие вопросы по, так сказать, профессиональной обязанности решает...

Гриф поджал губы: его ли предупреждать об этикете! И кому! Странному типу, который, при всех своих, ясно, немалых возможностях не удосужился убрать из речи дурацкий оборот «так сказать» и лебезит, как купчик перед покупателями!..

— Роберт, дорогой, да вы, никак, обиделись? — мигом уловил перемену в настроении Грифа «купчик». — Ну что вы, право, как ребенок... Я же сразу предупредил, так сказать, что это для проформы, что никто в вас не сомневается... Поверьте, люди вас окружают достаточно известные, общество вас достойно, так сказать, в лучшем виде!.. Поэтому у нашей маленькой вечеринки есть некоторые необременительные правила! Одно из них — условия анонимности. Но пусть вас это не смущает! Вы, так сказать, от нас обиженным не уйдете! У нас есть, что вам предложить... мы, так сказать, очень рассчитываем, что вас наше предложение заинтересует... да еще каким выгодным покажется!.. Даже если наши гости перед вами, так сказать, масок не снимают.

Собственно, для Грифа все эти рожи были, точно маски — ни одного он не знал, не видел ни вживую, ни по телевизору.

— Ну? Мир? — схватил его за руку и затряс несносный президент. — Не дуетесь больше? Вот и славно! Пройдемте уже к столу! Блюда стынут!..

— Я бы хотел подписать собравшимся свою новую книгу, — наконец удалось Грифу произнести целую одну фразу до конца.

— О, как вы нас этим обяжете! — томным голосом с легкими лазоревыми интонациями произнес всеславный эстет Артамон Лампионов.

Усевшись за стол, на стул, который ему услужливо отодвинул и придвинул сам президент Фонда, Гриф оставил теплые, но лаконичные автографы «под копиру» всем собравшимся, тщательно выводя их идиотские прозвища. Началом вечера он был... не то что разочарован, но уже озадачен. Утешало его лишь то, что из-за одной портьеры благоуханно веяло меню для мужской вечеринки, и чуткий нос писателя уловил запах «гвоздя программы» — телячьего филе под бургундским вином, блюда для гурманов, которое и сам Гриф частенько заказывал в своем любимом ресторане. А перед ним на столе раскинулась целая радуга закусок. К ним писатель и приступил (вкусно готовят, черти!), пока остальные рассматривали его книги и почти влюбленно вздыхали да отвешивали комплименты мастерству писателя.

— Ах, какая точная, глубокая фраза — презирать людей за их слабости — все равно, что плевать против ветра! — ни к селу, ни к городу брякнул томный эстет и вызвал у Грифа еще большие сомнения в нормальности своей сексуальной ориентации. Может, это просто маленький клуб гомосексуалистов? — подумал вдруг герой вечера, и ему от этой мысли стало неудобно.

— Будет ли позволено спросить, кем организован фонд, — решив не обращать внимания на глупость, спросил писатель у Пандина, — или этот вопрос тоже не по правилам игры? Тогда заранее прошу прощения!..

— Будет, будет, — расплылся Пандин, — только, с вашего позволения, чуть позже, всему свое время! У нас же сейчас, по графику, первая перемена блюд! Горячие закуски, господа!

* * *

Отлично вышколенный персонал — молодые крепкие парни, что укрепило подозрения Грифа — внес первую перемену блюд, обещанные горячие закуски, и молниеносно поменял тарелки и вилки перед каждым гостем. Гриф повернул удобно свой столовый прибор — и чуть не рухнул со стула. Покосился на соседа слева, соседа справа, человека напротив... У всех были в руках вилки как вилки, у него же тяжелая вилокная рукоятка увенчивалась... как бы это помягче... наваренным на конце мужским членом. Небольшим, филигранно выполненным со всеми анатомическими подробностями... даже симпатичным, но как-то это странно... и тревожно... помешанные они тут все, что ли, в активной фазе гона?..

— Простите, господа, нельзя ли поменять мне прибор? — отчаянно сказал Гриф, поднимая над головой вилку. — Я ценю ваше чувство юмора, но мне как-то непривычно...

— Что вы, дорогой Роберт, этот же прибор мы отлили специально для вас! — оскорбился Пандин. — Мы были уверены, что вам эта милая шутка понравится! Специально тестировали его — держать удобно, есть не мешает...

— Презирать людей за их слабости — все равно, что плевать против ветра! — весело заявил всеславный эстет. «Он другие слова какие-нибудь знает?» — угрюмо подумал писатель, настроение которого, ясное дело, стало падать стремительно, как воздушный шар без ветра. Остальные сотрапезники смотрели на Грифа укоризненно. Гриф замешкался, не понимая, как себя вести в ситуации, ставшей дурным балаганным гаерством...

Тем временем персонал — не поворачивался язык назвать атлантов ни официантами, ни, того хуже, лакеями, — ловко и невероятно аккуратно разбросал по едокам тарелки с телятиной в благословенном соусе из бургундского вина и с кокетливым гарниром, разложенным по фарфору истым произведением искусства. Приблизившийся вплотную, задразнивший ноздри аромат слегка примирил Грифа с идиотами — хозяевами вечера. Он решил заставить себя посмотреть сквозь пальцы на их склонность к грубым шуткам (как на маленькую слабость, презирать за которую... смотри выше... Роберт

Гриф, из творческого наследия). Похоже, филе купило с потрохами всех. Сидящие за столом набросились на него, зачмокали, завздыхали блаженно...

Гриф мягко отрезал небольшой кусочек мяса, положил его в рот... замер, сраженный ватно-гнилостным вкусом... оглядел жрущих фразников... те хавали, за ушами трещало, не похоже, чтобы им попалась гниль... пожевал слегка и чуть не отторг все сразу.

— Что, дорогой Роберт? — отвлекся на миг от еды Пандин.

— Вкус какой-то незнакомый... — выдавил из себя Гриф.

— Это для вас-то незнакомый? — визгливо захохотал церемониймейстер Юлиан Марцелов.

Гриф от неожиданного громкого звука испуганно сглотнул, повозил вилкой по тарелке и, уловив тонкий, но неподдельный аромат деревенского сорта, принял в полный рост мысль, с коей не желал мириться последние несколько секунд. Да, у всех пирующих на тарелках лежало филе телятины под бургундским вином, а у Грифа — отлично гарнированное, залитое тем же соусом, обрамленное такими же «лодочками» из экзотических овощей, дерьмо.

Словно чья-то мощная рука смела незадачливого писателя со стула. Все его внутренности рвались наружу. Удерживая их нечеловеческим усилием, Гриф прохрипел, и вышло пафосно:

— Туалет, ради всего святого!..

— Там! — хором сказали Пандин и эстет и вытянули руки в диаметрально противоположных направлениях. Гриф осознал мозжечком, что ему никто не поможет, и бросился со скоростью метеора искать туалет либо ванную. Он нырял под портьеры и выскакивал из-под них, он набирал скорость и уже не мог сдерживать рвоты, он испортил несколько, наверное, бесценных штор и шпалер — а так им, сволочам, и надо! — он, казалось, пошел на третий круг, на самом деле еще не обежал тронный зал... Вдруг, в одном гобеленовом отнорке, Гриф увидел узкую дверь со стрельчатым верхом, рванул ее на себя и увидел вожаемое. Запереть дверь он не позаботился.

Полоскало Грифа где-то полчаса. Все это время он физически лишен был возможности прислушиваться, что происходит за его спиной, но перманентная мысль, что там зреет что-то враждебное и непередаваемо страшное, усугубляла его прискорбное состояние. Между приступами рвоты Гриф дал себе зарок тут же покинуть сборище полоумных — так как они проявляют вовсе нездоровые симптомы. И вообще, все хорошо в меру!.. А есть он теперь долго не сможет... Когда Гриф смог уже стоять прямо и держать голову высоко, он надел на бледную физиономию личину праведного гнева и вышел в зал, чтобы недвусмысленно проститься.

Его ждали. Все пять уродцев, сидевших за столом, выстроились в шеренгу, а их главный, Пандин, что-то держал на вытянутых руках, как хлеб-соль. Несмотря на то, что стояли уродцы торжественным строем, они то и дело переихихивались, и кто-то восклицал: «Ой, не могу! Ой, насмешили!..». От этого зрелища Грифу стало совсем мерзко.

— Господа, не скрою, мне не по нраву ваш прием, и я хочу с вами проститься прямо сейчас! — заявил он, веря, что говорит громко и гордо.

— Дорогой Роберт, как же так? — запел отвратный Пандин. — Вы хотите нас покинуть? Без ужина? Без сувенира на память? Не может быть!.. Не откажите принять хотя бы это!..

Гриф поднесли... за секунду он заподозрил, что... его вчерашнюю книжку с дарственной надписью Президенту фонда, облитую... чем бы это?.. Боже!.. Видимо, в биоунитазе, который сослужил Грифу только что отменную службу, был какой-то хитрый отвод, и значительная доля его содержимого оказалась на книжке, заботливо подставленной снизу. Книга была безвозвратно испорчена рвотой. Вся. Вот твари, метнулось в голове, они еще и страницы перелистывали, пока я блевал!.. И не противно им было!..

Лица шутников свидетельствовали: не противно, а классно!

Гриф отдернул руки, книга шлепнулась на пол, как жаба.

— Да что вы паритесь, дорогой Роберт? — фамильярно заговорил Пандин. — Ну да, такое наше представление. Несколько нетипично, однако вам ли этого, так сказать, стесняться? Адреналинчику-то сколько!..

— Зато книга приобрела художественную завершенность! — наставительно заметил всеславный эстет Артамон Лампионов. — К вашим дивным описаниям добавился художественный ряд, а также запах. Настоящий натурализм в натуральную величину. Вам нравится?

— Нет. Я хочу уйти! — и Гриф, обогнув шеренгу врагов, метнулся к двери. Излишне было бы говорить, что все двери в зале оказались запертыми. За броуновским движением Грифа от выхода к выходу иронически следили странные существа в смокингах.

— Уйти невозможно, пока не пройдут все мероприятия, — сурово сказал коннетабль Альберт Степашка, насладившись мучениями Грифа.

— Вы не имеете права меня удерживать! Это нарушение прав человека! Это похищение! — сорвался на фальцет голос Грифа. Он долго кричал, апеллируя к нормам конституции, к правам человека и приводя всякие бес-связные угрозы, но встречал в ответ лишь насмешливые взгляды и редкие ответы, словно записанные на магнитофон — о подготовленной программе мероприятий, о славных развлечениях, об «адреналинчике», и понимал, что все бесполезно, эти нелюди его не выпустят. По крайней мере, пока не закончат свою варварскую «программу».

— Все? — спросил Пандин, когда Гриф иссяк. — Девочку хотите? — так небрежно и просто, будто не слышал гневной филиппики Грифа.

— Вы думаете, я смогу сейчас... с девочкой? — задохнулся Гриф.

— Вы — да не сможете? Вы же супермачо, так сказать! По вам же все бабы в стране сохнут!..

Из-под потолка грянул развеселый канкан, распахнулась одна — самая дальняя от Грифа — дверь, и в зал с игривыми визгами, символизируя, будто танцуют канкан, влетела шеренга молодых смазливых дам нетяжелого поведения. Они зазывно трясли пышными юбками, показывая, что ниже пояса на них ничего нет, кроме туфелек, — зато выше пояса дамы были затянуты в какие-то власяницы с высокими воротниками-стойками. Во мгновение ока девицы приклеились каждая к своему «избраннику». К

Роберту прильнула особа, чей бюст седьмого номера едва не рвал глухой верх платя, а наращенные ресницы щекотали щеки Грифа.

— Роберт, это такая честь для меня! Я так мечтала с вами познакомиться! Вы же — такой ду-уся! Тако-ой ляля! Роберт, я читала вашу книгу... как это... «Сметана», да? Ой, я так с нее оборжалась! И подружкам сказала: теперь Роберт Гриф будет мой цыпа! Они мне все обзавидовались!

— Правда, правда, — подтвердили вразнобой девицы. А одна из них, самая изысканная, с легким налетом смышлености на худошавом остро-скулом личике, напарница Пандина, поправила товарку:

— Не «Сметана», а «Молоко». Очень сильная вещь! Концептуальная!..

— Роберт, не обижайте девушку! — строго наказал Пандин. — Как порядочный человек, вы просто обязаны доставить ей радость близкого знакомства!

— По-моему, легче согласиться, чем объяснить вам, что я ничего от вас не хочу! Только — уйти и больше никогда вас не видеть! Никого!

— Это правильно, золотой вы наш Роберт! Это вы верно догадались. О каком уходе речь, так сказать, когда вы еще половины наших развлечений не попробовали?..

— Ду-усик, а как же я? — обиженно привалилась к Грифу всем бюстом «почитательница». — Ты что, меня не хочешь? Ду-усик, ты просто не представляешь, какая я классная! Пойдем!

— Небось, и в скрытую камеру будете подсматривать, как я с девушкой?.. — ядовито спросил Гриф у Пандина.

— Да зачем нам, чудак вы человек? — рассеянно ответил Пандин, занятый тем, что шарил у своей худышки под сборчатой многоярусной юбкой. — Мы хотим, чтобы вы расслабились, а не наоборот... У вас еще много хорошего впереди, а вы скованный весь, зажатый, так сказать...

Эпизод с девушкой Гриф мечтал бы забыть, как страшный сон. Одну из дверей проклятого зала отперли, специально для того, чтобы кавалькада уродов и их партнерш расползлась по комнатам. В середине процессии пропустили в нее и Грифа с проституткой, а за дверью двое из прислуги мастерски взяли его в «клещи». Каким-то петляющим, сплошь задекорированным коридором доставили пару к очередной двери. По дороге дама сосредоточенно запустила лапку под ширинку писателя, и, надо отдать должное ее профессионализму, кое-что у них совместно стало получаться. У самой двери подруга смачно поцеловала Грифа в засос, сказала со смешком: «Минуточку!» — и юркнула внутрь. За дверью Гриф мельком увидел альков в том же пышном и вычурном псевдосредневековом стиле. Рядом с ним переминались два лакея — откровенно караулили.

Потом из-за двери кокетливо пропели: «Мо-ожно, ду-усик!».

Лакеи распахнули перед Грифом дверь в альков, где в постели уже лежала красавица, отвернув лицо к стене. Быстро она как-то успела снять такой громоздкий туалет, — по касательной пролетело в голове писателя. Но это казалось неважным. Гриф с размаху бултыхнулся в койку, что девица снесла исключительно терпеливо, без единого звука, и запутался в багровом помпезном покрывале. Эта механическая задержка его чуть-чуть отрезвила. Их, вроде бы, оставили наедине, но Гриф предполагал, что тет-а-тет обманчив, и не торопился разоблачаться, но покрывалом прикрылся... Попробовал

завести с девушкой разговор — она молчала, попробовал приласкать ее — она была безучастна... Повернув ее лицо к себе, Гриф содрогнулся: это была совсем другая женщина. С закрытыми глазами и приоткрытым ртом. «Эй, а где же эта, первая?» — растерянно спросил Гриф. Женщина в койке опять отмолчалась. Сначала Гриф потормошил девушку слегка, потом сильно, всерьез испугавшись за ее здоровье: под наркотиками, что ли? С этих него-дзев ведь станется накачать проститутку наркотой... шутки ради... Тут он понял, что его особенно настораживает — странный холод, исходящий от тела. И рефлекторно выпрыгнул из-под покрывала. Он являл собой странное зрелище, — скорчившийся посреди алькова, со все еще бугрящимися штанами, то ли икающий, то ли рыгающий... Такое сочетание чувств он испытывал впервые в жизни.

Самое простое объяснение обычно самое верное. Гриф не понимал, почему он до этого не додумался в первые же секунды «общения» с девушкой. Осознав, что перед ним загримированная покойница, а не та разбитная красотка, что его возбудила не по-детски, он чуть на стенку не полез от ужаса и отвращения — слава Богу, ничего сексуального он с ней не проделал, не возбуждала бледность и неподвижность, и тот минимальный настрой на секс куда девался...

Перемену в настроении Грифа, разумеется, «срубили» четко, в балдахине, покрывавшем средневековое ложе, можно было спрятать небольшой телескоп или десяток камер слежения. Стоило ему слегка помучиться сухой рвотой, как дверь распахнулась. За ней маячило пять белогрудых силуэтов.

— Быстро вы ее раскусили, — с неудовольствием сказал эстет Лампионов. — Мы ее для вас подогревали, но, видимо, не рассчитали, все-таки экспонат взят с глубокой заморозки. Как иначе, третий день после смерти... — и замахнулся на коллег: — Видит же человек, даже такой дурак, что она все-таки слишком холодная!.. Я говорил, что так и будет! Теоретики хреновы! Градусник они ей ставили!..

— Ну что, что вам от меня надо? — завыл Гриф, чувствуя, что невозвратно теряет лицо, что ведет себя, и вправду, как дурак. И тут безумный рефлекс — жить и выжить! — подтолкнул его в спину, он рванулся вперед, как подброшенный пружиной, снес с ног кого-то из мучителей и помчался по коридору, еле лавируя в его душной темноте. Но коридор был точно заколдованный — он и выхода к тронному залу уже не мог найти, а единственная дверь, что предстала перед ним мимолетной иллюзией спасения... оказалась дверью в анатомический театр, где какой-то мясник в заляпанном кровью халате и медицинской марлевой маске на лице, завидев его, просиял глазами и заговорил из-под маски:

— Добро пожаловать! Дорогой Роберт, я только вас и ждал! Я знаю, вы в курсе, как ставят окончательный диагноз, морги посещали? — легенда о личном присутствии Грифа при вскрытиях была ложью, Гриф всего лишь обильно проставлялся патологоанатомам, за что они его снабжали информацией о строении человеческого тела и байками из своей мужественной профессии. Для вдохновения в случаях описания расчлененки Гриф использовал репродукцию картины Рембрандта «Урок анатомии». Посему зрелище натурального морга оказалось слишком сильным испытанием для бед-

ного Грифа. Мясник занес скальпель над простертым телом нагого мужчины и с силой сделал продольный надрез от горла до паха... а Гриф кинулся его душить... и в глазах у него сгустился красный туман ярости и отчаяния... Но, разрывая красные клубы, взметнувшись над бедовой головой Грифа какая-то дубинка... и удар тока потряс его, а потом милосердно выключил сознание. Благодарение электрошокера!

Удар электрошокера неожиданно-негаданно сработал благотворно для Грифа (недаром же эту процедуру ввели в медицинскую практику в середине просвещенного XX века, когда уже потеряла актуальность интеллигентская мерехлюндия клятвы «Не навреди!», вытесненная смелостью научного прорыва!). Обыватели толкуют, что при лечении электрошоком часть памяти словно бы «выключается», зато какие-то потайные участки памяти могут, наоборот, раскрываться, как грибной зонтик под дождем. Обнаружив, что он уже в сознании, лежит на чем-то горизонтальном, а вокруг заботливо, точно сиделки, хлопчут и приводят его в чувство садисты, и не спеша, по причинам очевидным, сообщать об этом своим мучителям, Гриф кое-что вспомнил. Например, с каким упоением описывал бурный секс героя со свежим трупом давней возлюбленной — она всю жизнь отвергала его, но неожиданно трагически погибла, а поклонник, присутствовавший при этом, не будь дурак, воспользовался ситуацией... Особую прелесть живописанию зверино-жадного обладания бездыханным и покорным телом придавал скандал, который тем вечером устроила супругу Виолетта. Она до поздней ночи не могла успокоиться, металась по всей двухуровневой квартире и то нечленораздельно орала, то заунывно ворчала, то рыдала в голос, а Гриф, в своем кабинете, остервеневшим зайцем колотил по клавиатуре и слишком часто употреблял относительно возлюбленной лирического героя эпитеты типа «восхитительно бессловесная»...

Совпадение было не из радостных. Еще больше — если было, куда больше, пессимистично подумал Гриф, — его опечалило воспоминание о прелестьях копрофагии, которым он посвятил два рассказа и половину романа «Молоко». Похоже, Гриф начал проследживать логику членов богомерзкого Фонда... От эдакого открытия он содрогнулся непроизвольно — и был вознагражден радостными криками негодяев. Они радовались, что жертва пришла в себя, и состоятся прочие запланированные увеселения.

— Ну, вот и славненько, вот и ладушки, так сказать, — причитал над Грифом голосок Пандина. — Наш дорогой Роберт пришел в себя. Здоровый организм, крепкая голова, стальные нервы... Замечательно, так сказать, замечательно! Пойдемте, любезный вы наш, сахар вы наш, так сказать, медович! Музей заждался!

— Слушайте, — из положения лежа проговорил Гриф, понимая, что разыгрывать дальнейший обморок перед ними бесполезно — опять током ударят или, не дай Боже, резать по живому начнут, чтобы проверить, не симулирует ли он, — я устал, я вами измучен. Не могли бы вы сказать, что вам всем от меня надо? Я согласен на любые ваши условия! Только прекратите экзекуции! Вы вначале говорили о каком-то ко мне предложении. Я даже догадываюсь, в чем оно состоит... Денег? Ради Бога! Сколько? Все отдам, по миру пойду, но заплачу вам, только отпустите!..

— Рано сломался, — сурово бухнул коннетабль. Он всегда говорил кратко и грозно. — Хиляк!

— Помилуйте, Роберт, о чем вы говорите? — обиделся Пандин. — Денег? Нам? Вы смели предложить нам денег? Господа, он смел оскорбить нас подачкой! Вы что, не поняли, куда пришли?..

— Нет. Вы же все скрываете от меня!

— Не все, а только то, что вас, так сказать, ну никак не касается, но дело-то, золотой мой, не в этом! Неужели вы не сообразили, когда сюда вошли, что здесь крутятся деньги — не вашим гонорарам чета? Вы знаете, сколько стоит выкупить особняк с видом на Кремль? А расценки на декор и дизайн интерьера представляете? А на хорошего повара?..

— А на незарегистрированные трупы в морге? — в тон ему поддакнул Гриф. — Понимаю. Я не хотел вас обидеть. Я просто ищу выхода отсюда... в смысле, возможность выкупа. Вам ведь что-то нужно от меня! Просто так ведь не станете огород городить?..

— А вот сейчас мы с нашим золотым мальчиком посмотрим наш музей, и больше нам от него ничего не надо, — вкрадчиво произнес Пандин. — Нет, впрочем, есть еще замечательная фермочка, но до нее, будем откровенны, не все дотягивают...

Невозможно описать гамму переживаний, которую вызвало в Грифе это рассчитанное заявление Пандина. На какое-то время он, парализованный ужасом грядущей смерти, оказался послушной игрушкой в руках нарядных подонков. Не хуже той безвестной покойницы... Его подняли с лежбища — естественно, оно оказалось свободным прозекторским столом, но, осознав сей факт, Гриф почти не отреагировал, только дышать ему стало еще труднее. Его издевательски отряхнули («Музей, так сказать, культурное учреждение, а у вас, извиняюсь, блевотинка на брючках и смокинге, надо же это безобразие убрать!») — он замедленно, как во сне, поднимал руки и тяжело поворачивался вокруг оси, подставляя бока эстету Лампионову, старавшемуся с губкой. Его «взболтали» за плечи и заставили держаться ровно вертикально — он напряг позвоночник, чудившийся бескостным. Наконец, его повлекли, как на заклание... почему как? — отстраненно подумал Гриф и даже не испугался. То было правдой, что он «сломался».

Музей впечатлял. Он оказался точной копией камеры пыток — но не конкретно-исторической, не камерой пыток, устроенной опричниками в Александровской слободе, и даже не той, что оборудовал в замке Шаакен специально для туристов его новый хозяин, коммерсант... Это была, как и все интерьеры страшного дома, «усредненная» пыточная камера, объединяющая массовые представления о зловещих застенках сразу русского и европейского средневековья. Дыба, на которую вздергивали русских раскольников, соседствовала здесь с «железным шлемом», любимым инструментом испанской инквизиции, и «железной девой», футляром с гвоздями в человеческий рост, что был не в каждодневном обиходе святых отцов — неужели потому, что запредельно «жесток»?! Короче говоря, больше всего застенок походил... на камеру пыток, которую Гриф, руководствующийся теми же образами из области банальной эрудиции, описал в романе

«Сыворотка», где причудливо переплетались сцены, разделенные пятью столетиями, но более ничем... И точно так же, как на страницах любимой книги Грифа, в угловом очаге жарко пылал огонь...

Обозрев глазами готового околеть на суше судака уголок «Даешь садо-мазо!», Гриф окончательно убедился, что засекреченные маньяки проделывают с ним то же, что он «проделывал» со своими героями. Но, извините, есть же разница — «кромсать» выдуманного персонажа, даже не имеющего прототипов, или живое человеческое тело?!

Тут на первый план выступил архивариус, Бенедикт Спинозятин, и забегал по мрачному помещению, как завзятый экскурсовод. Он испытывал, видно, несказанное удовольствие, указывая Грифу на орудия кровопийц и подробно рассказывая обо всех тонкостях их применения: «Полюбуйтесь, клещики, целый набор... Эти — для особо деликатных частей тела... гениталии, у женщин — сосочки... Эти — для пальчиков, ушек, там... Эти — для мяса поглубже... Это кузнечные меха, незаменимы для допросов с пристрастием... Это не очень интересно, это просто дыба, орудие грубое, без фантазии, однако иногда эффективное. А это гордость коллекции, наша «железная дева» — вы с этой строгой леди не знакомы? Сейчас отличный шанс познакомиться!...».

За метаниями архивариуса и его возбужденной речью равнодушно следили палачи в масках до середины лица, только губы и было видно, толстые мокрые губы любителей простых плотских кайфов... Они обменялись лапидарными репликами: «Ну что, Митяй, приступим?» — «Давай, Джимми!».

Два палача по знаку Пандина сгребли Грифа в охапку — и кинули сначала, одним метким движением, в стоячую «железную деву». Смокинг и брюки не были преградой для гвоздей длиной в палец, Гриф ощутил себя, как будто ему на всем теле одновременно стали делать варварское тату. Он задержался внутри саркофага, и каждое сотрясение причиняло ему новые приступы жгучей боли. Гигантским усилием воли Гриф заставил себя стоять смирно — тогда, вроде, как-то претерпеваешься к уколам, только кровь течет по телу тепло и щекотно... А «деву», меж тем, переместили куда-то по комнате — видимо, к очагу, ибо железная скорлупа стала нагреваться с одного бока, и боль справа сделалась просто невыносимой. Меж тем увлеченный специалист по истории вещал:

— Инквизиторы или правители, державшие «деву» на вооружении своей тайной полиции, порой разводили костры вокруг испытуемого со всех сторон, и железо накалялось так, что не было сил более терпеть, а мы вам демонстрируем щадящий вариант одностороннего подогрева...

— Нет! Нет сил терпеть! — надрывался Гриф, но ему позволили вывалиться из «девы», лишь когда ему померещился запах паленого. Рухнув пластом на пол, Гриф долго приходил в себя, с тоской и ужасом понимая, что за этой пыткой последует новая, но что может быть страшнее?.. Его мутный взгляд проволочся по каменному полу — сколько же помещений в этом страшном особняке, как же он спланирован изнутри, что хватает места и пиршественной зале, и пыточному застенку?! — переполз на каменные же стены из плохо отесанных булыжников (!), на полукруг очага, в

котором можно было зажарить быка целиком... Очаг окончательно деморализовал Грифа. Его пересекал толстенный вертел, обросший накипью, как сталактитами. Естественно, Гриф расценил нагар как пласты жира предыдущих жертв (он уже не сомневался, что попался в ловушку не единственный). Он и сам, помнится, повествовал, как младенца зажарили на вертеле целиком... Его тело само собой сделало серию рвотных позывов, но тошнить было абсолютно нечем.

— Митяй, слишком долго проводите один аттракцион, — недовольно сказал откуда-то из эмпирей мерзавец Пандин. — Пора к следующему, так сказать...

— А я чо? — огрызнулся Митяй. — Этот развалился и блюет, — и пнул Грифа ножищей, точно падаль. — Встать можешь?..

Окровавленный, терзаемый болью со всех сторон Гриф не мог подняться, и пришлось отодрать его от пола опять же катом. В последний миг перед насильственным подъемом Гриф задался вопросом: видел он в глубине очага, за огнем, небольшую дверцу округлой формы, либо это был спасительный мираж?..

Следующим «аттракционом» было... надувание кузнечным мехом через задний проход. Когда-то давно, в прошлой жизни, сытой, благополучной и достойной, Гриф обманчиво представлял себе силой писательского воображения, что быть воздушным шаром легко и прекрасно, и даже хотел как-нибудь написать «для себя» рассказ от лица аэростата, парящего в высших слоях атмосферы и раздутого счастьем... Гриф даже придумал, что на боку аэростата будет нарисована улыбка — допустим, он рекламирует зубную пасту — но на самом деле он улыбается людям всей полнотой своих чувств, бушующих в огромной груди!..

Грифу выпал самый трудный способ убедиться, что быть надутым — адски больно, опасно для жизни и непомерно унижительно. Все, что произошло с ним с момента, как он переступил порог этого inferнального здания, было одним сплошным продуманным унижением, и Гриф понимал, как ни обидно это было, теми задворками разума, что не вопили от боли и не умоляли о пощаде, что унижению он поддался в абсолютной мере. Страх более всего унижает. А как было бедному Грифу не страшиться, когда цитаты про жарение младенца витали вокруг него и жалили больней кнутов, коими его по-простецки отходили после мехов.

Могло бы утешить то, что после каждой пытки Грифа упорно откачивали, и что ни одну из них не довели до непоправимого членовредительства... или кончины... однако Гриф не утешался, а полагал, что все пытки — лишь прелюдия к вертелу. Вертел так и стоял перед глазами писателя, хотя ради порки его развернули к очагу анусом, утвердили на деревянной «козе» и скрутили толстыми рельефными веревками руки и ноги, так, что те вмиг онемели... Ну почему, почему я написал эту дикую сцену с младенцем?! — терзал сам себя беллетрист. Пожалуй, условно-нравственные муки — Гриф не то чтобы раскаивался в своих фантазиях, но боялся, что их все реализуют на нем же — терзали бедолагу жесточе, нежели все препаскудные «аттракционы» садистов. Увы, боязнь казалась более чем оправданной...

Поразительно, на какие казусы способно сознание писателя!.. Тело Грифа не имело, кажется, ни единой здоровой клеточки, штаны с него содрали вместе с бельем, смокинг — в насмешку — оставили, и он свисал с окровавленного тела унылыми, опоганенными лохмотьями, одной, самой уязвимой частью рассудка он малодушно призывал к себе смерть от сердечного приступа или инсульта... но меньшая, зато более живая, мобильная и гордая часть ментальности раскручивала, подобно лассо, известный лозунг: «Тварь ли я дрожащая, или право имею?». Я не тварь дрожащая! Я — известный писатель! Любимец публики! Меня же потом можно будет шантажировать уничтожительными фотографиями этой «встречи» в подвале! Если, конечно, меня оставят жить, а это бабушка надвое сказала... Если оставят жить... Но почему я, взрослый, самодостаточный, неглупый человек должен покорно, как жертвенный агнец, ожидать конца и зависеть от шайки мерзавцев, кто бы они ни были вне своих «масок»?! Чем бы ни руководствовались в своей тяге мучить и унижать людей!.. Я должен от них вырваться. Любой ценой! Тогда я докажу им всем, что я стоящий человек! А не покорный раб их дрянных прихотей!

Была или нет в очаге дверца?! Может, она мне почудилась? Может, утопающий хватается за соломинку, а я ухватился за сказку про Буратино?..

Тем временем экзекуция кнутами кончилась, и Пандин даже позволил развязать страдальцу руки-ноги. Гриф их уж не чувствовал. Его сняли с «козы» и поставили на пол, куда он мешком и рухнул — но, изображая из себя кучу тряпья, он якобы случайно пал так, чтобы видеть каменную открытую печь, и тайно приоткрыл веки. Его лицо было покрыто коростой запекшейся крови, и разглядеть под нею осторожное движение век никто не смог... Точно! — за пляской огня просматривались очертания небольшого, но выхода, вроде бы даже неплотно закрытого дверцей. «А если я ошибся, и дверцы нет, то я упаду прямо в огонь, обожгусь весь и умру!» — прошептали Грифу остатки самолюбия и человеческого достоинства. «Это будет не больше, чем терпеть изуверства маньяков! Зато я освобожусь от шантажа». И Гриф, валяясь ветошью, попытался сгруппировать некоторые мышцы — те, что сохранили хоть какую-то жизненную силу. Кажется, получалось, что свидетельствовало о примате духа над материей...

— Что бы нам следующим номером предпринять, так сказать? — размышлял тем временем во всеуслышание Пандин. — Он какой-то весь уже квелый... прямо и не знаю, как интереснее-то...

— Кожу содрать! — громыхнул коннетабль с циничным прозвищем Степашка.

— Может быть, ты и прав... — раздумчиво протянул Пандин...

...Лохматой молнией Гриф вознесся от пола — напрямик к огню — и вонзился головой в пламя, и увидел, что дверца ему не померещилась. Палачи и их начальники, видно, были настолько потрясены метаморфозой полутрупа, что не успели ему воспрепятствовать. «Держи, б...!» — лишь вскрикнул Пандин, да отозвался ему коннетабль скорбным басом: «Упустили, уроды! Дисквалифицирую!» — обращаясь, видимо, к палачам, ибо те моментально заныли дуэтом: «А мы-то чо?». Гриф ударил в дверцу всем телом, она подалась, и он лицом вперед обрушился в пустоту — но

неглубокую, так как тут же его многострадальная физиономия встретила твердое препятствие. Препятствие было обширным. Но энергичная ипохастась Грифа воспротивилась первому желанию — упасть ничком и отходить от мучений: у него за спиной оставалась дверца, в которую могли бы легко проникнуть и недруги. Гриф встал — кое-как, хватаясь за стены, в полной тьме, выпрямился коряво, точно саксуал, и дотянулся до дверцы — и толкнул ее от себя. Райской музыкой прозвучал для него щелчок сработавшего замка — видимо, внутреннего, врезного.

Это было если не спасение, то передышка. Сюда преследователи проникнут не сразу...

Увы и ах, человек предполагает, а садисты располагают. Не прошло и пяти минут — впрочем, изувеченный Гриф не поручился бы за точность своего биологического хронометра, как неизвестно откуда в убежище писателя стал проникать рассеянный свет. Он с каждой минутой усиливался. Источника его Грифу увидеть не удалось. Казалось, засветились сами стены. Но теперь уже Гриф мог полюбоваться каморкой, в которой спрятался.

Абсолютно пустая, абсолютно квадратная комната имела одну только странность — железный пол. И одну только неприятность — отсутствие на дверце каких-либо замков, ручек, щеколд и тому подобных элементарных вещей, необходимых тем, кто желает выйти из помещения. К радости отсрочки лютой смерти и гордости своей лихостью примешалась горечь осознания: он сам не выйдет отсюда.

Показалось ли писателю, или железный пол, на котором он скорчился, начал греться?.. Гриф попытался уверить себя, что нагрел железный лист своим телом. Не получилось: лист подогрелся и под ним, и вокруг, и теплел быстрее, чем отдавал свою последнюю энергию чахлый организм беллетриста. Источник тепла явно находился где-то внизу.

Из всех ужасов сегодняшнего безумного вечера этот ужас был самым свирепым: Гриф попал в духовой шкаф!..

Через невидимые колосники до него донесся отчетливый хохот палачей: «Еще один в ловушку попался, вот теперь мы его, голубчика, горяченьким сожрем, так сказать!..», «Да ладно, что там жрать, он тощий! Вот позавчерашний был — это да, центнер диетического, легко усвояемого мяса!..», «Не скажи, может, у него косточки сладкие!».

Вульгарные переговоры подтвердили судорожную догадку Грифа. Это был — как в прежде любимом анекдоте Грифа — про ковбоя и его внутренний голос — действительно конец. Из духового шкафа нет выхода. Жар становится нестерпимым. Каменную стену Грифу и в хорошем-то состоянии не разрушить. Тем более — жалкому, избитому, истекающему кровью. Он думал перехитрить извергов, но они оказались подлее и хитрее — и не одного, оказывается, наивняка, заманили в духовку иллюзией спасения. На деле все, кто решается на бросок в очаг, попадают в исключительную власть этих. Как бы их назвать... Как ни назови, все мало. Нет во всех языках Вавилонской башни слов, чтобы оправдать то, что они делают с людьми... Но какая им разница, что о них думает Гриф? Гриф уже совсем скоро перестанет думать... считанные минуты остались... он уже скачет по листу, не

имея секунды покоя... он теряет воздух... его жарят... он не может кричать, ибо крик расходует силы, и чем он поможет...

И когда наступило небытие, Гриф не мог бы доподлинно сказать, была ли то смерть или обморок от страха и боли.

* * *

Когда Роберт Гриф вернулся с того света, этот его поприветствовал белым днем за просторным, как в больничной палате, хорошо промытым окном — потолочным, наклонным. В окно заглядывали, как на детской картинке, солнце и облака.

«Солнышко! Тучки!» — просюсюкал про себя Гриф с младенческой эйфорией — и сам удивился, откуда у него такое умиленное, такое радостное настроение. Ведь все мягкие ткани тела еще ныли... хотя и несильно, будто в остаточной стадии травмы. Повозив по себе руками, пошевелив ногами, Гриф понял, что он перебинтован с ног до головы, и, вероятно, до наложения бинта его ранам оказали медицинскую помощь... Руки и ноги, к счастью, были свободны, то есть забинтованы по отдельности. Он лежал в чистой постели, на упругом жестком — возможно, ортопедическом — матрасе, его бренное тело прикрывало легкое, но теплое одеяло. Повозив головой по удобной, с выемкой, подушке, Гриф увидел кругом себя большую светлую комнату, довольно пустую, полную свежего кондиционированного воздуха. Из мебели в этой комнате, которую Гриф готов был счесть больничной палатой, было несколько столов и стульев; но, благодаря ненужным в больнице предметам, как то — стопа белой бумаги, раскидистый кустик шариковых ручек, несколько блокнотов, пишущая машинка, ноутбук, становилось понятно, что предназначение комнаты лечебным не исчерпывается. По стенам в светлых моющихся обоях висели яркие картины или репродукции в рамках. К сюжетам расслабленный Гриф пока не стал присматриваться. Он был счастлив всем существом оттого уже, что видит человеческую обстановку, а не ужасы подвала. Сдержанной строгостью комната напоминала класс в какой-нибудь специализированной, элитной школе — но сухость обстановки, и та приятно констатировала с чрезмерно экзотическим интерьером подвала и его тем более трэшевым наполнением...

Одна белая пластиковая дверь находилась в поле зрения Грифа — закрытая. Больше ничего в комнате, насколько мог видеть Гриф без напряжения, не наблюдалось. В том числе и одежды Грифа... ах, да, от нее же остались одни ошметки, подумал Гриф и весь скривился, за какой-то миг пережив заново многоактную трагедию издевательств и пыток. Два подряд сюжетных напоминания о подвале резанули, настроение испортилось. Плюс к тому Гриф заметил, что нет в комнате вообще никакой одежды, даже больничной пижамы, и что нет у кровати никакого прибора, чтобы подать сигнал медперсоналу. И если перед тем у него робко затеплилось упование, что его спасли чудесным образом и переправили в обычную больницу, то по красноречивым деталям вроде отсутствия платья и кнопок вызова врача он

догадался, что эта строгая комната — очередной этап злодейской «программы», о коей говорил ему прегадостный тип с погонялом Пандин не далее, чем... Впрочем, чувство времени Грифу совсем отказало. Он с уверенностью мог заключить лишь одно: небо над его новым обиталищем светлое, летнее, высокое — значит, на земле день. Однако какой именно, и сколько миновало с той проклятой минуты, когда он... в общем, не надо о грустном... сколько прошло времени, черт... нет, Бог! — решил Гриф заручиться поддержкой свыше — его знает. Что-то еще подзуживало Грифа, о чем-то, не столь невеселом, как «тематическая вечеринка», он подумал — но не смог ухватить мысль за хвост. Может, последствия электрошока сказывались...

За кроватью Грифа послышался деликатный шорох. Туда взгляд больного, простертого на койке, не проникал, но звук, в принципе, безобидный, испугал беднягу не на шутку. Грифа аж подкинуло на койке целиком, от затылка до пяток. И он стал судорожно извиваться всем забинтованным телом, стараясь увидеть, что там позади него.

— Лежите, лежите, не надо вставать, — сказали ему негромко и веско. — Я подойду к вам.

Среднего роста, коренастый и спортивный человек в строгом костюме встал в изножье кровати Грифа, окинул его «фотографическим» взглядом и удовлетворенно кивнул. Но — с интонацией выполнения почетного долга — спросил:

— Как вы себя чувствуете?

— Физически — благодарю, сносно, — отвечал Гриф. — А вот морально... Я вас должен благодарить за чудесное спасение от смерти? Примите самую искреннюю благодарность, — больше всего Гриф опасался, как бы эту фразу не расценили, как сарказм.

— Не стоит благодарности, — сказал визитер. — Во-первых и в-главных. Пусть у вас не складывается превратного впечатления: ничего вашей жизни не угрожало. Никто вашей смерти бы не допустил. Мы в ней никак не заинтересованы. Я рад, что вы хорошо себя чувствуете, — вообще-то Гриф утверждал «сносно», но гость палаты, принадлежал, видимо, к людям, не признающим ни полумер, ни чужих мнений.

Гриф опять дернулся вверх всем корпусом:

— Но позвольте!.. Как это — не угрожало?! Да вы знаете, что там со мной делали?! Неловкое движение — и все!

— Не стоит драматизировать. Наши специалисты знают свое дело.

— Да, кстати, могу ли я хоть от вас получить информацию, которую от меня скрыли на... в общем, ранее скрыли? Кто это — мы? Какие это — ваши специалисты? Зачем это сделали со мной? Вообще? Все?! — как ни старался Гриф держать себя в руках, но в его голосе пробились истерические нотки.

— Позвольте представиться: полковник Головной. Роман Львович, вы готовы послушать меня?

— Конечно! Только об этом и мечтаю! Давно! Кстати, сколько я здесь?

— Недолго. Второй день. И держитесь молодцом. Итак. Я постараюсь не тратить лишних слов. Роман Львович, вы — большой писатель. Не перебивайте меня, все возражения и благодарности потом. Вы нужны отечественной литературе. Но ваши темы и сюжеты не лезут ни в какие рамки.

Что вы своими книгами несете людям? Вы уже на себе испытали, к чему вы их призываете. Почти все. Вы еще не видели нашу ферму... Роман Львович, вы уверены, что надо вам высказаться именно сейчас? Не хотите меня дослушать?

— Не-ет! Нет! — завыл Гриф. — Хочу-у! Сказать хочу! Так это что — все было нарочно?..

— Роман Львович, не разочаровывайте меня. Вы умный человек. Неужели у вас хоть раз возникла мысль, что все это, — надавил полковник голосом, — может быть случайностью? Или цепью совпадений?

— Не-ет! Не-ет! Я не то! Не о том! Я думал, игры маньяка! Клуб маньяков! Садистов! Тайное общество! А вы мне сейчас! О программе! Как же так можно? За что? За что, черт... Бог бы вас покарал?!

— Для взбесившегося маньяка это было слишком масштабно, не так ли? Конечно, это не игры садистов. Это специально разработанная психотерапевтическая программа. Новое слово в гештальт-терапии. Что-то вроде психодрамы. Так и называется: «Твори, выдумывай, пробуй!». За что? Даже смешон ваш вопрос. За «адреналинчик», Роман Львович. За обращение вашего таланта на совершенно непотребные идеи и сюжеты. За бездумное смакование мерзостей. Недостойное великой русской литературы. Как, вы все еще полагаете, что «адреналинчику» людям надо?

У Грифа начались конвульсии от первого же звука в слове «адреналинчик». За конвульсиями с удовлетворениями следил полковник Головной.

— Вижу, что вы со мной согласны. Ваше творческое кредо полностью изменилось. Прекрасно. Лишний повод убедиться в компетентности наших специалистов. Короче, Роман Львович: мы даем вам шанс исправиться. Здесь есть все, что нужно для плодотворного труда. Кормить вас будут, лечить тоже. Садитесь, пишите роман, такой, в котором заинтересована страна. Алучше два или три. Нам нужны позитивные книги, формирующие молодежи правильное мировоззрение. Таким образом, как говорится, вы закрепите свое выздоровление. Ну, не прямо сейчас. Когда почувствуете себя в силе. Скажем, завтра. Послезавтра.

— А домой? Когда же я домой попаду?

— В приглашении же было сказано: доставим по окончании всех мероприятий. Напишите нам книги — и свободны. Домой отвезем. Как обещали. Но сейчас, по-хорошему, вам домой нельзя. Это будет прерывание лечения. Чревато непредсказуемыми последствиями. Мы заинтересованы в вашем здоровье. Телесном и духовном. Чтобы быть уверенными: в мир вернется полноценная, гармоничная личность. Большой и светлый писатель.

— Так вы уверены, что я в мир вернусь?

— Разумеется. Будете только иногда приходить, делиться соображениями о будущих романах. Не сюда. Здесь у нас что-то вроде стационара. Со здоровыми людьми встречаемся в неофициальной обстановке. Наши специалисты вам подскажут, если опять в вашем творчестве будет что-то не так. Но я надеюсь, этого не случится. Вы мне нравитесь.

— А жена? — понял внезапно Гриф, что его слегка тревожило, какую мысль он не смог додумать. — Как ей сообщить, что я жив? Она ведь, наверное, с ума сходит! Можно, я позвоню домой?..

— Это мы берем на себя. С женами проводим беседу. Наши специалисты умеют объяснять... — в глазах Грифа остекленел бешеный ужас, его руки сами собой зашарили по забинтованным шрамам. — Роман Львович, вы совершенно неправильно поняли. Исключительно вербальная, очень доходчивая беседа. На выбор — по телефону или лично. Как решит ваша супруга. Деликатная, безопасная беседа. Мое слово. До сих пор в нашей практике все члены семей наших пациентов понимали и соглашались с нами. Согласитесь, эффективное лечение в наши дни — и редкость, и роскошь. А тут близким ставят мозги на место бесплатно.

— Но вы же говорите: роман, два или три! Это же... это на год-два для меня! А как Вета жить будет? Она не работает! Пропадет без меня! — кажется, Гриф «заразился» телеграфной манерой речи полковника Головного.

— Это продумано, Роман Львович. Мы даем нечто вроде пенсии членам семей пациентов. Тем, кто сам не работает.

— Скажите, товарищ полковник... или лучше господин?

— Можно просто Максим Федорович.

— Спасибо. Максим Федорович, не в первый раз я слышу: вам, всем. Я не один тут, очевидно. Сколько нас, пациентов? Кто они? Все тоже писатели? Артисты? Художники?

— Это для вас неважно. Вы отвечаете за свой участок работы. Ну, хорошо, не дуйтесь. Да, в основном творческая братия. Властители умов, так сказать.

Гриф снова забился в судорогах.

— Так-так, понимаю. Отличный результат! — отметил Максим Федорович. — Еще вопросы, Роман Львович?

— А о чем писать?

— Вот, пожалуйста, — широким жестом обвел Головной всю комнату. — Сюжеты наглядной агитации, выбирайте любые. Безо всякой символики и лишних уровней смысла. Что видите — о том пишете. В таком творчестве заинтересована русская текущая литература! А не в страшилках ваших. Не в дряни всякой. Ведь правда, Роман Львович, вы теперь сами поняли: вы писали дрянь?

— Дрянь, — прошептал писатель, ловя в гудящей башке, кто, когда, кому и по какому поводу говорил слегка иными словами нечто подобное. А полковник Головной такими тонкостями не маялся.

— Ну, вот и договорились. Вам картинки видны? Или принести очки? Вы не волнуйтесь, что о вас забудут. Вы под присмотром, как у заботливой няни. Все ваши нужды — как на ладони. Так требуются очки?

— Нет, спасибо, — убито прошелестел Гриф. И посмотрел на картинки внимательнее, потому что от него явно этого ждали.

Это были жанровые сценки: комбайнеры в полях, тучные нивы, уходящие за горизонт, сады, нагруженные плодами, стада упитанного скота, рыбаки-промысловики с гигантскими рыбинами, птицефермы с улыбочивыми птичницами, — короче, все позитивные символы изобилия. На других картинках представляли сталевары у домен, мощные корпуса заводов, фабрик, громады ТЭЦ, гиганты ГЭС и АЭС (если правильно понял Гриф, ни разу в жизни не видевший ни тех, ни других), коридоры подземных што-

лен и дерзкие фантазии на тему компьютерной техники завтрашнего дня. В третьей серии шли друг за другом лекционные залы институтов с мудрыми преподавателями и внимательными студентами, величественные хранилища библиотек, строгие лаборатории, сосредоточенные ученые возле непонятных, но солидных агрегатов, мудрецы, вещающие с экранов телевизоров, а то и прямо на площадях... Не были, само собой, забыты и вдохновенные писатели и художники, и молодые семьи, и благостные старики, и округлые, будто накачанные воздухом (Грифа в очередной раз передернуло) розовые дети, и храбрые воины, и покорение космоса, и культурный досуг... Отдельные группы сюжетов составляли доблестные бои, преимущественно победные для русской армии — Гриф различил Куликовскую битву, Ледовое побоище, Полтавскую баталию, взятие Очакова и Измаила, Бородино, штурм Перекопа, Курскую дугу, взятие Берлина, флаг над рейхстагом и, вполне вероятно, захват дворца Иди Амина. Все они были нарисованы ясно и колоритно, будто в школьных учебниках. Былинные и сказочные сюжеты — три богатыря, Вольга и Микула, поверженные Кашей и Соловей-Разбойник. Пейзажи родного края — поля, холмы, перелески, речушки и ручейки... И вариации на тему футуристической фантастики — сбывшиеся утопии, само собой.

— Где-то я это уже видел? — пробормотал Гриф, будто сам с собой.

— Подумайте получше, Роман Львович, — одобрил Гриф.

— Ах, да! Мне все это напоминает метро! Московское! Поры моего детства!

— Тем лучше. Для будущей работы. Она для вас ассоциируется с приятным. Окунитесь в атмосферу своего детства и пишите светлые, радостные, позитивные книги. Круг тем можно расширить, конечно же. Захотите — обсуждайте с консультантом. Он всегда поблизости. Мы не ретрограды. Фэнтези, фантастика, футурология — все это возможно. Даже необходимо. Но только — позитивное, а не наоборот. Вы уже поняли, я знаю. И еще. Роман Львович, от псевдонима придется отказаться. Гриф — птица, жрущая падаль. В вашей прежней жизни — возможно. Но вы словно заново рождаетесь. И у вас должно быть другое имя. Малиновкин — вполне звучит. Но надо сопоставлять с конкретными темами. Если возьметесь за баталистику и маринистику — то вряд ли пойдет. Если любовные романы — разумеется, полные оптимизма и не замыкающиеся на переживаниях героев — очень хорошо.

— У меня был контракт с издательством! — вдруг трепыхнулся бывший Гриф — трепыхнулся, как пойманная малиновка.

— Роман Львович, мне казалось, мы обо всем договорились! — приподнял брови Максим Федорович. — Так что у вас с издательством?

— Ничего, — прошептал Малиновкин.

— Намного лучше. Творческих вам успехов!

* * *

Тем временем Виолетта, женщина вздорная и сварливая, но любящая мужа и преданная ему, металась по знакомым, ломая голову, куда мог так надолго закатиться ее непутевый муженек! Второй вечер, как его нет! Что же за проклятая вечеринка? Что за Фонд странный? Ни Яндекс, ни Гугль о нем ничего не знали. Приглашение муж забрал с собой. Точный адрес Виолетта не помнила. Где-то в Замоскворечье, но Замоскворечье огромное. Дура, что же координаты их не додумалась записать?! С полудня Виолетта, нервная, как мама первоклашки, опоздавшего из школы домой, носилась по всем адресам, известным ей, уверяя себя, что просто Гриф перебрал на вечеринке и постеснялся являться в таком виде домой... или, как это с ним уже не раз бывало, так раздухарился, что пошел из клуба по кабакам либо ночным клубам, требуя продолжения банкета...

Убегая из дома, Виолетта глупейшим образом забыла мобильник, поэтому до нее из Фонда еще не дозвонились ни на сотовый, ни на домашний телефон — кто же дома трубку возьмет? Поэтому она еще ничего не знала о метаморфозе, постигшей писателя Грифа. И друзья Грифа, и его шапочные знакомые, и его приятели по барам и ресторанам, и его «свои» бармены — никто ничего дельного не мог сообщить взволнованной даме. И лишь в доме писателя-фантаста, мастера мистических ужасников, Игоря Цапелюка (писавшего без псевдонима), ей почудилось, что она напала на след. Но след был призрачный, куда слабее ниточки из клубочка Ивана-Царевича в заколдованном лесу...

Цапелюк гордо показал Виолетте приглашение на такую же вечеринку, с которой пропал Гриф, — только на послезавтра. У него на приглашении стояла цапля на одной ноге.

Виолетта вцепилась в лацканы цапелюковского пиджака:

— Кто они?! Кто этот Фонд? Ты о них что-нибудь знаешь?

— Мать, я знаю, что в наши дни фонды очень полезны, — сообщил Цапелюк, осмотрительно выдираясь. — Отличный способ писателю урвать свою халяву. Вот приду к ним — и все узнаю. Да пусти ты меня, полоумная!.. — фантаст политесом не блистал, а деревенский жаргон очень любил как в быту, так и в книгах, обильно приправляя им свои креативы про оживших мертвецов, бунтующую нечисть и ведьмацкие заклятия. У него получались эдакие кондовые, русофильские триллеры.

— Ромка пошел к ним на вечеринку и пропал! Я с ума схожу! Мне впору в петлю от беспокойства! Ты имей в виду — Рома пропал в этом Фонде! А ты в ус не дуешь!

— Мать, а мне что — брать гранатомет и идти его вызволять? Ты не офигела, часом? Придет твой Ромка, никуда не денется. Первый раз, что ли, с ним загулы калмыцкие? — ехидно намекнул мистик, и Виолетта погасла. То-то и оно, что не в первый и не во второй... и она обо всех таких фактах знала от доброжелателей в больших подробностях, нежели сам писатель Гриф после похмельных провалов в памяти.

Убрав руки от фантастовых грудков и потеряв к нему интерес, Виолетта повернулась и побрела домой, где с периодичностью раз в полчаса звонили оба аппарата — мобильный и стационарный...

* * *

«Раннее летнее утро коснулось опушки леса розовыми кистями благодатных солнечных лучей. И вся опушка расцвела и преобразилась, как преобразается спящая женщина, проснувшись и умывшись росой, в писаную красавицу. Час глубокой предрассветной тишины сменился гаммой звуков просыпающегося леса. Певчие пичужки захлебывались радостным щебетом, перекликаясь друг с другом. Кусты и деревья отвешивали друг другу поклоны и ласково соприкасались веточками, точно добрые друзья, счастливые встречей. Все в лесу питали друг к другу светлые радостные чувства. Даже голодная...» — Рома Малиновкин приостановил пулеметную печать, призадумался, покусал губы, решительно стер слово «голодная». «Даже хитрющая лиса, грациозно выползшая из своей норы, унюхала в воздухе сытный запах жирного зайца...» — снова стер все до слова «норы». «Даже хитрющая лиса, грациозно выползшая из своей норы на утренний променад и во время неспешной пробежки по окрестностям увидевшая в кустах мелькнувший хвостик серенького зайчишки, была настроена так благодушно, что махнула рыжим великолепным хвостом и не стала преследовать косоногого...»

— Прекрасно получается, Роман Львович, — похвалили сзади. Малиновкин крутнулся на кресле так, что чуть не грохнулся вместе с ним. Вошедший, как было у него заведено, почти без звука полковник Головной стоял за спиной писателя и внимательно читал строчки на экране. Видимо, увлеченный автор пропустил легчайшее дуновение ветерка, что обычно сопровождало появление консультантов, и был захвачен врасплох. — О природе, очень мило. Я знаю, знаю, дальше будет пасторальный роман, лирика и созидательный труд. Мне передавали фабулу, я одобрил.

— Польщен, — пролепетал тот, кого уже не звали Гриф.

— А признайтесь, Роман Львович, — внезапно Головной чуть-чуть улыбнулся, — ведь уже рука не поднимается писать про гниль, плесень, дерьмо и прочее такое? Правда?

— Правда, Максим Федорович! Не могу себя заставить написать, даже как лиса за зайцем охотится!

— Значит, помогло лечение, — констатировал Максим Федорович и стал похож на лукавого Санта Клауса. — Значит, ваш опыт можно ставить в пример другим пациентам. А есть тут один... упорный. Фантаст. Но неконструктивный. Разрушительный фантаст. Говорит, что не может предать цеховые интересы. Видали? Я вот думаю, может, его к вам перевести на время? В целях скорейшего излечения?..

На вопросы полковника Головного не принято отвечать «нет». Лояльный Малиновкин сложил все черты лица в умильную гримасу и закивал, что китайский болванчик, точно предложение полковника доставило ему Бог

весть, какую радость. На деле же он, признаться, испытывал противоречивые чувства. Хотелось повстречаться с товарищем по несчастью, не все же одному переживать муки второго рождения... но, вместе с тем, если товарищ — кто-то из знавших Грифа, то как ему в глаза смотреть?

Полковник Головной, меж тем, проделал некую молниеносную операцию пальцами, и одна стена палаты Малиновкина бесшумно поползла вверх и канула в белый ровный потолок. Воздух в комнате даже не дрогнул. На месте больничной стены открылся широкий пустой коридор. В дальнем конце его красовалась скульптурная группа — один человек везет на операционной каталке другого.

— Пустите меня, б...ди! Суки! — орал простертый из положения лежа. — Твари вы! Змеи! Аспиды! Что ж вы... что ж... де... ла...еть... — голос будто свернулся, из чего Малиновкин заключил, что «горизонтального» усыпили. Каталка с осторожным, даже уютным жужжанием вползала в палату беллетриста. С тревожным любопытством взгляд Романа Малиновкина прежде всего скользнул по неподвижному телу. Так и есть: знакомый. На каталке лежал, на глазах проваливаясь в глубокую медикаментозную кому, тщетно стараясь пучить мутнеющие глаза, фантаст Игорь Цапелюк. За какие-нибудь три секунды его взгляд потух, а лицо, искаженное недавним криком, расслабилось и растеклось по эмпиреям сна.

— Прекрасно, капитан, — негромко похвалил полковник Головной. Видимо, похвала предназначалась тому, кто вез и умирал буйного фантаста. Малиновкин перевел глаза выше. Увидел под белым халатом соблазнительные выпуклости. Мелко вздрогнул от неожиданности: он подспудно был уверен, что здесь весь персонал — мужского пола, крупный, с квадратными плечами, лицами и мозгами. Украдкой глянул в лицо капитана. Содрогнулся нешуточно. Из-под белого колпака, надетого весьма кокетливо, ему улыбалась красивая ненатуральная блондинка. Дашенька.

— Здравствуйте, Роман Львович, — любезно сказала она. Теперь ее глаза смотрели осмысленно, выражение лица резко изменилось: умная принципиальная машина, робот на службе идеи.

— Здравствуйте, Дашенька... или вы не Дашенька? — пролепетал Малиновкин.

— Дарья Александровна, если позволите, — поправила машина. — Приятно видеть вас в новом амплуа. Согласитесь, оно гораздо приятнее прошлого? Вот, я так и знала. Роман Львович, я же вас предупреждала... а вы не поняли... Если бы я заметила, что вы готовы измениться, мы бы успели отозвать приглашение. Но вы упорствовали... что ж, вышло, как вышло.

— Простите, — глупо шепнул Малиновкин, хотя, по идее, извиняться следовало не ему.

— Роман Львович, оставляем на ваше попечение нашего нового клиента. Игоря Владимировича Цапелюка. Будем признательны, если вы объясните ему — когда он очнется — что сменить амплуа — в его же интересах. Это трудно, однако необходимо. Напомните ему прекрасный роман Бруно Ясенского «Человек меняет кожу». Вы его, безусловно, читали — с вашей-то образованностью.

— Читал. В детстве, — поспешил согласиться Малиновкин, снова часто и несолидно кивая.

— То, что происходит здесь с людьми искусства, укладывается в превосходный образ Бруно Ясенского. Не так ли?

— Попрошу вас, капитан, подготовить приказ о присвоении Роману Львовичу внеочередного звания, — проговорил из-за спины Малиновкина полковник Головной.

— Но, полковник, — фамильярно перебила бывшая Дашенька, порозовев от удивления.

— Готовьте, готовьте, Дарья Александровна. Я думаю, он справится.

Об авторе

Прозаик, литературный критик, публицист. Постоянный автор литературных журналов «Знамя», «Октябрь», «Урал», «Дети Ра», «Бельские просторы» и других. Редактор рубрики «Проза, критика, публицистика» журнала «Кольцо «А». Автор романа «Жители ноосферы» (М., Время, 2014). Рассказ «Вальпургиева ночь» вошёл в антологию «Русская фантастика — 2013» (М., Эксмо).

Лауреат Астафьевской премии в номинации «Критика и другие жанры» 2006 года, премии журнала «Урал» в номинации «Критика» 2006 года, премии журнала СП Москвы «Кольцо А», премии Союза писателей Москвы «Венец» за 2013 год.

Член Русского ПЕН-центра, Союза писателей Москвы, Союза российских писателей.

Григорий Неделько

Доктор Пауз

Недавно прошёл слух, что доктор Пауз вернулся. Одни говорят, он опять взялся за старое, а другие утверждают, что он никогда не прекращал своих дел с прошлым. Может быть, с того момента, как всё началось, он уверенно шёл к намеченной цели. Что, вы не знаете, кто такой доктор Пауз? Нет, он отнюдь не врач. Если уж на то пошло, он не имеет никакого отношения к медицине и не обладает докторской степенью. А впрочем, если вам интересно, давайте я расскажу историю этого загадочного человека.

Впервые уникальные способности проявились у него в шесть лет. В тот день он играл во дворе со своим другом Ником. У Ника был красивый резиновый мячик. Мальчик, который в будущем станет доктором Пауз, очень хотел получить эту игрушку. Он просил отдать её, предлагал взамен пластмассовых солдатиков, но Ник наотрез отказывался. В конце концов, последнему так надоели эти просьбы, что он сильно толкнул друга. Малыш «Пауз» вывалился из песочницы и больно ударился ногой.

Вечером Ник не вернулся домой, но там его никто уже и не ждал. Исчезли семейные фотографии, на которых был запечатлён озорной мальчуган, его вещи и игрушки пропали. А самое удивительное, что родители забыли Ника, будто и не было у них никогда сына. Из памяти их знакомых тоже навсегда испарились воспоминания о ребёнке.

И это был не единственный подобный случай: время шло, а исчезновения не прекращались. Наверное, в чём-то доктор Пауз ошибся, потому что им заинтересовалась полиция. Сохранился даже полицейский протокол, в котором записано, что этот «сверхчеловек» чётко осознавал свои действия. Такой вывод сделали служители правопорядка со слов доктора Пауз. Психиатрическую экспертизу провести не удалось, поскольку виновник событий исчез. Злопыхатели надеялись, что навсегда и не по собственной воле. Те же, кто был настроен более нейтрально, продолжали покупать газеты и смотреть телепередачи в надежде узнать что-то новое о его судьбе. Я помню точную дату этого исчезновения — 12 декабря, — так как оно сопровождалось всеобщими провалами в памяти. Казалось, Бог, по какой-то одному ему ведомой причине, лишил людей воспоминаний, причём исключительно позитивных, и сделал это в угоду доктору Пауз. Но то был не Бог — то был сам доктор Пауз.

Знаете, есть теория, что вселенная состоит из воспоминаний и существует только прошлое, а настоящего и будущего нет. Таким образом, весь

мир, как живая стена, сложен из кирпичиков, фрагментов произошедшего. Но кирпичи неплотно прилегают друг к другу, между ними есть расстояния. Эти-то расстояния и называют паузами, эти миллимиллилли... короче говоря, чрезвычайно маленькие промежутки времени. Зачем они нужны? Опять же по теории, к которой приложил руку сам доктор Пауз, в течение их реальность осмысливает происходящее. Как огромный компьютер, она анализирует случившееся, ищет ошибки, новые варианты развития событий. А когда приходит к какому-то выводу, кладётся новый кирпич.

Эта теория так и осталась бы теорией, если бы на свет не появился тот, кто мог вынимать из стены кирпичи. Потому-то журналисты и прозвали его «доктором»: найдя паузу до события и после него, он вырезал часть прошлого из действительности, словно ампутировал орган. Вот как из-за этого «доктора» люди теряли память. Вот как пропал Ник — его просто извлекли из стены реальности. И, похоже, доктору Пауз было всё равно, не разрушит ли он своими действиями стену. Либо он абсолютно чётко знал, как не погубить сущее.

И вот что интересно: почти всё, о чём я вам рассказываю, доктор Пауз сам поведал полиции, а та — журналистам. Кто знает, зачем новоявленному вершителю судеб это понадобилось. Может быть, ему захотелось славы — он же знал, что скоро исчезнет, и перед этим решил показать миру свою силу. А может, он всего лишь хвастался. Или просто делал, что ему хочется, то есть поступал так, как редко мог себе позволить. Сверхспособность накладывала свои ограничения и обязанности. Быть не таким, как все, очень сложно. Дар, или, если угодно, проклятие доктора Пауз неотступно преследовало его. Нигде не мог он чувствовать себя спокойно. Любые близкие отношения неизбежно наталкивались на преграду, выстроенную его способностью. И хотя никто не догадывался о ней до поры, он-то всегда знал о своей неординарности. Доктору Пауз было тяжело, иногда настолько, что он думал покончить с собой. Но «несуществующее» время лечило раны, помогало забывать обиды, уничтожало страхи и боролось с чувством вины. Вины за всё, что он натворил, а натворил он немало, особенно по молодости. Представьте, что вы обидели того, кто способен разобрать реальность по кусочкам. Используя всем известную фразу, он мог бы просто стереть вас с лица земли.

Но вернёмся к жизни доктора Пауз. Какое-то время этот необычный человек, можно сказать, не знал бед, но однажды против него возбудили уголовное дело. Произошло это незадолго до его исчезновения. Доктор Пауз поссорился с одной особой из-за того, что не хотел на ней жениться. Даму — её звали Сара — это очень задело. Поводом к ссоре послужил какой-то совершеннейший пустяк, вроде того, что возлюбленный забыл поздравить её с днём рождения. А затем пошло по накатанной. В итоге он дал подруге от ворот поворот. Но та оказалась на редкость злобной и мстительной, она решила засадить экс-бойфренда в тюрьму. Подстроила махинацию с ценными бумагами (доктор Пауз тогда работал в банке), подкупила присяжных. У Сары хватало денег — но не было способности менять мир. Говорят, её бесплодие — это месть доктора Пауз. Что ж, вполне возможно, ведь именно Сара могла сдать его полиции.

В истории этого человека (да и человека ли?) вообще очень много «белых пятен». Например, почему доктор Пауз не уничтожил протокол

своего дознания? Может, дело в том, что он возвёл для себя рамки, выходить за которые нельзя? Не исключено. Кто знает, что ждёт за новым поворотом судьбы человека, поставившего себя выше Бога? Доктор Пауз решил не узнавать ответа на этот вопрос. По крайней мере, я так думаю.

И вот теперь, когда прошло уже много лет с момента его исчезновения, начались странные события. Люди стали жаловаться на плохую память. Совершенно неожиданно они забыли самые важные в жизни вещи: свадьбу, рождение ребёнка или другую исполнившуюся мечту. Свои радости и успехи. В общем, то, что человек никогда не должен забывать. А СМИ охотно подхватили эту сенсационную новость, и за несколько часов она облетела весь мир. «Доктор Пауз, — кричали заголовки, — настолько овладел своей способностью, что научился «красть» жизни людей, несмотря на расставания!» Во всяком случае, это приписывали именно ему, ведь у общества должен быть виноватый.

Не буду скрывать, я давно знаком с доктором Пауз, пусть и не очень близко. И как-то раз он проговорился мне — вероятно, именно потому, что мы не были близки. Мне кажется, он легче открывался тем людям, с которыми его ничто не связывало. Не знаю. Итак, он рассказал мне о своей необыкновенной способности, а потом — об одной давней мечте. Она была родом из его детства. Ещё маленьким мальчиком доктор Пауз хотел построить мир, где он будет кем-то вроде зрителя. И этот мир должен был стать гораздо лучше нашего. Там, во вселенной детских грёз, нет убийств, насилия, лжи. Нет там и мужей, которые избивают и унижают жён, как делал это отец доктора Пауз. Нет подружек, жаждущих засадить вас в тюрьму. Нет всей той гадости и мерзости, что окружает нас. Вот такая у него была мечта.

Так что знайте, если вы случайно забудете что-то важное, что-то доброе и светлое, то, возможно, по его вине. Возможно, это доктор Пауз забирает у нас с вами кирпичики, из которых потом построит лучший, «дивный новый мир». Мир, в котором мы все когда-нибудь будем жить.

Или уже живём?

Об авторе

Родился и живёт в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ по специальности «газетная журналистика». Работал журналистом в изданиях «Аргументы и факты», «Российская газета», «За Родину!», «Московский университет».

Сотрудничает с электронным издательством писателя-фантаста Бориса Долинго «Аэлига» как редактор, корректор и автор. На сайте проекта «Фантастика.рф» составляет аудиосборники, редактирует, корректирует и отбирает произведения для публикации и озвучивания альманахом «Фантаскоп».

Публиковался в периодических изданиях «Мир фантастики», «Реальность фантастики», «Шалтай-Болтай», «Фантаскоп», «Уральский следопыт», «Пионер». Опубликовал роман и несколько сборников своих произведений в различных сетевых издательствах. Выпустил сборник рассказов и миниатюр в одном из издательств «печать по требованию».

Финалист и победитель (и как соавтор тоже) многих сетевых литературных конкурсов. Многие его рассказы были озвучены и доступны в сети для прослушивания.

Денис Воронин

Истина рядом

Всегда мой брат говорил нечто такое... неудобопонятное. Раньше я старался не вдумываться в эту мешанину слов. А сейчас напрягаюсь, чтобы вспомнить его изречения и расставить всё по порядку.

Он один из тех горе-сочинителей, кто неизменно издаёт свои тощие книжицы на собственные деньги или, как в нашем случае, за счёт близких родственников. Брат не стесняется позвонить мне посреди ночи, ворваться в квартиру и жить, сколько вздумается.

Он не только пишет глупые брошюры. Он и постоянно что-то мастерит.

По всей его однокомнатной квартирке раскиданы инструменты. В банках из-под огурцов годами хранятся какие-то настои и порошки. Под кроватью скалит зубы пила, норовит пронзить ногу дрель с невынутым сверлом; к столешнице привинчены тисочки; всюду мотки проволоки, магниты; там и сям, на клочках бумаги, кучки опилок, квасцов, мела, алюминиевой пудры. Грязные пробирки можно обнаружить даже в плафонах люстры. Подставкой для подкопчённого чайника служит первый том трудов Эйнштейна, второй — демонстративно валяется на бачке унитаза.

Когда-то братик пробовал собирать всякие забавные устройства, вроде аппарата для омоложения организма, основным узлом которого стала, как помню, ультразвуковая стиральная машинка. Под столом у него не первый год стоит установка для извлечения энергии физического вакуума. Имеется также инерционный движитель. В платяном шкафу упокоены детали разбитого махолёта. Брат считает, что мысли надо обязательно подкреплять чем-то вещественным.

С некоторых пор он бросил всю свою энергию на развенчание современной академической науки, высот которой так и не сумел достичь. Академия наук для него — гнездо рутинёров, несмотря на то, что один из её действительных членов — я.

Не знаю, где он работает, чем зарабатывает на хлеб.

Заявляется братишка обычно в пятницу, когда моя жена вынимает из кладовки домашние заготовки, а на кухне зарождается аромат жареного мяса.

Я перебираю бумаги и вношу исправления в отчёты. Думаю о важном. Между прочим, за тридцать лет из моих рук вышло свыше трёхсот монографий и статей, не считая многочисленных докладов и двух диссертаций — кандидатской и докторской.

Брат тихо, как мышка, появляется на пороге кабинета:

— Мысли надо подтверждать делами.

Из вежливости его нужно спросить о прошедшем дне. Иначе он обижается и брюзжит по всякому поводу.

— Сегодня заглянул в Палеонтологический музей.

— Ну и как?

— Представился сторожем.

— Зачем?

— Пробрался в запасники.

— И что?

— Гипс!

Брат вынимает из кармана тусклый кусочек.

— И?

— Настоящих костей нет нигде. Это вот тебе для точного анализа. У вас есть много лабораторий, полных бездельников, так им ещё и платят за ничегонеделанье на хорошем оборудовании. Которого нет у меня, настоящего учёного. Дай официальное заключение. Сам убедишься, что я говорю правду и только правду.

— И что это всё значит? — моя жена Оля хлопает ресницами. В её глазах мой брат имеет репутацию Штирлица, Бэтмена и Джордано Бруно одновременно.

— Кости ящеров искусно подделывают.

— Неужели?

— Учёные дураят всем головы, чтобы получить власть. Влияют на общественное сознание. Они... они шарлатаны, словно жрецы вуду. Я ещё расскажу о моих опытах с интерференцией. Лучи не складываются так, как написано в учебниках, и я объясню, как это связано со скоростью света...

К счастью, подоспевает запотевшая с холода водка, кроличье рагу, маринованные помидоры, и беседа увязает в государственных проблемах.

Через неделю всё повторяется.

Во вторник он является на очередное научное собрание РАН. У него мой «утерянный» год назад пропуск. Мы с ним очень похожи.

Пятница переходит в выходные.

Те же разговоры об обмане, научных мистификациях, о теории Дарвина и ошибках Эйнштейна.

Особенное восхищение у моей наивной жёнушки вызвал рассказ о пещерном волке.

— Так вот, значит, дарвинисты говорят, что киты эволюционировали из других форм жизни. И кто, ты думаешь, был их предком?

— ?

— Согласно выводам дарвинистов, прямым предком китов является... гм... пещерный волк.

Ольга всхлипывает от смеха и лукаво глядит на меня.

— Да, Оля. Представляешь, подходит пещерный волчина к воде, смотрит на волны и мечтает, как бы это ему заделаться китом. Вот заплывает подальше, ныряет глубже и ловит первую рыбёшку. Закусывает и толстеет. Потом поступает хитрей. Набирает воды в рот и начинает процеживать её сквозь зубы. Оставшихся в пасти рачков с хрустом ломает. Ха! Наверное, с пивком это не так плохо.

Брат глубоко вздыхает, чтобы прогнать смешинки, небрежно тянется к пузатому пивному бочонку с краником.

— В затылке возникает дыра. Через неё волчара выпускает фонтанчики чистой водички. В открытом океане он, ха-ха, встречает морскую волчицу, и вот вам, братцы... эволюция на ходу.

Братик переключается на то, что археоптериксы не могли летать, что в копиях не найдено ни одного метеорита. Уголь — вовсе не перепревшие пласты хвощей. Нефть никакие не останки динозавров.

— Это ужасно — думать, что заправляешь в бак гекатомбы запрессованных животных. Средство расшатывания ноосферы, — поговаривает он, потягивая пиво, и Ольга сочувственно кивает.

— Что же такое, по-твоему, углеводороды?

Брат замолкает.

Потом вновь принимается говорить — о том, какими проходимцами были французские учёные, впервые «нашедшие» косточки динозавров. Перекидывается на то, каким образом в Африке обнаружили следы неандертальцев.

— Субчики раздавали монеты, ножи, бусы, ткани, чтобы негры тащили им всякую всячину. Зубы, челюсти. Почему Африка? Климат хороший. Можно жить, работать и отдыхать. Бунгало, железные дороги, саванна. Ещё не было восстаний против колониального гнёта. Все счастливы. Бананы, кокосы... Как не поискать? Если ищешь — ведь обязательно находишь. Ежели много средств туда заложено, то обязательно найдёшь свою кошку в тёмной комнате.

— Даже если она туда и не заходила, — договаривает Ольга.

— По моим расчётам, нашей планете не более десяти тысяч лет, — солидно изрекает братец. — Так считали и классические авторитеты. Древние — не чета нынешним умникам. Они знали правду.

— И что есть правда? Ну, конечно, Земля стоит на трёх китах, а те — на черепахе, которая...

— Насчёт слонов и черепахи, — брат глядит на меня с подозрением, — нонсенс. Земля на слонах? Кто их кормит? Ты неправ, братишка. Такого быть не может.

Так я становлюсь посмешищем.

— Железо превращается в ржавь не более чем за тысячу лет, продолжает брат. — Медь, бронза, серебро держатся ненамного дольше. Золото — король металлов. Но, ежели оно не высшей пробы, тоже разъедается. Ничто не может достоверно свидетельствовать о том, что было на Земле семь, пять, или даже только тысячу лет назад.

— Но книги...

— Книги? Кто из вас сам держал в руках манускрипты Платона или Аристотеля? Всё — переписи с ранних источников. Выдумки. Все нынешние фолианты появились на свет не ранее, чем восемьсот лет назад. Знаменитые истории Древнего Рима были найдены в монастырях Европы в тысяча сто пятьдесят восьмом...

Ольга в очередной раз поражается начитанности брата и, повинувшись вальяжному взмаху его руки, приносит ещё одну рюмочку коньяка. Коньяк тут же вливается в чашку крепкого кофе.

— Уже Птолемей знал, что Земля круглая. Нашу планету окружают хрустальные сферы, на которых укреплены Солнце и другие планеты. Сферы крутятся, приводя тем самым в движение небесные тела. Схема гениального учёного античности правильно объяснила движение планет. А ещё раньше учёные считали, что звёзды — это... золотые гвоздики, забитые в небосвод.

— Ты должен оставить свои изыскания, — заявляю я. — Нужно жрать меньше кофе и поменьше курить. А лучше вообще бросить, если только хватит силы воли. Сигареты и кофе в больших количествах — главная предпосылка шизофрении. Больше ешь рыбку, она полезна мозгу...

Дальше я говорю о том, что брат определённо стал приживалой. Нужно остепеняться. Завести собственную семью.

Я даже требую возвращения долгов, накопленных за десять лет, — и это не считая систематических сытных обедов и ужинов.

Брат угрюмо молчит.

Потом начинает медленно говорить, глядя в потолок. Эти его слова мне запомнятся дословно.

— Значит, Лаплас утверждал, что небесные сферы не концентричны? Неровно вертятся вокруг планеты? То ближе, то дальше... А иногда, наверное, совсем близко? Но всё-таки саму нашу Землю не задевают?

Он долго кричит в прихожей, надевая растоптанные башмаки...

Две недели от него не поступало никаких вестей. Мы с женой начали уже беспокоиться.

Я заглянул в его домишко на захолустной окраине столицы. Двери квартиры были, как всегда, не заперты. Я зашёл и остановился среди груд одежды и обуви, резко пахнущих кислым дымком и тиной. Сквозь засаленные стёкла двери увидел четырёх человек, сидящих вокруг закруглённого стола, приволоченного со свалки. Даже узнал одного из них — высокого, с аккуратной шкиперской бородкой. Это был председатель местного общества по изучению аномальных явлений. Я мельком видел по телевизору две-три передачи с его участием, такие сомнительные программы любит жена. Четверо в комнате о чём-то горячо спорили, шелестели бумагами, дымили сигаретами, как паровозы, стряхивая пепел на пол.

Когда глаза привыкли к полумраку прихожей, я разглядел целую баррикаду из элементов туристической оснастки, протянувшуюся по коридору. Агрессивного вида ледорубы, мотки верёвок, альпинистские ботинки с шипами. Зубатые кошки, которые я раньше видел только в фильмах про шпионов. Полутораметровые рюкзаки.

Особенно поразили воображение клещи с длинными телескопическими ручками, густо обмотанными изоляционной лентой. Щитки с тёмными стёклами. Асбестовые рукавицы. Дыхательные аппараты. И другое, совершенно фантастическое на вид, оборудование.

Голоса возвысились. Самым громогласным был голос брата.

— Так вот, когда ты летишь на обычном пассажирском авиалайнере, всякий раз испытываешь нечто такое, необычайное...

— Разве что выпьешь для храбрости...

Брат не усмехнулся. Его голос креп с каждой минутой.

— Положим, на аэродроме ты смотришь вверх и видишь, что небо стопроцентно безоблачное. Но! минут через десять полёта, на высоте километров пяти, по достижении крейсерской скорости, за иллюминатором обязательно появляется туман. Через минуту под тобой встаёт непроглядная стена.

— И что?

— Это и есть Первая Сфера. На скорости восемьсот километров в час уже невозможно увидеть родную планету. Вот формулы... и я посетил секретный отдел Министерства авиации, где один заслуживающий доверия человек, старый бывалый лётчик, увы, неизлечимо больной, поведал мне, как всё обстоит на самом деле. Им запрещают болтать лишнее, под страхом мучительной смерти, самоочевидно.

Бородатый что-то невнятно пробурчал и кинул дымящий фильтр сигареты в угол комнаты.

— Значит, вы согласны на эксперимент? — спросил его брат.

— Но искусственные спутники? Они ведь летают со скоростью... э... примерно восемь километров в секунду.

— Повторю ещё раз. Я ведь не гордый. Смотрели фильм «Козерог-1»? Хитроумные американские боссы из НАСА отменяют рейд на Марс. Трое невезучих астронавтов попадают в колоссальный съёмочный павильон, туда, где мастерски проводится киномонтаж полёта к Красной планете и высадка на её поверхность. Несовершенство системы жизнеобеспечения не позволяет провести экспедицию. Но средства затрачены. Или, скорей всего, расхищены. Фантастика?! Очнись! Никаких спутников и полётов к иным планетам не может быть просто физически. Трата народных средств. Иллюзион. Ты был на Байконуре, Лёша? Ты? А ты? Кто тогда? Лжецы. Заговор. Ничего нет. Вообще. Взлетая, ракеты намеренно отклоняются от курса, падают в необъятной тайге, и там их утилизируют на секретных заводах. Американские космические аппараты тонут в океане. Все лгуны. Масоны. Заговорщики. Согласно единственно верной теории мироздания, моей бинарной термодинамике, ни одно вещественное тело не может иметь скорость, большую удвоенной скорости артиллерийского снаряда. Иначе оно становится невидимым. Атомы Земли и её спутники, имеющие такую скорость относительно друг друга, не способны обмениваться фотонами и гравитонами. Правило, универсальное для всех сил. Это просто понять, стоит ещё раз взглянуть на проверенные нормальными учёными формулы. Эффект Мёссбауэра...

— Не может быть.

— Мысли нужно подтверждать делами?

— Ну да.

— И здесь нет таких же фразёров, как мой брат?

— Нет, — согласился бородатый.

— Взглянем ещё разок на мои чертежи. Тут сферы-эксцентрики нисходят к перигелию. Скорость почти обнуляется. Шанс наблюдать феномен выпадает один раз в тридцать лет. Мы должны его использовать.

Я заметил, что стол застелен не скатертью, а обширным куском ватмана с пятнами от кофе и немалым количеством небрежно нарисованных колец. Похоже, шаблонами для них служили тарелки и блюда, грудой наваленные на диване.

Я понял, что беспокоиться не о чем. С братом ничего не случилось, он всё так же бодр и всё так же безумен. Я повернулся и, стараясь ничего не задеть в тесном коридоре, вышел на улицу...

Брат куда-то исчез. Правда, коротко звякнул Ольге перед отъездом. Хотя прошла уж неделя, слишком мы не тревожились. Да мне и некогда было отвлекаться на заботы о родственниках. Собиралась международная конференция, связанная с космическими исследованиями, и я обязан был присутствовать.

Выдалось прекрасное утро. На этот раз я проезжал мимо здания университета, моей альма-матер, в приятном одиночестве. Ведь обычно брат пронырливо подсаживался в автомобиль на заднее сидение, дымил сигаретой и брюзжал мне в затылок. Говорил, что те, кто корпит в университете, понапрасну переводят народные деньги. Они тем только и занимаются, что переписывают цифры с одной бумажки на другую, копируют из одного файла в другой, а работать руками и делать что-то дельное, например, соорудить гигантский пылесос, чтоб убирать грязь с улиц, для них непочётно. Труд шестнадцати тысяч зеков, построивших это здание, пропадает даром, если только не считать удовольствия, получаемого зеваками от созерцания хорошо подсвеченной высотки. Ну и тому подобное.

Я знаю, дважды брат поступал в МГУ, и оба раза получил двойку по математике.

Вход в главное здание.

Приятный гул толпы.

Встречи с коллегами.

На кафедру вышел профессор Семёнов. Он принялся разворачивать ватманы и прикреплять к доске магнитиками, которые постоянно отваливались. Их подбирали молоденькие ассистентки и возвращали на место.

Гости из-за рубежа сидели раздельно. Профессор Саймон. Доктор Дональд. Лица у них были напряжённые.

Заштормили окна.

— У нас важный доклад!

Зал встрепенулся.

— Мы подтверждаем сенсационную новость. Недавно исчезли пять звёзд в созвездии Стрельца.

— It is impossible... Это невозможно, — вскочил с места Саймон. Он суматошливо шевелил пальцами. — Как могут исчезнуть звёзды? С помощью орбитального телескопа Хаббл мы прекрасно видим всё, что происходит во Вселенной.

— То, что звёзд в небе недостаёт, я видел и без ваших телескопов. Собственными, ничем не вооружёнными глазами.

— Их заслонило пылевое облако, — запрыгнул на кафедру Дональд.

— Но скорость света, друзья! Она не позволяет одному объекту затмить звёзды, находящихся на расстоянии в сотни световых лет от нас и друг от друга!

— Может, звёзды погасли в силу своих внутренних причин?

— Одновременно?!

— Почему бы и нет? Искривление пространства. Гравитационные линзы разносят изображения на значительное удаление. На самом деле все эти звёзды находятся в одной системе.

Люди зашевелились, принялись переговариваться. Вместо чинного заседания учёных воцарился форменный художественный беспорядок.

У меня музыкальный слух.

— Так вы не в курсе, коллега? — тихо, очень тихо шепнул доктору Дональду профессор Саймон. Я заметил, что он старательно скрещивает пальцы на руках так и этак, явно ожидая ответного знака. Но Дональд глядел на него поверх очков с явным недоумением.

Научная дискуссия грозила перерасти в драку. Попахивало международным скандалом.

— Чёрные дыры!

— Пылевое облако!

Тихо, спокойно к кафедре вышел мой брат.

Руки у него были сильно обожжены. Лицо багровое — будто он неделю побыл под жарким солнышком. За плечами — выдавший виды рюкзак.

Он снял свою ношу, бережно опустил на пол и взошёл на кафедру. Все стихли.

— Я только что с Эльбруса.

Зал загудел.

— Землю окружают хрустальные сферы. Иногда их поверхности вместе с небесными телами подступают к нашей планете. На малую высоту. Горы приближают настоящих исследователей к небесной тверди.

Видимо, присутствующие начали понимать, что за клоун выступает перед ними. Коллеги смотрели то на меня, то на брата: я уже говорил, что мы с ним очень похожи. Отовсюду доносились покашливания и непродолжительные смешки.

Я сжался в комок.

Брат осознал, что не сможет, как рассчитывал, произнести помпезную речь. Он спустился с кафедры, наклонился и развязал рюкзак, из которого вырвалось белое сияние.

— Ваши чёрные дыры, коллапсы, пылевые облака и гравитационные линзы... Эти диссертации и цифирки... Ваши дорогостоящие телескопы. Бред. Мысли следует подтверждать делами.

По проходу торопливо шагали два охранника.

Брат прошмыгнул мимо кафедры к президиуму.

— Вот ваши звёзды.

Он кинул на стол пять золотых гвоздей.

Об авторе

Родился в 1971 году в городе Тимашевск Краснодарского края. Образование неоконченное высшее, МЭИ. Работает ИТР.

Первая публикация в 1996 г., журнал «Непоседа» — «Записки Командора», далее около 2-х десятков научных статей в журналах «ЮТ» и «Техника Молодежи», по материалам своих экспериментов. В «ТМ» опубликованы рассказы «Огнеопасно-Вселенная» и «Взаимные Обязательства», в «Чудеса и приключения» — «Новые люди». В «Юном Технике» — рассказ «Наследник».

Анна Чутко

«Цуцыков, Амфибрахий с вами!»

— Сначала был туман. И он был ничто. И он был все...
— Кто был никем, тот станет всем, — хихикнули с задней парты.

— Цуцыков, снова из тебя пещерная историография полезла, а ну встань, повтори заклинание Велеса, сейчас же!

— Нет бога кроме... И эммэм... пророк его, — уныло затянул долговязый паренек.

— Эм-эм, — передразнил учитель ученика. — Вот что бывает, когда в голове одна история. Цуцыков, жить ты как будешь? По своим вот этим вот историям? Ой, Цуцыков, смотри, в жизни никто тебя пинать не будет. Так? А это что у нас там за возня на задних партах? Записочки, значит, пишем, ну-ка, ну-ка, давай сюда. — Он читает, багровеет. — Что-о-о? Что это, я вас спрашиваю! Я в пифагоровых штанах! Я, почетный учитель школы, преподаватель мифологического сознания! Да как вы вообще! Да я вас! — задохнулся учитель и, взвизгнув: «всех до одного родителей к директору», скрылся за дверью под счастливый хохот класса.

Красный как рак преподаватель-мифолог влетел к директору, однако прервать его не решился — тот объяснялся с растревоженной мамашей старшеклассника:

— ...с приятелями за передачей научных книг. Вы хоть знаете, чем занимается ваш сын в свободное от школы время? Вот, полюбуйте: Диккенс, Достоевский и, прости господи, Бунин! Срам какой, так и кончит жизнь свою в библиотеке.

— Боже, мой Феденька, — лепетала мамаша. — Он же всегда был примерным мальчиком... Тиви, инет, ну вот разве что комиксы, но это так, совсем уж редко... Но книги! Ничего такого у нас и в помине не было... Хорошая семья! Бабушка — почетный мифологизатор, отец — главный управляющий управления самоуправления. И Феденька, он ведь хороший мальчик, он исправится, мы все лето будем заниматься!

— Да-да, по поводу занятий, — встрял учитель. — Успеваемость у него неважная, оценки только за красивые глаза...

Меж тем на школьном дворе начинался урок физкультуры. Учитель закашлялся и сплюнул под ноги:

— Цуцыков, опять опоздал! Десять затяжек вне очереди. А знаешь ли ты, Цуцыков, что падение уровня никотина в крови сопровождается оскудени-

ем дофамина, что в конечном итоге приводит к хандре, суициду, а то и, упаси нас боженька, размышлениям о природе сущего. Так, класс! — гаркнул он на остальных. — Отставить пробежки, занятие началось, легли на маты и смироно лежим. Тема урока: закон сохранения энергии, перетекающей в массу.

Окончился еще один нескончаемо длинный, а главное, мучительно скучный школьный день, и Цуциков бездумно побрел домой, смакуя неожиданно приятные чувства, вызванные новой кличкой «отщепенец». Он смутно ощущал, что в неформальной подростковой иерархии она позволит ему подняться еще на пару пунктов и стать ближе к авторитетному званию главного маргинала школы.

В аудитории сидели десяток студентов и потный от жары скучающий профессор. Над ними громко кружила муха.

— Факторы, — уверенно начал и тут же осекся студент, крикнул и поспешил поправиться, — то есть, я хотел сказать, первопричины сущего явле... вжжж, — студент старательно проговорил, — чуда. Есть ничто иное как... жжж

— Ах ты, падла! — взвизгнул профессор и хлопнул крылатую бестию томиком введения во всеобщую мифологию. — Ну что же с вами делать? — обратился он к перепуганному студенту. — Темой вы владеете не в полной мере, а вернее сказать, никак. Лексикон освоен уж совсем ни к черту.

На лице студента изобразилась мука.

— Ставлю зачет, но только из уважения к вашей почтенной матушке. И идите-идите, — замахал он руками, словно отгоняя от себя назойливое насекомое.

На заборе образцового городского двора было криво выведено: «Я вас любил, любовь еще быть может...». Из открытого окна первого этажа несло: «Граждане, ни для кого не секрет, что в нашем процветающем государстве остались еще очаги, непросвященные огнем настоящей мифологии. Некоторые отдельные элементы не хотят ступать на праведный путь слепой веры, упорствуя в своем темном наукообразном мышлении. И ладно бы, пусть их, так ведь они одним своим существованием смущают неокрепшие умы, сворачивая их на скользкий путь рационального, прости господи, познания. Охмуря логикой, диалектикой и бог еще знает чем самых юных и незащищенных членов общества. Я считаю, что наш с вами долг незамедлительно...»

— Это что еще такое! — отчитывала своего сорванца пылающая праведным гневом мамаша. — Что за выражения такие! Где только набрался этой дряни! А, это все твой Генка с отцом-математиком и матерью-пианисткой, гнать их поганой метлой! Тоже хочешь кончить среди гор книг и этих... как их...

— Нотных альбомов, — простодушно подсказало юное создание.

— Что ты сказал? — взвилась мать. — Ну, ты у меня схлопочешь! Вот придет отец из пивнушки, ох и всыплет тебе!

Хлопнула дверь подъезда и во двор вышел престранный субъект, взерошенный, с красными глазами и томиком Бальмонта под мышкой.

Пошатываясь, он устремился к приятелям, соображавшим на троих одну литературную газету.

— Господибожемой, у Амфибрахия опять запой, — зашипели бабки на скамейке. — Да этот хоть не буйный, сидит себе, читает тихонечко, даже с однокнижниками не особо дискус... Дисктук... спорит в общем. Вот отец его в запое бывало встанет посередь двора, да как давай реветь стихи эти его поганые, да чуть не плачет и так жалобно: люди, да что же с вами! Срам сплошной! Недаром мать-покойница к Володьке-самогонщику ушла, вот это я понимаю, мужик! А этот йих, одно слово — интеллигенция! Тьфу!..

* * *

— Я же говорил, я же говорил, — обрадовался младший демиург, — сквозь все общественные наслоения в человеческой натуре в конечном итоге побеждает врожденное стремление к хорошему.

— Не горячитесь, мой друг — отвечал убежденный сединой старший товарищ, — возможно, дело только в том, что действие породило противодействие, а качества исходных данных здесь абсолютно ни при чем. Иными словами, заложи мы в поле агрессивной пропаганды позитивные ценности и отдай на порицание негативные, то получили бы обратный эффект. Это я вам точно говорю. Уж я-то знаю...

Об авторе

В реальной жизни Анна Жидкова. Родилась в 1984 г. в Москве, где и проживает в настоящий момент. Закончила факультет журналистики Университета РАО, учится на курсах литературного мастерства А.В. Воронцова. Работает копирайтером free-lance'ом.

Пишет с 2010 года, свое будущее хотела бы связать с литературой. Два рассказа приняты на публикацию в журнал «Техника молодежи».

Александр Брюханов

Сплошная иллюзия

- **С**ынок, иди кушать, я уже всё положила, — требовательный голос мамы позвал в кухню.
- Сейчас, сейчас, — зашевелил сын губами, не отрываясь от компьютера.
- Сын, тебя же зовут. — Мама вошла в комнату. — Чем ты тут занимаешься?
- Не оборачиваясь, сын начал объяснять:
- Вот видишь, я создал страну... Вот нефтяные вышки, заводы, поля пшеницы и города...
- На экране компьютера вдали дымили маленькие заводы, в городах можно было разглядеть домишки, и всё это напоминало вид из иллюминатора самолёта.
- А кто в этой стране главный? — спросила мама.
- Получается, что я, — ответил сын.
- И народ в твоей стране есть?
- Да.
- А как живётся народу в твоей стране...? Что-то его не видно, — потрепала мама сына за вихры.
- Я думаю, нормально, — задумчиво ответил сын, — Показатели все в норме... Сейчас я увеличу... Это же компьютер, тут всё можно. Сама увидишь.
- Изображение на экране стало стремительно увеличиваться. Вот уже стали видны люди на улицах, куда-то спешащие, ларьки, возле которых толклись тётки, окна домов в которых горел свет.
- Ну, вот возьмём вот так, — сказал мальчик, нажал на курсор и открылось изображение одной из квартир за окном.
- Там девочки танцевали перед зеркалом, кривляясь и что-то напевая в расчёску.
- Ты что, за девочками подглядываешь? — мама взволнованно посмотрела на сына.
- Да, не, — мальчик снова нажал на кнопку и экран показал другую квартиру. В ней ругались муж с женой, причём муж собирал чемодан.
- Это тоже не то, — сказал мальчик.
- Ты часто наблюдаешь за жизнью других людей? — спросила мама.
- Нет, но сейчас мне надо найти одного человека... — и он снова нажал на курсор.

Открылась очередная квартира, там у стола за компьютером сидел мальчик лет двенадцати. Рядом с ним сидела женщина, судя по всему его мама.

— Похож на тебя. А можно включить звук, — попросила мама.

Мальчик нажал мышкой кнопку с динамиком на экране, и они услышали, как заэкранная мама говорила сыну, — А раз ты управляешь целой страной, значит тебе нужно подкрепиться, пойдём кушать...

— Ну, не могу я мама, — сказал мальчик. — Здесь такое может произойти, потом не исправишь... Вот смотри, на главной площади собирается митинг...

— Какой митинг? У нас на работе что-то говорили про митинг, — сказала предэкранная мама.

— Так это же не реальная жизнь, — ответил сын, — Это мир, который я создал...

Заэкранный мальчик нажал курсор, и тут же на площадь выехало несколько больших машин с ОМОНОм.

— Ах ты, гад, — сказал мальчик, — Вот я тебя и нашёл.

— Ты что ругаешься? Прекрати сейчас же, — строго сказала мама, — Кого ты нашёл?

— Этого, — мальчик показал курсором на заэкранный мальчика. Он мне постоянно портит игру.. — и тоже нажал на курсор и на экране.

ОМОН вышел из машин и встал на охрану митинга.

— Так он что, играет с тобой? — удивлённо спросила мама.

— А ты как думала, — ответил парень, нажал курсор ещё раз, и два омонца побежали к дому, где жил мальчик.

— А он только с тобой может играть или со всеми нами? — спросила мама.

— Не знаю, — ответил мальчик, наблюдая за тем, как заэкранный партнёр при помощи кнопок и курсора делает так, чтобы бойцы ОМОН зашли не к нему, а в квартиру первого этажа...

— А тот мальчик знает, где мы живём? — спросила мама.

— Пока не знаю, — ответил сын, — но ты не беспокойся, всегда чего-то можно придумать.

— Подожди, так если он управляет нами всеми, то выходит, что мы не настоящие. А если ты управляешь ими всеми, то и они не настоящие... Кто тогда настоящие? А что же тогда делать? — Мама на несколько секунд застыла. — Нет, если всё это так, надо прекратить обращать на это внимание и идти кушать. Выключай компьютер сейчас же.

На экране появилась надпись, что над городом обнаружен неизвестный летающий объект, не похожий ни на что из известных летающих аппаратов. Предполагается, что это инопланетный разум.

— Выключай сейчас же. Идём кушать.

— Ну, не сейчас, — отмахнулся мальчик.

И только после того, как мама взялась за розетку, под страхом принудительного выключения, мальчик перевёл компьютер в ждущий режим и пошёл в кухню.

— Ну вот, пока мы с тобой завозились, папа куда-то ушёл, — всплеснула руками мама. — Из-за этого компьютера никого не соберёшь, — она повернулась и пошла звать папу.

Тот в спальне сидел с ногами на кровати с ноутбуком на руках.
— Кушать, кушать, всё прекращаем, — сказала мама.
— Минуту, — попросил папа, — Мне надо посадить в городе летающую тарелку..
— Всё бросаем и на кухню, — сказала мама.
Папа нехотя встал.
Сына на кухне уже не было.
— Да что же мне с вами делать, — спросила мама, опять выловив сына возле компьютера.
— Это не я, — сказал мальчик, — Это тот, по ту сторону экрана.
— Не поверю, что ему тоже не надо ужинать, — сказала мама, — вот найду свободную минутку, свяжусь с его мамой, тогда и вам, и некоторым инопланетянам не поздоровится.

Об авторе

Родился, учился и живет в Санкт-Петербурге с начала второй половины XX века — с 1956 года. Учился, как большинство, на радиотехника, а работает, как большинство, менеджером.

Печатается давно и довольно регулярно в оставшихся юмористических изданиях: «Чаян», «Нескучная газета», «Литературная газета» и других.

Ирина Соколова

Для тонких ценителей

В этой ресторации всегда собиралось самое утонченное общество: говорили только по-французски, обсуждали балеты и вернисажи, щеголяли модными камзолами военного кроя. Лили едва сдерживалась, чтобы не запищать от восторга. Такое окрыление, казалось, могло невзначай унести девушку под облака, но у нее был надежный якорь с прочной цепью: светские манеры.

Кузен Андрей с другом Жоржем оживленно разговаривали о «вольнотчинцах и разномудцах», как они любили их называть, а Лили впитывала все: от цвета переливающихся оливковых штор и рисунка плиток на полу до приглушенного мурлыканья фортепиано и едва различимых запахов. Запахи были здесь особой материей: никого, даже самых именитых особ не пропускают в узорные двери, если швейцар уловит хоть намек на духи, хоть едва различимую нотку Кельнской воды.

Учтивый официант замер у плеча кузена, и тот летучим жестом дирижера потребовал карту.

— Чем еще вас побаловать, Лили?

— Ах, Андре, я и так на седьмом небе!

— Но главный номер вечера еще впереди, дорогая кузина. Что бы вы хотели попробовать?

— Что-нибудь легкое и игристое, пожалуй.

Официант чуть поклонился и осведомился:

— Натуральное, я полагаю, мадемуазель?

— Погодите-погодите, милейшая Лили! — разволновался Жорж, бледный брюнет с вытянутым лицом. — Вы же сегодня ужинаете в «OL' FACTORIA». Надо попробовать что-нибудь необычное, редкое, изысканное! Позвольте, я выберу для вас!

Лили застенчиво улыбнулась и кивнула. Жорж определенно проявлял к ней нечто большее, чем просто вежливый интерес.

— Нам, пожалуйста, на троих. Хочется отечественного колорита. Москва, начало двадцать первого века, ЮВАО.

Что-то мистическое звучало в этом «ЮВАО».

— Великолепный выбор, мсье. Сию минуту.

На круглом белом столике будто по волшебству появился пузатенький, пустой на вид хрустальный флакон с крышкой-шариком. На серебряном подносе лежали три гибких трубочки и три прозрачных насадки. Лили вни-

мательно следила, а потом повторяла за кузеном принятый в ресторации ритуал: расплющить насадку, уголок ее скатать в колбаску и вставить в один конец трубочки, другой конец — в одно из трех отверстий крышки-шарика. Потом растянуть и наклеить насадку, чтобы она закрыла нос. Когда все были готовы, Жорж кивнул с видом знатока и повернул верхнюю часть шарика.

В ноздри Лили ударила Москва, начало двадцать первого века, ЮВАО. Кислый, едкий запах, настолько густой, что глаза заслезились. Девушка не выдержала: сорвала насадку, смяла ее в кулаке и стала жадно хватать воздух.

— Что с вами, Лили? — гнусаво спросил Жорж.

— Это слишком крепко для меня, — пробормотала Лили.

— Все изысканные запахи крепки, Лили. Но если вы хотите ощутить нечто по настоящему необычное, надо быть к этому готовой.

Девушка сморгнула и пробормотала, не успев одернуть себя:

— Я всегда думала, что «изысканное» значит «приятное».

Кузен улыбнулся, а Жорж даже имел дерзость рассмеяться.

— Не обязательно приятное, но непременно редкое. Какой смысл дышать запахами природы или туалетной воды прошлого века, если они уже давно разобраны на составляющие и изведаны до последнего атома? Их всегда можно воссоздать. Но вот это, — он указал на флакончик, в котором, будто злонравный джинн, притаился запах ЮВАО, — это неповторимо. Вы заметили нотку дизеля, Андре? А мой любимый АИ-95? И эта пыль, эти ароматы асфальта и краски. Осмелюсь предположить, что это ранняя весна, утренний час пик...

— Не берусь спорить с таким тонким ценителем, — откликнулся кузен. — Действительно, Лили, ведь за тем вы и пришли сюда: за новыми впечатлениями? Вы только что ощутили запах прошлой эпохи, а такая возможность представляется далеко не каждому. В наше время, когда почти всё научились имитировать и воспроизводить, вы вдохнули нечто подлинное, редкое и, увы, исчерпаемое. Через пару поколений останутся лишь летучие, полустертые воспоминания об утреннем часе пик в Москве. Как жаль, что люди начинают дорожить любым ресурсом только тогда, когда он уже подходит к концу...

Жорж печально вздохнул, полной грудью вбирая драгоценный АИ-95, что бы это ни значило. Лили из вежливости попробовала насладиться уникальным запахом, и теперь ее хватило на целых пять секунд.

— Выветрился, — посетовал кузен, а его друг вздохнул еще горше.

— Может, попробуем питерский подвал? Или многоквартирник с мусоропроводом? Или курский кожзавод? — предложил Жорж. С каждым новым названием деликатеса глаза знатока разгорались все ярче, как у ребенка, которого спросили, что ему подарить на именины.

Андре приятно улыбнулся и снова изобразил дирижерский взмах. В его ладонь легла карта запахов «OL' FACTORIA».

— Этот круг за мной, — щедро пообещал он и снова оставил выбор Жоржу.

Лили расправила плечи и покорно приготовилась к новым изыскам. Если в чем-то не разбираешься, не выпячивай свое невежество, а прислушивайся к мнению знатоков.

Об авторе

Родилась в Курске в 1990 году. Окончила с красным дипломом Институт журналистики и литературного творчества (г. Москва), специальность — художественный перевод. Перевела с английского для издательства «Эксмо» 7 книг. После института устроилась в бюро переводов (владеет четырьмя иностранными языками), работает редактором отдела нефтегазовой тематики по направлению «бизнес, маркетинг». В школе писала стихи и рисовала, в институте стала ходить на мастер-класс фантастики и детектива под руководством В.Т. Бабенко, принялась за прозу.

Публикации: подборка стихотворений, журнал «Девичник» № 22/23, 2007 г., рассказ «Записки о демоне», альманах «Этажерка» № 4, 2010 г., рассказ «Джунгли, стрельба и немного безумия», журнал РБЖ «Азимут», 2013 г., рассказ «Перемен», альманах «Антология Мифа-2013», Феодосия, рассказ «Зачем и почему», «Знание-сила. Фантастика», № 2/2014 и рассказ «Хионские древности». «Знание-сила. Фантастика», № 2/2015.

Любителям научной фантастики

Предыдущие выпуски литературного приложения «Знание-сила: Фантастика» можно приобрести в редакции журнала «Знание-сила».

Адрес редакции: Москва, Кожевническая ул., дом 19, стр. 6

ЛИТЛАВКА
LITLAVKA.RU

Литературный магазин

В наших Интернет-магазинах Вы можете приобрести книги по ценам издательства без дополнительной наценки.

Все книги поступают к нам от издательств или непосредственно от авторов, минуя посредников.

Оплатить заказ можно через расчетный счет издательства «Вест-Консалтинг».

Пересылка книг за счет покупателя.

В Москве книги могут быть доставлены курьером.

Звоните по тел.
(495) 971 79 25

Адрес эл. почты:
stepanovev@mail.ru

Реквизиты издательства «Вест-Консалтинг»:

Юридический адрес:

Банк:

109193, г. Москва,
ул. 5-я Кожуховская, д.13

ОАО «Банк Москвы» г. Москва

ИНН / КПП:

Расчетный счет:

7723339052 / 772301001

40702810800670000380

БИК:

Корр. Счет:

044525219

30101810500000000219

Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг» — *Степанов Е. В.*